

Лечебное дело

3(43)/июнь 2015

Научно-практический терапевтический журнал
www.lech-delo.by

Кораксан®

Ивабрадин

Первый I₁ ингибитор избирательного и специфического действия

**Принципиально новый подход к лечению
пациентов с сердечной недостаточностью**

- Устраняет симптомы ХСН¹
- Значительно расширяет физическую активность¹
- Предотвращает смертность от прогрессирования ХСН на 39%²

1. Volterrani M, et al. Effect of Carvedilol, Ivabradine or their combination on exercise capacity in patients with Heart Failure (the CARVIVA HF trial). Int J Cardiol 2011;151(2):218-24. 2. Böhm M, Borer J, Ford I, et al. Heart rate at baseline influences the effect of ivabradine on cardiovascular outcomes in chronic heart failure: analysis from the SHIFT study. 2012. Clin Res Cardiol. DOI 10.1007/s00392-012-0467-8.

ОДНА ТАБЛЕТКА В ДЕНЬ

НА ОДНОМ ДЫХАНИИ

ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМЫ У ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

ГЕДЕОН РИХТЕР ОАО

Основано в 1901 году

ISSN 2219-6404

Лечебное дело

июнь
3(43)/2015

Научно-практический терапевтический журнал

Тематика журнала:

Главный редактор:

Заместитель главного редактора:

Литературный редактор:

Дизайн и верстка:

научно-практическая, научно-теоретическая, научно-методическая

Александр Васильевич Хапалюк

Т.А. Нечесова

И.Г. Давыдик

Т.В. Лукашенок

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гастроэнтерология и гепатология

Ю.В. Горгун, Ю.Х. Мараховский, С.И. Пиманов, Н.Н. Силивончик

Гематология и трансфузиология

Л.А. Смирнова

Инфекционные болезни

И.А. Карпов

Кардиология

Е.С. Атрощенко, А.Г. Булгак, В.И. Козловский, Н.А. Манак, Н.П. Митьковская,
А.Г. Мрочек, В.П. Подпалов, А.М. Пристром, М.С. Пристром,
В.М. Пырочкин, В.А. Снежицкий, С.Г. Суджаева

Клиническая биохимия

А.Д. Таганович

Курортология
и восстановительная медицина

Е.И. Калиновская, Э.С. Кашицкий,
В.Б. Смычек

Неврология

В.В. Евстигнеев, С.А. Лихачев, В.В. Пономарев

Нефрология

В.С. Пилотович

Общественное здоровье
и здравоохранение

Т.П. Павлович, Н.Н. Пилипцевич,
Р.А. Часнойть, М.В. Щавелева

Профилактическая медицина

Е.Ф. Заремба (Львов), В.Э. Сушинский

Психосоматическая медицина

С.А. Изумнов, А.В. Копытов, О.А. Скугаревский

Пульмонология и фтизиатрия

Г.Л. Гуревич, В.Л. Крыжановский, Е.А. Лаптева,
А.Э. Макаревич, Е.М. Скрыгина, В.П. Царев

Ревматология

Н.А. Мартусевич, Е.Л. Насонов (Москва),
Т.Д. Тябут, В.В. Цурко (Москва)

Фармакология и фармакотерапия

Н.А. Бизунок, Э.А. Доценко, М.Р. Конорев,
Д.А. Рождественский (Москва)

Эндокринология

Л.И. Данилова, Т.В. Мохорт, Е.А. Холодова, А.П. Шепелькевич

Учредитель и издатель: ООО «Медицинские знания»

Адрес редакции: 220049, г. Минск, ул. Черняховского, 3, к. 28

Тел. +375 17 2844049, e-mail: lechebnoe.delo@yandex.ru,

akhapa@tut.by

Свидетельство о регистрации № 673 от 18.09.2009 г.

Выдано Министерством информации Республики Беларусь

Подписные индексы журнала

по каталогу РУП «Белпочта»:

01048 (инд.), 010482 (вед.)

Тел. главного редактора:

+375 29 7789774; +345 29 6749774

Полиграфическое исполнение: ОАО «Промпечать»

220049, г. Минск, ул. Черняховского, 3

ЛП № 02330/233 от 11.03.2009 г.

Печать офсетная. Бумага офсетная

Усл. печ. л. 7,44. Заказ № _____. Тираж 400 экз.

Периодичность издания: 1 раз в два месяца

Автор несет ответственность за направление статей, ранее
опубликованных или принятых к печати в других изданиях.

Мнение авторов не всегда отражает точку зрения редакции.

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

СЕРДЦУ НУЖНЫ
ЛЮБОВЬ И МАГНЕРОТ®

В Германии
с 1981 года

магнерот® – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРОСТО МАГНИЙ!

Лекарственное средство. Перед применением необходимо проконсультироваться с врачом. Имеются противопоказания. Возможно развитие побочных эффектов. Применение при беременности возможно, если потенциальная польза для матери превышает потенциальный риск для плода.

Представительство компании «Вёрваг Фарма ГмбХ и Ко. КГ» (Германия) в Республике Беларусь:
220004, г. Минск, ул. Раковская, д. 12, офис 201, тел./факс: (017) 203-59-42, (017) 203-07-51

РУ МЗ РБ Магнерот® №10197/14 от 04.01.2014 до 04.01.2019
Информация носит рекламный характер

ОТ РЕДАКЦИИ	5
В МИРЕ ЛЕКАРСТВ	
Метопролол в лечении хронической сердечной недостаточности И.Е. Атрощенко, Е.С. Атрощенко, Е.П. Воробьева	7
ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ	
Пожилой человек и общество: медицинские и социальные аспекты гериатрической службы Республики Беларусь А.В. Байда, Р.А. Михалюк, Л.П. Воронина, Н.Б. Кузнецова	15
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ	
Иммунное воспаление как составляющая патогенеза фибрилляции предсердий у пациентов с ишемической болезнью сердца и влияние на него омега-3 полиненасыщенных жирных кислот М.С. Пристром, Ю.А. Олихвер, И.И. Семененков, В.В. Артющик, А.А. Маковская	23
Новые возможности в лечении остеоартрита коленных суставов О.В. Дегтерева, М.С. Пристром, И.Э. Адамович, И.Е. Атрощенко	30
Реабилитационные возможности сочетанного применения нормобарической гипоксии и омега-3 полиненасыщенных жирных кислот в комплексном лечении пациентов с ишемической болезнью сердца, ассоциированной с хронической обструктивной болезнью легких И.И. Семененков, М.С. Пристром, В.В. Артющик, Ю.А. Олихвер, Е.П. Воробьева, Е.М. Банькова, С.В. Сосновский, С.В. Воробьева	34
Результаты исследования качества жизни пациентов с ишемической болезнью сердца при применении гипобаротерапии в сочетании с аторвастатином Е.П. Воробьева, И.Е. Атрощенко, И.И. Семененков, Е.М. Банькова, С.Н. Прусевич	39
Частота и структура изменений костной системы у пациентов с повышенной функцией щитовидной железы И.В. Панькив	41
Оценка диагностической значимости шкалы CLIF-C для прогнозирования госпитальной смертности пациентов с циррозом печени и бактериальными инфекциями Д.И. Гавриленко, Н.Н. Силивончик	45
ОБЗОРЫ И ЛЕКЦИИ	
Диастолическая дисфункция миокарда: современные представления о диагностике и возможностях коррекции нарушений В.Э. Сушинский, М.С. Пристром	49
Сенильный кальцинированный аортальный стеноз: современный взгляд на проблему В.В. Артющик, М.С. Пристром, И.И. Семененков, Ю.А. Олихвер, Р.Ю. Чечко, В.В. Курсевич	54
О диагностике и лечении внебольничных пневмоний С.А. Петров, Е.М. Банькова, И.Н. Волынец, Г.П. Мороз, О.В. Однобочко	58
Нестероидные противовоспалительные лекарственные средства в практике врача-терапевта Ж.Л. Сухих, М.В. Штонда, Е.М. Банькова	60
КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ	
Контроль снижения артериального давления и уровня гликемии у пациентов с сахарным диабетом 2 типа (результаты постпротокольного исследования ADVANCE-ON) Т.А. Нечесова	63
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	
Правила оформления статей	64

МИЛЬГАММА®

БЫСТРАЯ И ЭФФЕКТИВНАЯ ПОМОЩЬ В ЛЕЧЕНИИ НЕВРОЛОГИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ

Боль в спине?

Лицевая боль?

**Невозможно поднять
руку?**

- ⊙ **Выраженный обезболивающий эффект**
- ⊙ **Неотъемлемый компонент терапии при радикулите, плексопатии, невритах, невралгии, полиневропатии, миалгии**
- ⊙ **Мильгамма® с бенфотиамином обеспечивает длительную и надежную защиту нервных волокон**

Способ применения и дозы:

Мильгамма® инъекции: по 1 ампуле 1 раз в сутки внутримышечно 5–10 инъекций, затем Мильгамма®
таблетки: по 1 таблетке 2–3 раза в сутки внутрь в течение 4–6 недель

Лекарственное средство. Перед применением проконсультируйтесь с врачом и ознакомьтесь с инструкцией.

КАФЕДРЕ ТЕРАПИИ БЕЛОРУССКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ ПОСЛЕДИПЛОМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 55 ЛЕТ

М.А. Герасименко, М.С. Пристром, М.В. Штонда

Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

В сентябре 2015 г. кафедре терапии государственного учреждения образования «Белорусская медицинская академия последипломного образования» исполняется 55 лет. За эти годы кафедра приобрела статус авторитетного центра в области последипломной подготовки врачей первичного звена здравоохранения в Республике Беларусь.

Кафедра терапии организована в Белорусском государственном институте усовершенствования врачей в сентябре 1960 г. Заведующим кафедрой была избрана известный терапевт доктор медицинских наук, профессор Софья Соломоновна Несвижская. С сентября 1969 г. кафедрой возглавил доктор медицинских наук профессор Аркадий Семенович Чиж, а с сентября 1998 г. и по настоящее время кафедрой заведует доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь Марьян Станиславович Пристром.

На кафедре работают опытные, высококвалифицированные, с большим стажем педагогической, научной и клинической работы преподаватели. Это кандидаты медицинских наук, доценты С.А. Петров, Ж.Л. Сухих, И.Е. Атрощенко, Е.М. Банькова, М.В. Штонда, И.И. Семененков, Е.П. Воробьева, В.Э. Сушинский, В.В. Артюшик, О.В. Дегтерева. В разное время на кафедре работали известные в республике терапевты, кандидаты медицинских наук Е.Е. Эпштейн, В.И. Юдицкая, И.Ф. Калинина, М.И. Некрашевич, А.С. Корзун, Е.А. Луговец, Г.А. Ящиковская, доктор медицинских наук Л.Д. Куница.

За 55 лет на кафедре терапии повысили свою квалификацию более 19 тысяч врачей (врачи-терапевты, врачи общей практики и другие врачи терапевтического профиля, а также заведующие терапевтическими отделениями, заместители главных врачей, преподаватели учреждений образования системы здравоохранения Республики Беларусь, научные сотрудники РНПЦ и НИИ), прошли подготовку в клинической ординатуре более 500 специалистов, среди которых не только жители Республики Беларусь, но и врачи из ближнего и дальнего зарубежья.

В последние десятилетия появились значительные достижения в медицинской науке. В Республике Беларусь активно развиваются интервенционные методы диагностики и лечения заболеваний внутренних органов, проводятся операции аортокоронарного шунтирования, протезирования клапанов сердца, имплантация кардиостимуляторов и кардиовертеров-дефибрилляторов, радиочастотная абляция, имплантация стентов и др. В условиях возрастающего информационного потока, постоянного внедрения в клиническую практику новых методов диагностики и лечения, новых лекарственных препаратов врач оказывается в ситуации, когда ему просто необходимо повышать свою квалификацию. От квалификации врача-терапевта, его теоретической подготовки и практического опыта во многом зависит ранняя диагностика заболевания, и, следовательно, оказание своевременной лечебной помощи больному человеку. Сегодня на смену концепции «образование на всю жизнь» пришла концепция «образование через всю жизнь». Только постоянное, непрерывное профессиональное развитие врача создает основу для высокой эффективности его повседневной работы.

Кафедра терапии имеет огромный опыт подготовки специалистов терапевтического профиля. Сегодня на ка-

федре реализуются учебные программы повышения квалификации длительностью 1 неделя (40 часов), 2 недели (80 часов) и 1 месяц (160 часов). На лекциях, практических занятиях освещаются основные разделы внутренней патологии (болезни сердечно-сосудистой системы, суставов, органов дыхания и пищеварения, почек, системные болезни соединительной ткани), а также вопросы эндокринной патологии, онкологии, инфекционных болезней, гематологии, гериатрии, обсуждаются вопросы особенностей ведения пациентов после интервенционных методов лечения, проведение антитромботической терапии и др.

Таким образом, на кафедре терапии в течение одного курса повышения квалификации врачи-терапевты, а при необходимости и другие врачи терапевтического профиля могут приобрести качественные и разносторонние профессиональные знания и навыки по всем разделам внутренней патологии и отдельным вопросам смежных дисциплин.

Традиционно на кафедре проводятся клинические разборы диагностически неясных больных. Во время обсуждения с врачами данных анамнеза, результатов лабораторных и инструментальных методов обследования пациента выстраивается диагностический алгоритм, обосновывается предполагаемый диагноз, разрабатывается тактика ведения пациента в стационаре и на амбулаторном этапе, рассматриваются вопросы рациональной фармакотерапии, а также проблемы полипрагмазии в терапевтической практике. В ряде случаев обсуждаются этические и деонтологические проблемы.

Наряду с профессиональным мастерством преподавателей существенный вклад в обеспечение высокого уровня подготовки специалистов на кафедре вносят четкая организация учебного процесса, использование современных компьютерных технологий и мультимедийных средств обучения, оснащенность клинической базы. Клинической базой кафедры с 1960 по 1970 г. была 5-я городская клиническая больница г. Минска, с 1970 по 1980 г. – Минская дорожная больница, с 1980 по 2004 г. – 3-я городская клиническая больница. С 2004 г. клинической базой кафедры является 2-я городская клиническая больница. Сегодня больница представляет собой крупнейшую многопрофильную лечебную организацию, оснащенную самым современным лечебно-диагностическим оборудованием. Это ангиографическое оборудование, позволяющее выполнять исследования сердца и сосудов (коронарная, висцеральная и периферическая ангиография, аортография, вентрикулография, зондирование сердца и др.) и эндоваскулярные операции (баллонная ангиопластика коронарных и периферических артерий, стентирование, эндоваскулярное лечение хронических окклюзий артерий с малым диаметром и др.), рентгеновское компьютерное оборудование, позволяющее выполнять в том числе кардио-КТ, магнитно-резонансный томограф и другое высокотехнологичное оборудование.

Коллектив кафедры активно занимается научной работой. На кафедре выполнялись научные исследования по следующим темам: «Изучить нейрогуморальные, метаболические и гемодинамические нарушения у больных атеросклерозом, сердечной и легочно-сердечной недостаточностью, а также оценить влияние некоторых лекарственных препаратов» (инициативная тема НИР), задание ГНТП «Разработать метод лечения больных артериальной гипертензией

и ишемической болезнью сердца на основе дифференцированного использования адаптации к гипобарической гипоксии», задание ОНТП «Разработать комплексную методику медицинской реабилитации больных ишемической болезнью сердца, включающую использование адаптации к гипобарической гипоксии», задание ОНТП «Разработать комплексную методику медицинской реабилитации больных артериальной гипертензией на основе использования адаптации к гипо- и нормобарической гипоксии». В настоящее время выполняется задание ОНТП «Разработать комплексную методику медицинской реабилитации пациентов с ишемической болезнью сердца и избыточной массой тела в сочетании с хронической обструктивной болезнью легких».

За прошедший период на кафедре защищены 2 докторские (А.С. Чиж, Л.Д. Куница) и 22 кандидатские диссертации. На сегодняшний день выполняются 2 докторские и 3 кандидатские диссертации.

Сотрудниками кафедры опубликовано более 1000 работ, в том числе профессором А.С. Чижом – более 260 (является автором и соавтором 1 монографии и 12 учебных и справочных пособий) и профессором М.С. Пристромом – более 350 (является автором и соавтором 12 справочных, учебных и энциклопедических пособий). Наиболее известные издания: Чиж А.С. «Протеинурия: Клиническое значение и патогенез» (1983); под общей редакцией А.С. Чижа «Нефрология в терапевтической практике» (1998); Чиж А.С., Пилотович В.С., Колб В.Е. «Нефрология и урология» (2004); Пристром М.С., Пристром С.Л., Сушинский В.Э. «Терапия и реабилитация сердечно-сосудистых заболеваний у пожилых людей» (2007); Атрощенко Е.С., Атрощенко И.Е. «Фармакотерапия нарушений метаболизма миокарда у больных с хронической сердечной недостаточностью с помощью цитопротекторов» (2005); Атрощенко Е.С., Атрощенко И.Е. «Статины и коронарная болезнь сердца» (2007); Пристром М.С., Пристром С.Л. «Средства сохранения здоровья и долголетия» (2009); Пристром М.С., Байда А.В., Семененков И.И., Воробьева Е.П. и др. «Гипобаротерапия в лечении больных ИБС и АГ. Применение гипобаротерапии в других областях медицины» (2009); Пристром М.С., Пристром С.Л., Сушинский В.Э. «Артериальная гипертензия у пожилых: особенности терапии и реабилитации» (2012); Атрощенко Е.С., Атрощенко И.Е. «Этиология, патогенез и фармакотерапия хронической сердечной недостаточности» (2014). Пристром М.С. также является соавтором руководства для врачей «Клиническая кардиология» (2007), руководства для врачей «Практическая кардиология» (2012), справочника для врачей «Неотложные состояния: диагностика, тактика, лечение» (2013).

Только за последние 5 лет сотрудниками кафедры опубликовано более 50 статей, более 120 тезисов докладов, сделано 30 выступлений на республиканских конференциях и семинарах, издано 21 учебно-методическое пособие. Утверждено 6 инструкций по применению, получено 3 авторских свидетельства на изобретение.

Коллектив кафедры принял непосредственное участие в организации и проведении республиканских научно-практических конференций «Терапия на переднем крае борьбы за улучшение демографической ситуации в стране» (2008), «Борьба с неинфекционными заболеваниями в рамках реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь» (2012).

На протяжении 55 лет сотрудники кафедры оказывали консультативную помощь отделениям клинических баз, другим учреждениям здравоохранения г. Минска и Минской области. С 2013 г. преподаватели кафедры ежемесячно читают лекции для врачей-терапевтов амбулаторно-по-

ликлинических учреждений здравоохранения г. Минска в рамках лектория, программа которого разрабатывается совместно с Комитетом по здравоохранению Мингорисполкома, участвуют в организации и проведении областных обучающих семинаров, разработанных совместно с Управлением здравоохранения Минской области. Являясь консультантами профессорского лечебно-консультативного центра БелМАПО, преподаватели кафедры участвуют в оказании высококвалифицированной медицинской помощи населению всей республики.

Кафедра терапии – это своеобразная «кузница кадров» для БелМАПО. Так, профессор Л.Д. Куница длительное время заведовал кафедрой неотложной терапии, доцент В.Э. Сушинский являлся заведующим кафедрой геронтологии и гериатрии, доцент М.В. Штонда – декан терапевтического факультета, доцент Е.П. Воробьева – начальник отдела докторантуры, аспирантуры и клинической ординатуры, доцент А.В. Байда в настоящее время – заведующий кафедрой геронтологии и гериатрии с курсом аллергологии и профпатологии.

Преподаватели кафедры внесли значительный вклад в организацию и совершенствование терапевтической службы республики. Так, профессор А.С. Чиж являлся главным терапевтом (1964–1968) и главным нефрологом (1984–1994), профессор М.С. Пристром – главным геронтологом (1992–1998), доцент В.Э. Сушинский – главным гериатром, затем главным терапевтом (2011–2014) Министерства здравоохранения Республики Беларусь. При участии профессора М.С. Пристрома в БелМАПО в 1996 г. была открыта кафедра геронтологии и гериатрии. В соответствии с Республиканской комплексной программой по проблемам пожилых людей с его помощью открыты гериатрическая больница (г. Гомель), гериатрические отделения (Минский р-н), а в большинстве лечебно-профилактических учреждений – гериатрические кабинеты и палаты.

Сотрудниками кафедры терапии выполнялась и выполняется общественная работа. Профессор А.С. Чиж более 25 лет (с 1969) был председателем Минского городского научного общества терапевтов, председателем нефрологической секции РНот, а с 1990 г. является членом Европейской ассоциации нефрологов. Профессор М.С. Пристром является членом 2 советов по защите кандидатских и докторских диссертаций при БелМАПО, входит в состав научно-редакционного совета журнала «Лечебное дело», экспертной комиссии по терапии и реабилитации, экспертной комиссии по закупке лекарств, аттестационной комиссии Министерства здравоохранения Республики Беларусь. Доцент С.А. Петров много лет являлся ученым секретарем докторского совета по защите диссертаций при БелМАПО. В настоящее время доцент М.В. Штонда выполняет функции ученого секретаря докторского совета по защите диссертаций при БелМАПО.

За успешное выполнение производственных планов, активное участие в общественной жизни института (академии) кафедре неоднократно присуждались призовые места, сотрудникам объявлялись благодарности, вручались почетные грамоты. Указом Президента Республики Беларусь в 2008 г. профессору М.С. Пристрому присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Беларусь».

В канун 55-летия коллектив кафедры терапии, опираясь на накопленный опыт и славные традиции, продолжает осваивать новые образовательные методики, совершенствовать работу по подготовке высококвалифицированных кадров для практического здравоохранения, отдавая свои силы и знания благородному делу охраны здоровья населения Республики Беларусь.

Поступила 20.04.2015

МЕТОПРОЛОЛ В ЛЕЧЕНИИ ХРОНИЧЕСКОЙ СЕРДЕЧНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ

И.Е. Атрощенко¹, Е.С. Атрощенко², Е.П. Воробьева¹¹Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск²Республиканский научно-практический центр «Кардиология», Минск

Бета-адреноблокатор метопролол используется в лечении кардиологических пациентов в виде трех солей: сукцината, тартрата и фумарата, которые из-за своей разной растворимости определяют разную скорость поступления препарата в кровь и его фармакокинетику. В итоге не установлены преимущества метопролола с одной солью над другой, но наиболее убедительные данные получены при использовании метопролола сукцината медленного высвобождения у пациентов с хронической сердечной недостаточностью.

KEYWORDS

beta-adrenoblocker, metoprolol, chronic heart failure

Beta-adrenoblocker metoprolol is used in treatment of cardiologic patients by engaging 3 types of salts: succinate, tartrate and fumarate. All of them have different solubility and they have a different pace of entering a bloodstream, and a different pharmacokinetics of the above drug. As a result, it is difficult to determine advantages of metoprolol with one of the salts over the other, but the most important data is achieved from metoprolol with succinate of slow release during treatment of patients with chronic heart failure of any genesis.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

бета-адреноблокатор, метопролол, хроническая сердечная недостаточность

Истории применения бета-адреноблокаторов (БАБ) в клинической практике уже 45 лет. Она наполнена и драматическими, и победными страницами. В частности, в 1988 г. за успешное использование БАБ в кардиологической клинике сэру Джеймсу Блэку была присвоена Нобелевская премия. К настоящему времени они стали препаратами выбора для лечения большинства пациентов с коронарной болезнью сердца (КБС), обязательными – для лиц с инфарктом миокарда (ИМ) в анамнезе, а ряд из БАБ (метопролола сукцинат, бисопролол и карведилол) – в комплексном лечении всех пациентов с хронической сердечной недостаточностью (ХСН) любого функционального класса (ФК) тяжести, любой этиологии и типа дисфункции миокарда.

Основные сведения по их клинической эффективности мы подробно публиковали ранее [1–9, 19], посему в рамках данной статьи коснемся некоторых неясных аспектов применения такого популярного в мире БАБ, как метопролол.

Сегодня наиболее убедительные и корректно полученные данные по клиническому применению метопролола приведены в 25 рандомизированных исследованиях [13, 17, 18], наиболее значимыми из которых являются (Goteborg Metoprolol Trial [27], MIAMI [37], Stockholm Metoprolol Trial [39], BCAPS [25] и TIMI [44]).

С тех пор прошли десятилетия и стало ясно, что, во-первых, фармакодинамический эффект препарата зависит не от солей лекарства (тартрата, сукцината и фумарата), а только от молекулы метопролола,

во-вторых, этот эффект не изменяется при модификации лекарственной формы и концентрации метопролола в плазме крови, обусловленной скоростью высвобождения действующего соединения.

В то же время, когда речь идет о БАБ, которых сегодня имеются десятки форм, не всегда верно говорить об их универсальном, классовом эффекте, как это наблюдается в большинстве случаев их использования в качестве антиангинальных и антиишемических средств.

Особенности фармакокинетики и фармакодинамики метопролола. Метопролол используется в виде 3 солей – сукцината, фумарата или тартрата, что из-за их разной растворимости определяет их разную скорость поступления в кровь, а также скорость всасывания, распределения и выведения (фармакокинетику) [11, 14], а фармакодинамику определяет концентрация самого метопролола в плазме крови [12].

До настоящего времени нет убедительных данных, какая из солей метопролола – сукцинат или тартрат – является более эффективной [13] из-за отсутствия сравнительных рандомизированных исследований, которые и в перспективе не планируются. В то же время хорошо известно следующее.

Метопролола сукцинат – это лекарственная форма с контролируемым высвобождением (CR/XLZOK, или Controlled Release/Extended Release), фумарат – с замедленным высвобождением (SR – Sustained Release), тартрат – с немедленным (IR) высвобождением. Метопролол SR может быть тартратом. Активное соединение из такой таблетки выделяется за счет

осмотического градиента (технология осмотического насоса OROS-ORaIOSmotic), а ретардная форма метопролола тартрата изготавливается с помощью технологии CD/ERT (Controlled Delivery/Extended Release Tablets). Это монолитная структура-матрица, состоящая из окиси полиэтилена, которая контролирует высвобождение в водной среде, где метопролол растворяется и проникает через гелевый слой.

Представляется, что наиболее технологически прогрессивной является многоэлементная система CR/XL, содержащая метопролола сукцинат в виде множественных гранул с контролируемым высвобождением. Каждая такая гранула функционирует как отдельная диффузная камера, что обеспечивает постоянную концентрацию в течение времени до приема следующей дозы лекарства. При этом максимальная его концентрация достигается через 3,2–7,3 ч. Формы IR – спустя 1,3 ч, а SR – 2,8 ч. Поскольку время полувыведения метопролола тартрата R составляет от 3 до 7 ч, для достижения должной бета-блокады в течение 24 ч его нужно назначать на 3 приема. При использовании эквивалентных доз разных форм лекарства можно добиться целевого снижения числа сердечных сокращений (ЧСС) [23], т. е. 60–50 ударов в минуту [8, 9]. Таким образом, благодаря постоянной форме диффузии лекарственного вещества из формы метопролола сукцината с контролируемым высвобождением препарата обеспечивается более стабильная концентрация метопролола в плазме крови в течение суток, чем многократный прием быстро высвобождающегося метопролола тартрата. На практике это важно с той точки зрения, что при контролируемом высвобождении лекарства риск избыточного снижения артериального давления, в отличие от формы IR, невелик, что снижает риск развития ишемии головного мозга у пациентов с АГ. Существенным является и влияние разных БАБ на ЧСС и вариабельность сердечного ритма, поскольку все они снижают ЧСС, что сопровождается уменьшением потребления кислорода миокардом, который у лиц с ИБС работает в условиях его ограниченной доставки и дефицита энергообеспечения. Напомним, что само кровоснабжение мышцы сердца осуществляется только в период диастолы его камер.

Снижение ЧСС с помощью БАБ ведет к увеличению ее продолжительности, что улучшает перфузию кардиомиоцитов (КМЦ). ЧСС настолько определяет обмен кислорода в миокарде, что расценивается как критический фактор для возникновения ишемии левого желудочка, поскольку ее повышение предшествует этой ишемии.

Бета-1-блокирующее действие 50 мг метопролола сукцината более постоянное в сравнении с обычной формой метопролола за счет более постоянной концентрации в плазме крови [47], причем этот эффект наблюдается при использовании данного лекарства в более широком диапазоне от –12,5 до 200 мг [49].

В плане его особенностей практически важным является тот факт, что профиль лекарства контролируемого высвобождения одинаков у лиц с медленным и быстрым метаболизмом и средняя концентрация метопролола в плазме крови через 24 ч после приема составляет 54 % от пиковой (для сравнения – у очень надежного и эффективного бисопролола, также назначаемого 1 раз в сутки, 23 %). В отношении основных фармакокинетических свойств метопролола SR установлено, что он биоэквивалентен метопролола сукцинату CR/ZOK, что отражается в сопоставимом их влиянии на уровень артериального давления и выживаемость пациентов КБС с инфарктом миокарда в анамнезе. В завершение следует отметить следующее.

А.Г. Мрочек и В.В. Горбачев [15] подчеркивают, что эффекты, обусловленные блокадой бета-адренорецепторов, более продолжительны, чем этого можно ожидать на основании определения периода полувыведения. Установлено, что элиминация БАБ происходит с большей скоростью, чем ослабевает их адреноблокирующий эффект, который традиционно оценивается по степени снижения ЧСС, а также по их противоишемическому и антигипертензивному действию. Например, известно, что после внутривенного введения пропранолола его концентрация в плазме крови за 4 ч уменьшается на 50 %, а бета-адреноблокирующий эффект – только на 36 %. На практике это означает, что продолжительность отрицательного хронотропного влияния этого лекарства превышает время его элиминации из плазмы крови, прямо зависящее от используемой дозы лекарства. Также замечено, что при длительном применении липофильных БАБ, к которым относятся метопролол, бетаксолол, карведилол и пропранолол, период их элиминации значительно увеличивается, что объясняется замедлением их метаболизма в печени. Уместно заметить, что как метопролола тартрат, так и сукцинат метаболизируются в печени на 80–100 %, причем пресистемный метаболизм при первом прохождении через печень составляет 65–80 %. При этом системная биодоступность лекарственной формы метопролола с контролируемым высвобождением активного вещества на 20–30 % ниже, чем стандартные формы, что связано с более активным расщеплением печенью метопролола, который медленно высвобождается из лекарственной формы. Это, кстати, важно для пациентов с циррозом печени – этого основного органа элиминации препарата, когда следует или снизить дозу лекарства, или уменьшить кратность его приема (это касается IR-формы лекарства).

Доказательная база. Доказательная база – основа основ современной кардиологии, – применимо к классу БАБ как лекарств выбора для лечения КБС, ХСН и АГ была обеспечена рандомизированным исследованием с применением самого передового по тем временам препарата метопролола тартрата, например MDC [35], которое впоследствии подверглось

жесточайшей критике. Дело в том, что исследование было выполнено на сравнительно небольшом количестве пациентов (около 400 больных ДКМП и ХСН) и, несмотря на тот факт, что его применение у этих тяжелых пациентов привело к снижению частоты комбинированной конечной точки в виде числа смертей и пересадок сердца (что немало!), снижения смертности в целом по группе не произошло. Нельзя не отметить, что исследование проводилось талантливыми учеными из Швеции, впоследствии ставшими ведущими кардиологами Европы, под руководством проф. F. Waagstein [46]. Именно F. Waagstein принадлежат гениальные выводы о клинической эффективности применения «крайне опасных» (как считалось по тем временам) БАБ при ХСН [45], не оцененных современниками.

Несмотря на невероятную популярность БАБ в лечении пациентов с КБС и рядом аритмий [15], некоторых из них – с ХСН и несомненную пользу при лечении пациентов с АГ [48], серьезных исследований в мире проведено не так много, как, например, с ингибиторами ангиотензинпревращающего фермента (иАПФ).

В наиболее значимых исследованиях по метопрололу установлено следующее. В 1985 г. были опубликованы результаты исследования MIAMI [37], включившего 5778 пациентов с острым инфарктом миокарда (ОИМ). В 2005 г. – еще более крупное исследование (n = 45 852 пациента) – COMMIT/CCS-2 (ClopIdogrel and Metoprololin Myocardial Infarction Trial) [22], где было показано, что внутривенное введение метопролола в раннем периоде ИМ, хотя и не снижает общую летальность, но значительно уменьшает число повторных ИМ и эпизодов фибрилляций желудочков. По-видимому, здесь существенную роль играет не только антиаритмический эффект лекарства, но и его способность ограничивать зону ИМ [28, 29, 32]. Благоприятное воздействие метопролола на краткосрочный прогноз установлено у пациентов с нестабильной стенокардией [32]. Метопролол, как и пропранолол, карведилол, тимолол и ацебутолол, оказался БАБ, способным улучшать и отдаленный прогноз больных, перенесших ИМ [32, 39, 40].

В итоге экспертами-составителями национальных рекомендаций по лечению ОИМ АНА/АСС [20, 21, 30], ЕОК [31], ВНОК [16] метопролол включен как лекарство выбора с целью вторичной профилактики, которое назначается внутрь с первых суток ИМ тем пациентам, у которых нет признаков сердечной недостаточности (СН) и высокого риска развития кардиогенного шока (класс 1В).

В данном аспекте практически важным кажется следующее. Известно, что 50 % смертей после ИМ – это внезапная смерть по причине фибрилляции желудочков, частота которых снижается при приеме некоторых БАБ [38]. Наиболее эффективными считаются БАБ с высокой липофильностью, в частности метопролол.

Липофильные БАБ легко проникают в мозг, что ведет к поддержанию высокого парасимпатического тонуса во время стрессовых ситуаций. Комбинация прямого антиишемического эффекта и влияние на вагальный тонус являются механизмами защитного антифибрилляционного действия метопролола [29]. Весьма интересными представляются сообщения об анальгезирующем действии метопролола при его внутривенном введении пациентам с подозрением на ИМ [24]. К настоящему времени накопилось большое количество исследований по снижению кардиоваскулярного риска с помощью некоторых БАБ не только у пациентов с ХСН, но и при с АГ, причем в последнем случае высокоэффективными оказались некоторые антагонисты кальция, эффект которых был еще выше при их сочетании с некоторыми БАБ. Необходимость такой комбинации продиктована рядом обстоятельств, в частности при сочетании АГ с рефрактерно текущей стенокардией или выраженной симпатической активацией, сопровождающейся упорной тахикардией (при так называемой гиперкинетической АГ).

Вопрос о том, одинакова ли клиническая эффективность метопролола тартрата и сукцината, до сих пор дискутируется, и возник он только по завершении 3 рандомизированных исследований по применению БАБ при ХСН-MERIT-HF [36], RESOLVD [43], COMET [41]. Уже ставшее классическим исследование COMET [41] было выполнено некорректно, поскольку продемонстрировало преимущество карведилола, который назначался в оптимальной, т. е. максимально переносимой дозе, а метопролола тартрат – в неоптимальной дозе [33]. Исследование MERIT-HF [36] с метопролола сукцинатом замедленного высвобождения (3991 пациент с ХСН 2–4 ФК тяжести и ФВ ЛЖ ниже 40 %, т. е. с выраженной систолической дисфункцией ЛЖ) показало, что данное лекарство позволило существенно (на 34%) снизить риск смерти у этих тяжелых больных. При длительном использовании препарата было достигнуто не только улучшение клинического течения болезни, что выражалось в замедлении темпа прогрессирования ХСН и снижении эпизодов сердечной декомпенсации, но и наблюдалось повышение ФВ ЛЖ, а также снижение конечного систолического и конечного диастолического объемов ЛЖ. Последнее является свидетельством возможности обратного (т. е. благоприятного) ремоделирования сердечной мышцы под воздействием метопролола сукцината. Именно после анализа исследований MERIT-HF [36], COMET [41] экспертами ЕОК в согласительном документе по БАБ и во всех рекомендациях для лечения ХСН был рекомендован метопролола сукцинат контролируемого высвобождения [31]) и в США [30], и в России [10], и в Республике Беларусь [7].

Уникальные данные по антисклеротическому действию метопролола CR/XL получены в исследованиях BCAPS и ELVA [25, 48]. За 1,5 года приема метопролола сукцинат замедлил прогрессирование

атеросклероза сонных артерий (BCAPS) у 793 практически здоровых лиц с признаками поражения сонных артерий, что выражалось в снижении темпа увеличения толщины комплекса интима-медиа этих артерий и уменьшении общей и кардиоваскулярной смертности (от инфаркта миокарда и инсультов мозга). В исследовании ELVA, в котором участвовали 92 пациента с тяжелой гиперхолестеринемией и атеросклеротическим поражением сонных артерий, доказано противовосклеротическое действие данного лекарства при его использовании в дозе 100 мг/сут уже в течение 1 года, причем этот эффект наблюдался и в течение 3 лет его приема. Вероятно, это можно объяснить следующим образом.

В 1926 г. Н.Н. Аничковым установлено, что адреналин в экспериментальных условиях приводит к ускоренному развитию атеросклероза. БАБ, снижая симпатическую активность, способны играть защитную роль в плане влияния на эндотелий, уменьшая его повреждение вблизи бляшек и улучшая его функцию, а замедление ЧСС предупреждает риск разрыва бляшек.

В заключение статьи приведем мнение экспертов FDA (Управления по контролю за качеством пищевых продуктов и лекарственных средств США), определивших показания к применению метопролола тартрата и сукцината следующим образом: метопролола тартрат формы IR рекомендован для лечения АГ, стенокардии и ИМ (как в остром периоде, так и для длительного применения), метопролола сукцинат – для лечения АГ, стенокардии и ХСН [42].

В Европейских рекомендациях 2007 г. БАБ сохранили все прежние позиции и даже приобрели новую. Итак, БАБ рекомендуют рассматривать как препараты первой линии:

для пациентов со стенокардией напряжения;
пациентов, перенесших инфаркт миокарда;
пациентов с признаками сердечной недостаточности;

пациентов с тахикардиями;
пациентов с глаукомой,
беременных женщин с АГ.

По поводу вышеупомянутого бисопролола уместно привести ранее опубликованное наше мнение о его эффективности у пациентов с ХСН, сведенное к «урокам» 4 программ CIBIS [9а, 9б], а также в книге Атрощенко Е.С., Атрощенко И.Е. «Этиология, патогенез и фармакотерапия хронической сердечной недостаточности. Минск: Белпринт, 2014. С. 112–115». Суть этих «уроков» может быть изложена словами главного редактора European Journal of Heart Failure D.S. van Veldhuisen, высказанными им на Ежегодном европейском конгрессе по сердечной недостаточности 19 июня 2006 г. в г. Хельсинки: «1. Лечение больного ХСН любой степени тяжести проводится сочетанием иАПФ и одним из следующих БАБ – метопролола сукцинатом, бисопрололом или карведилолом. Лечение можно начинать с любого (по выбору врача) лекарственного препарата – с иАПФ или БАБ, но нужно помнить, что исходя из опыта процент достижения целевого уровня именно этого стартового препарата намного выше, чем второго лекарства. 2. Для прогноза течения ХСН не имеет значения, с какого лекарства начинать подбор терапии. В исследовании CIBIS-3 показано, что начало терапии с бисопролола также эффективно для лечения пациентов с ХСН, как и с иАПФ. 3. Пациентам с ранними стадиями ХСН, когда неблагоприятный прогноз течения заболевания обусловлен преимущественно высоким риском внезапной смерти, стартовую терапию следует начинать с БАБ».

ЛИТЕРАТУРА

- Атрощенко Е.С. Концептуальные принципы органотекции больных с хронической сердечной недостаточностью. Сообщение 1: Перспективы применения нейромодуляторов // Медицина. 2004; 3 (46): 24–29.
- Атрощенко Е.С. Бета-адреноблокаторы в лечении больных с хронической сердечной недостаточностью: роль бисопролола // Мед. новости. 2004; 7: 72–76.
- Атрощенко Е.С. Фармакотерапия нарушений метаболизма миокарда у больных с хронической сердечной недостаточностью с помощью цитопротекторов. Минск: Белпринт, 2005. 150 с.
- Атрощенко Е.С. Эволюция подходов к фармакотерапии хронической сердечной недостаточности // Рецепт. 2005; 4 (42): 20–25
- Атрощенко Е.С. Современные представления о роли бета-адреноблокаторов в лечении хронической сердечной недостаточности: уроки CIBISII и CIBISIII. Минск: Белпринт, 2006. 39 с.
- Атрощенко Е.С. Пациент с хронической сердечной недостаточностью и сохраненной систолической функцией левого желудочка // Сердеч. недостаточность. 2007; 8; 6 (44): 297–300.
- Атрощенко Е.С., Курлянская Е.К. Диагностика и лечение хронической сердечной недостаточности. Нац. рекомендации. Минск, 2010. 64 с.
- Атрощенко Е.С. Диалоги с участковым терапевтом: Стенокардия напряжения. Минск: Белпринт, 2011. 215 с.
- а) Атрощенко Е.С. Стенокардия напряжения: 166 вопросов и ответов. Минск: Белпринт, 2011. 306 с. б) Атрощенко Е.С. Конкор в лечении больных сердечной недостаточностью: уроки исследований CIBIS // Кардиология в Беларуси. 2013; 3 (28): 44–55.
- Национальные рекомендации ВНОК и ОССН по диагностике и лечению ХСН (третий пересмотр) / Ю.Н. Беленков [и др.]. М., 2010. 112 с.

11. Метопролола сукцинат и тартрат: влияет ли соль на эффективность препарата / Ю.Б. Белоусов [и др.] // Фарматека. 2006; 19: 14–19.
12. Белоусова Ю.Б., Леонова М.В., Манешина О.А. Метопролола тартрат и сукцинат: от различия в составе к клинической эффективности // Рос. кардиол. журн. 2007; 3: 81–85.
13. Кулешова Э.В. Что обеспечивает клиническую эффективность метопролола? // Рац. фармакотерапия в кардиологии. 2010; 6 (3): 370–375.
14. Сравнительное изучение нового препарата метопролола тартрата пролонгированного действия – эгилкаретарда и оригинального препарата метопролола сукцината – Беталока ЗОК у больных мягкой и умеренной артериальной гипертензией / Ю.В. Лукина [и др.] // Рац. фармакотерапия в кардиологии. 2005; 1 (3): 35–40.
15. Мрочек А.Г., Горбачев В.В. Экстремальная кардиология. М.: Мед. кн., 2010. 431 с.
16. Диагностика и лечение больных с инфарктом миокарда с подъемом сегмента ST на ЭКГ. Нац. клин. рекомендации / ред. Р.Г. Оганов, М.Н. Мамедов. М.: МЕДИЭкспресс, 2009. С. 167–230.
17. Существуют ли различия в клинической эффективности метопролола / О.О. Остроумова [и др.] // Consilium Medicum. 2006; 8 (5): 7.
18. Сура М.В. Клинические и экономические оценки применения метопролола сукцината у пациентов с ишемической болезнью сердца // Рац. фармакотерапия в кардиологии. 2008; 5: 1–19.
19. Терещенко С.Н., Амрощенко Е.С., Жиров И.В. Особенности патогенеза и фармакотерапии хронической сердечной недостаточности у женщин // Кардиология. 2006; 10: 30–35.
20. ACC/AHA 2007 guidelines for the management of patients with unstable angina/ non-ST-Elevation myocardial infarction: a report of the American College of Cardiology/ American Heart Association Task Force on Practice Guidelines (Writing Committee to Revise the 2002 Guidelines for the Management of Patients With Unstable Angina/Non-ST-Elevation Myocardial Infarction) developed in collaboration with the American College of Emergency Physicians, the Society for Cardiovascular Angiography and Interventions, and the Society of Thoracic Surgeons endorsed by the American Association of Cardiovascular and Pulmonary Rehabilitation and the Society for Academic Emergency Medicine / J.L. Anderson [et al.] // J. Am. Coll. Cardiol. 2007; 50(970): E1–E157.
21. For 2004 update Guidelines Canadian Cardiovascular Society; American Academy of Family Physicians; American College of Cardiology; American Heart Association 2007. Update of the ACC/AHA 2004 Guidelines for the management of patients with ST-elevation myocardial infarction: a report of the American College of Cardiology/American Heart Association Task Force on Practice Guidelines / E.M. Antman [et al.] // J. Am. Coll. Cardiol. 2008; 51 (20): 210–247.
22. Early intravenous and oral metoprolol in 45 852 patients with acute myocardial infarction: randomized placebo-controlled trial / Z.M. Chen [et al.] // Lancet. 2005; 366 (9497): 1622–1632.
23. Metoprolol Succinate. Official FDA Information. URL: <http://www.fda.gov/safety/Med-Watch/SafetyInformation/SafetyAlertsforHumanMedicalProducts/ucm152718.htm>
24. Effect of intravenous metoprolol before hospital admission on chest pain in suspected acute myocardial infarction / M. Gardman [et al.] // Am. Heart J. 1999; 137: 821–829.
25. Low dose metoprolol CR/XL and fluvastatin slow progression of carotid intima-media thickness: main results from Beta-Blocker Cholesterol-lowering Asymptomatic plaque study (BCAPS) / B. Wikstrand [et al.] // Circulation. 2001; 103: 1721–1726.
26. Effect of metoprolol on the prognosis for patients with suspected acute myocardial infarction and indirect signs of congestive heart failure (Subgroup analysis of the Goteburg Metoprolol Trial) / J. Herlitz [et al.] // Am. J. Cardiol. 1997; 80 (9B): 40J–44J.
27. The Goteburg metoprolol trial. Effects on mortality and morbidity in acute myocardial infarction / A. Hjalmarson [et al.] // Circulation. 1983; 67(2): 126–132.
28. Effect on mortality of metoprolol in acute myocardial infarction: A double-blind randomized trial / A. Hjalmarson [et al.] // Lancet. 1981; 2 (8521): 823–827.
29. Hjalmarson A. Effect of beta-blockade on Sudden cardiac death during acute myocardial infarction and the postinfarction period // Am. J. Cardiol. 1997; 80 (9B): 35J–39J.
30. 2009 Focused update incorporated into the ACC/AHA 2005 Guidelines for the Diagnosis and Management of Heart Failure in Adults. A Report of the American College of Cardiology Foundation/ American Heart Association Task Force on Practice Guidelines Developed in Collaboration with the International Society for Heart and Lung Transplantation / S.A. Hunt [et al.] // J. Am. Coll. Cardiol. 2009; 53 (15): e1–e90.
31. The Task Force on beta-blockers of the European Society of Cardiology. Expert consensus document on beta-adrenergic receptor blockers / J. Lopez-Sendon Swedberg [et al.] // Eur. Heart J. 2004; 25 (15): 1341–1362.
32. Lubsen J., Tijssen J.G. Efficacy of nifedipine and metoprolol in the early treatment of unstable angina in the coronary care unit: findings from Holland Interuniversity Nifedipine/Metoprolol Trial (HINT) // Am. J. Cardiol. 1987; 60 (2): 18a–25a.
33. Manger Cats V., van Capelle F.L.J., Durrer D. The Amsterdam metoprolol trial. Effect of treatment with metoprolol on first year mortality in a single-centre study with low placebo mortality rate after myocardial infarction (Abstr.) // Drugs. 1985; 29 (Suppl.1): 8.
34. McBride B.F., White C.M. Critical differences among beta-adrenoreceptor antagonists in myocardial failure: debating the MERIT of COMET // J. Clin. Pharmacol. 2005; 45 (1): 1341–1362.
35. 3-year follow-up of patients randomised in the metoprolol in dilated cardiomyopathy trial. The Metoprolol in Dilated Cardiomyopathy (MDC) Trial Study Group // Lancet. 1998; 351 (9110): 1180–1189.
36. MERIT-HF Study Group. Effect of metoprolol CR/XL in chronic heart failure: Metoprolol CR/XL Randomised Intervention Trial in Congestive Heart Failure (MERIT-HF) // Lancet. 1999; 353 (9110): 2001–2004.
37. The MIAMI Trial Group: Metoprolol in acute myocardial infarction (MIAMI): A randomized placebo-controlled international trial // Eur. Heart J. 1985; 6 (3): 199–226.
38. Beta-blockade after infarction (Letter) / S.L. Nuttall [et al.] // BMJ. 2000; 320 (7234): 581.

39. Long-term treatment with metoprolol after myocardial infarction: effect on 3 year mortality and morbidity / G. Olsson [et al.] // *J. Am. Coll. Cardiol.* 1985; 5 (6): 1428–1437.
40. Metoprolol-induced reduction in posinfarction mortality: pooled results from five double-blind randomized trials / G. Olsson [et al.] // *Eur. Heart J.* 1992; 13 (1): 28–32.
41. Comparison of carvedilol and metoprolol on clinical outcomes in patients with chronic heart failure in the Carvedilol Or Metoprolol European Trial (COMET), randomized controlled trial / P.A. Poole-Wilson [et al.] // *Lancet.* 2003; 362 (9377): 7–13.
42. Product information for Toprol XL. Par Pharmaceuticals. Spring Valley, N.Y., 2008. P.10977.
43. RESOLVD: Effects of metoprolol CR in patients with ischemic and dilated cardiomyopathy: randomized evaluation of strategies for left ventricular dysfunction pilot study // *Circulation.* 2000; 101 (4): 378–384.
44. Immediate versus deferred beta-blockade following thrombolytic therapy in patients with acute myocardial infarction. Results of the Thrombolysis on Myocardial Infarction (TIMI) II-B study / R. Roberts [et al.] // *Circulation.* 1991; 82: 427–437.
45. Effect of chronic beta-adrenergic receptor blockade in congestive cardiomyopathy / F. Waagstein [et al.] // *Br. Heart J.* 1975; 37 (10): 1022–1036.
46. Beneficial effects of metoprolol in idiopathic dilated cardiomyopathy. Metoprolol in Dilated Cardiomyopathy (MCD) Trial Study Group / F. Waagstein [et al.] // *Lancet.* 1993; 342 (8885): 1441–1446.
47. Фармакокинетическая и фармакодинамическая оценка лекарственной формы метопролола с контролируемым высвобождением (CR/ZOK) 50 мг у лиц молодого возраста / I. Wieselgren [et al.] // *J. Clin. Pharmacology.* 1990; 30: s28–s32.
48. Effect of controlled release/extended release metoprolol on carotid intima-media thickness in patients with hypercholesterolemia: a 3-year randomized study / O. Wiklund [et al.] // *Stroke.* 2002; 33: 572–577.
49. Metoprolol versus thiazide diuretics in hypertension morbidity: results from the MAPHY study / I. Wikstrand [et al.] // *Hypertension.* 1991; 17 (4): 579–588.

Поступила 20.04.2015

МИЛЬГАММА® КРЕМ

с содержанием 10% мочевины

*Естественный
источник увлажнения*

**НОВИНКА
ИЗ ГЕРМАНИИ**

МИЛЬГАММА® КРЕМ

- Обеспечивает оптимальный уровень увлажнения сухой кожи
- Содержит только натуральные ингредиенты
- Рекомендуются для ежедневного ухода за сухой, шероховатой, склонной к образованию трещин кожей ступней ног

Применение: Мильгамма® крем для ухода за ногами следует регулярно утром и вечером наносить на чистые и сухие ступни ног и слегка втирать, в особенности на пятках. Не рекомендуется использование крема при острых воспалительных заболеваниях кожи.

Представительство компании «Вёрваг Фарма ГмбХ и Ко. КГ» (Германия) в Республике Беларусь 220004, г. Минск, ул. Раковская, д. 12, офис 201, тел./факс (017) 203-59-42, (017) 203-07-51

Информация носит рекламный характер

ДЕТРАЛЕКС®

микронизированная очищенная флавоноидная фракция

Рекомендация экспертов в лечении ХЗВ*

Эффективное уменьшение симптомов ХЗВ

Защита от прогрессирования ХЗВ

**Уникальный
состав**

Диосмин + гесперидин + линарин
+ диосметин + изорхоифолин

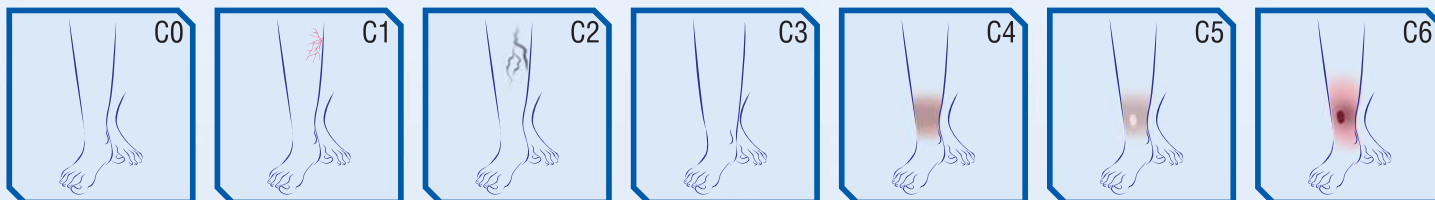
**Микронизированная
форма**

Микронизация увеличивает
эффективность

**Рекомендуемая доза:
2 таблетки в день**

*Nicolaidis A. et al. Management of CVD of the lower limbs 2014

Рекламный материал предоставляется только для специалистов здравоохранения.

Состав: микронизированная очищенная флавоноидная фракция 500 мг: диосмин – 450 мг, флавоноиды эквивалентно гесперидину: 50 мг. **Показания:** лечение симптомов венолимфатической недостаточности (тяжесть в ногах, боли, синдром усталых ног по утрам); лечение функциональных симптомов, связанных с острыми приступами геморроя. **Дозировка и применение:** при заболеваниях вен – 2 таблетки в день; при острых геморроидальных приступах – 6 таблеток в день первые 4 дня, затем 4 таблетки в день последующие 3 дня. **Противопоказания:** повышенная чувствительность к активному веществу или любому из вспомогательных веществ. **Предосторожности:** при острых приступах геморроя назначение этого препарата для симптоматического лечения геморроидального криза не отменяет лечения других заболеваний анального кольца. Лечение должно быть кратковременным. Если симптомы проходят не сразу, следует провести проктологическое обследование и пересмотреть лечение. **Взаимодействия:** отсутствуют. **Фертильность.** **Беременность:** В ходе многочисленных исследований тератогенного эффекта обнаружено не было и сообщений о нежелательных явлениях у человека не поступало. **Лактация:** Ввиду отсутствия данных об экскреции препарата в грудное молоко, кормления грудью во время лечения следует избегать. **Влияние на способность управлять автотранспортом и работать с механизмами.** **Нежелательные эффекты:** распространенные: диарея, диспепсия, тошнота, рвота. **Редкие:** головокружение, головная боль, недомогание, сыпь, зуд, крапивница. **Нераспространенные:** колит. **Частота не известна:** боль в животе, изолированный отек лица, губ, век. **В исключительных случаях:** отек Квинке. **Передозировка.** **Фармакологические свойства:** Средство, снижающее проницаемость капилляров. Биофлавоноиды. Препарат воздействует на сосудистую систему двумя путями: в венозной системе Детралекс уменьшает растяжимость вен и венозную застой; в микроциркуляторном русле: препарат уменьшает проницаемость капилляров и увеличивает их резистентность. **Тип и содержимое упаковки:** Пачка, содержащая 30 или 60 таблеток, покрытых пленочной оболочкой.

Les Laboratoires Servier, Le Laboratoire Servier 50, rue Carnot, 92284 Suresnes cedex, France. * Для получения полной информации, ознакомьтесь с инструкцией по применению лекарственного средства.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО: МЕДИЦИНСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕРИАТРИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А.В. Байда, Р.А. Михалюк, Л.П. Воронина, Н.Б. Кузнецова

Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

Освещена история становления и развития гериатрической службы Республики Беларусь, ее современная организационно-методическая структура. Рассмотрены вопросы организации медицинской и социальной помощи людям старших возрастных групп, а также подготовки врачей-гериатров.

KEYWORDS

aging population,
geriatric services,
medical and social
assistance to the elderly,
geriatricians

The history and development of geriatric service of the Republic of Belarus was covered in the article, as well as its modern organizational and methodological structure. Besides there were discussed the organization of medical and social assistance to elderly people, as well as the training of geriatricians.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

старение населения,
гериатрическая служба,
медицинская и социальная
помощь пожилым людям,
врачи-гериатры

Увеличение доли пожилых людей в общей численности населения – демографическое старение общества – в настоящее время охватывает практически весь мир. В 2000 г. количество пожилых людей на планете достигло 590 млн человек, а к 2025 г., по прогнозам, приблизится к 1 млрд [3, 4].

В Республике Беларусь, как и во всем мире, наблюдается процесс старения населения. В нашей стране проживает около 2 млн человек в возрасте старше 60 лет. Среди них отмечается значительное увеличение численности лиц старческого возраста – сегодня каждый четвертый пожилой в нашей стране уже перешагнул 75-летний рубеж.

Старение, к сожалению, сопровождается драматическими изменениями в состоянии здоровья, снижающими двигательную активность и способность к самообслуживанию. Кроме того, увеличивается количество одиноких людей, а также пожилых пациентов, страдающих одновременно несколькими хроническими заболеваниями, что крайне негативно сказывается на качестве их жизни.

В связи с этим возникла необходимость в углубленном изучении данного демографического явления, а также поиска путей и рациональных форм организации помощи пожилым людям [1].

Названной проблеме уделялось и уделяется значительное внимание как у нас в стране, так и за рубежом. Так, во многих странах вскоре после Второй мировой войны были созданы национальные ассоциации геронтологов и гериатров, образовавшие в 1950 г. Международную ассоциацию геронтологов (МАГ).

В Принципах ООН «Сделать полноправной жизнь лиц преклонного возраста» определены их роль и место в обществе, включающие обеспечение независимости, ухода, участия в социальном развитии, возможности в реализации своего внутреннего потенциала (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 40/91).

На всемирных ассамблеях ООН по старению (1982, 2002) предложены и одобрены комплексы мероприятий по социальной защите и помощи пожилым людям. Они стали рассматриваться как важнейшая медико-социальная проблема. Организованы крупные геронтологические центры в ряде городов Европы и Северной Америки [10].

В СССР первое городское общество геронтологов было создано в 1957 г. в Ленинграде. В дальнейшем был организован головной НИИ геронтологии АМН в Киеве и учреждено Всесоюзное общество геронтологов и гериатров. Началась работа по созданию кафедр гериатрии для подготовки врачей-гериатров.

Становление гериатрической службы Республики Беларусь. Гериатрическая служба Республики Беларусь начала формироваться в 1979 г. Первым главным внештатным гериатром Министерства здравоохранения Белорусской ССР стал Г.А. Вечерский, доцент кафедры кардиологии и функциональной диагностики Белорусского государственного института усовершенствования врачей (БелГИУВ). Одновременно принято решение о выделении в амбулаторно-поликлинических учреждениях врачей-гериатров, работающих на функциональной основе. Начато формирование концепции гериатрической службы.

В ноябре 1991 г. Министерством здравоохранения Белорусской ССР издан приказ № 196 «О совершенствовании гериатрической службы и организации больниц сестринского ухода или медико-социальных коек в лечебно-профилактических учреждениях республики». Документ стал основополагающим для дальнейшего развития гериатрической службы. В соответствии с приказом во всех областях и городе Минске были назначены главные внештатные гериатры.

Более активное развитие гериатрической службы началось после утверждения Советом Министров

Республики Беларусь в 1993 г. Республиканской комплексной программы по проблемам пожилых людей. В ходе ее выполнения приняты определенные меры по организации гериатрической помощи населению. В каждом территориальном медицинском объединении введена должность гериатра. На базе НИИ экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов созданы лаборатория по проблемам пожилых людей, Республиканский геронтологический центр, который возглавил профессор И.С. Гулько.

Для подготовки и усовершенствования врачей по гериатрии в 1996 г. в Белорусском государственном институте усовершенствования врачей организована кафедра гериатрии и геронтологии на базе Республиканского клинического госпиталя инвалидов Великой Отечественной войны. Заведующим кафедрой назначен доктор медицинских наук, профессор В.П. Сытый, который в 1997 г. был также главным внештатным гериатром Министерства здравоохранения. Им были разработаны и внедрены формы отчетности по гериатрии, разработана концепция развития гериатрической службы. По инициативе профессора В.П. Сытого создано Белорусское общественное объединение гериатров и геронтологов.

За период существования кафедры гериатрии и геронтологии (до 2003 г.) подготовлено более 1000 врачей-гериатров, опубликовано более 250 научных работ, изданы монографии.

В сентябре 2006 г. после трехлетнего перерыва в БелМАПО вновь стала функционировать кафедра геронтологии и гериатрии, которая в своей учебной, учебно-методической, лечебно-консультативной и научной деятельности продолжает работу по совершенствованию подготовки врачебных кадров для гериатрической службы Республики Беларусь. При активном содействии сотрудников кафедры в 2014 г. создан Республиканский центр геронтологии на базе Республиканского клинического госпиталя инвалидов Великой Отечественной войны имени П.М. Машерова.

Организационно-методическая структура гериатрической службы Республики Беларусь. В апреле 2001 г. вступила в действие Республиканская комплексная программа по проблемам пожилых людей на 2001–2005 гг., утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь. Запланированные мероприятия по выполнению медицинских аспектов этой программы предусматривали меры дальнейшего развития гериатрической помощи населению пожилого, старческого возрастов и долгожителям. С учетом этого в ряде ТМО созданы гериатрические кабинеты, в которых проводится консультативный прием граждан.

Для улучшения организации стационарного обслуживания пожилых людей в больничных учреждениях выделены медико-социальные койки. Кроме того, в Минске на базе 11-й городской клинической больницы функционирует отделение паллиативной

помощи «Хоспис» на 30 коек. Помощь нуждающимся одиноким пожилым людям и инвалидам в Минске оказывает и больница паллиативного ухода «Хоспис». В стационарном отделении развернуто 13 палат на 28 коек, из них одна палата – для ветеранов Великой Отечественной войны [8].

В целях укрепления здоровья пожилых людей в республике на базе амбулаторно-поликлинических и больничных организаций здравоохранения создано 583 школы здоровья третьего возраста, из них 46 – в Минске. В Минске функционирует 28 гериатрических кабинетов, где на штатной основе работают 26 врачей-гериатров.

На протяжении последних 10 лет в Республике Беларусь организована система оказания медицинской помощи также отдельной категории пожилых людей – ветеранам Великой Отечественной войны и лицам, пострадавшим от ее последствий, участникам боевых действий на территории других государств. Помощь оказывается всеми организациями здравоохранения без ограничения и в приоритетном порядке в соответствии с Законом Республики Беларусь «О ветеранах».

В организациях здравоохранения Республики Беларусь на учете состоит 84 109 ветеранов войн и лиц, пострадавших от их последствий, в том числе 25 762 ветерана Великой Отечественной войны, 1876 инвалидов и 23 863 участника боевых действий на территории других государств. Для лучшей организации стационарного лечения ветеранов по месту жительства в лечебно-профилактических учреждениях Республики выделена 1421 наиболее комфортабельная палата на 3228 коек, на которых пролечено 16 288 пациентов, из них ветеранов Великой Отечественной войны – 14 149 (86,9 %). Кроме того, для оказания высококвалифицированной специализированной медицинской помощи этой категории граждан в республике функционирует 4 госпиталя инвалидов Великой Отечественной войны на 1676 коек.

Оздоровление ветеранов Великой Отечественной войны и отдельных категорий лиц, пострадавших от последствий войн, организовано также в реабилитационном центре «Элеос» религиозной общины «Приход в честь Всех Святых Минской епархии Белорусской православной церкви» [8].

Льготное обеспечение лекарственными средствами ветеранов ВОВ и лиц, имеющих права на льготы, осуществляется в соответствии с утвержденным постановлением Министерства здравоохранения от 16.07.2007 № 65 (в редакции Постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28.06.2012 № 81) перечнем основных лекарственных средств.

Большое внимание в нашей стране уделяется и особой категории пожилых людей – инвалидам. Их обеспечение техническими средствами социальной реабилитации осуществляется по медицинским показаниям в соответствии с утвержденным перечнем

технических средств, выдаваемых определенным категориям граждан бесплатно или на льготных условиях под потребность в полном объеме.

Кроме того, с сентября 2010 г. специальным транспортом «Социальная служба» в Минске на бесплатной основе предоставляются транспортные услуги следующим категориям лиц: инвалидам I группы, инвалидам-колясочникам, неработающим инвалидам II группы старше 70 лет, размер пенсии которых не превышает 1,5 бюджета прожиточного минимума (БПМ); детям-инвалидам с сопровождающим. На условиях частичной оплаты (стоимость поездки 0,15 базовой величины) транспортные услуги оказываются неработающим инвалидам II группы старше 70 лет, размер пенсии которых превышает 1,5 БПМ. На 1 августа текущего года выполнено почти 21,4 тыс. заявок, включая 509 групповых [8].

В настоящее время в соответствии с планом мероприятий Министерства здравоохранения Республики Беларусь по выполнению Комплексной программы развития социального обслуживания на 2011–2015 гг., ее подпрограммы «Социальная поддержка ветеранов, лиц, пострадавших от последствий войн, пожилых людей и инвалидов» всеми организациями здравоохранения проводится дальнейшая работа по оказанию и совершенствованию медицинской помощи этим лицам.

Подготовка врачей-гериатров в Республике Беларусь. Несомненно, что одной из важнейших фигур, обеспечивающих функционирование системы помощи пожилым людям в республике, является врач-гериатр.

Геронтология и гериатрия – область медицинской и биологической науки, включающая изучение процессов старения, причин возникновения, механизмов развития и особенностей течения болезней в старших возрастных группах [2, 7, 9, 11].

В связи с особенностями физиологических и патологических процессов в пожилом возрасте, необходимостью специфичного подхода к ведению пациентов старших возрастных групп еще в начале прошлого столетия делались попытки выделения гериатрии и специальности врача-гериатра в отдельную клиническую дисциплину. Однако эта специальность была введена лишь в 1994 г. и место врача-гериатра в системе первичного звена здравоохранения пока определено недостаточно четко, в связи с чем и его функциональные обязанности не реализуются в полной мере. Бытует порой мнение, что для медицинского обеспечения пожилых людей вполне достаточно уже существующей развитой терапевтической службы. С этим можно согласиться лишь частично.

Действительно, большинство проблем, связанных с диагностикой, лечением и реабилитацией пожилых больных, по-прежнему приходится решать врачу-терапевту, от которого требуется умение решать и смежные вопросы. При этом, как показывает опыт, врач-терапевт довольно часто обращается за помощью к «узким» специалистам. В итоге происходит

своеобразное перераспределение врачебных обязанностей, в результате чего пожилой пациент в зависимости от характера и числа болезней (или синдромов) становится объектом внимания различных специалистов, каждый из которых, как правило, занимается лечением «своей» патологии. В результате такого узкодисциплинарного подхода утрачивается видение больного в целом с его особенными гериатрическими проблемами.

Актуальность клинической интердисциплинарности гериатрии может быть убедительно продемонстрирована на примере ведения пожилых больных сахарным диабетом. Так, характер течения и специфика осложнений данного заболевания наряду с частой сопутствующей патологией требуют от врача соответствующих знаний не только в эндокринологии (своевременная диагностика и подбор адекватной терапии), но и в таких клинических областях, как кардиология (артериальная гипертензия, диабетическая кардиомиопатия, сердечная недостаточность), нефрология (диабетическая нефропатия), урология (инфекция мочевыводящей системы, нейрогенный мочевой пузырь), неврология (полинейропатия), офтальмология (диабетическая ретинопатия, катаракта), ортопедия и хирургия (диабетическая стопа).

Кроме соматической патологии, при ведении пожилых больных, врачу приходится сталкиваться и с различными психическими нарушениями, особенно депрессиями и «мягкими» (начальными проявлениями) деменциями, которые создают дополнительные трудности при общении с таким пациентом, интерпретации жалоб и решении вопросов диагностики и лечения [14].

Известно, что течение многих распространенных заболеваний у больных пожилого и старческого возраста имеет свои особенности. Они довольно часто протекают скрыто, без четких клинических симптомов, иногда сопровождаясь склонностью к развитию серьезных осложнений. Так, инфекционные и воспалительные заболевания у пожилых нередко не сопровождаются повышением температуры тела, что обусловлено сниженной реактивностью организма.

Болевой синдром у людей пожилого и старческого возраста в силу изменения порога болевой чувствительности адекватно не воспринимается самим больным и в должной мере не оценивается врачом. Ситуация усугубляется тем, что такой пациент сам подчас не может четко провести границу между здоровьем и болезнью, объясняя возникшее недомогание чисто «возрастными» причинами.

Вследствие в том числе и вышеуказанных причин оказываются стертыми клинические симптомы острых хирургических заболеваний, что приводит к запозданию начала лечения и неблагоприятному исходу.

Следует также помнить и о том, что при наличии у одного пациента старше 60 лет в среднем четырех-пяти различных болезней увеличивается закономерно и потребление разнообразных лекарственных средств.

Однако фармакодинамика и фармакокинетика препаратов в организме пожилых людей значительно отличается от таковых у более молодых лиц. Игнорирование или незнание врачом этих особенностей увеличивает частоту побочных действий принимаемых медикаментов, может усугубить течение болезни у пожилых лиц. Поэтому весьма актуальной задачей является овладение медиками различных специальностей основами *гериатрической фармакологии*.

Прежде всего врач должен иметь четкое представление о принципах дозирования лекарственных средств, особенностях взаимодействия препаратов, чтобы предупредить развитие нежелательных побочных действий.

Так, одним из правил гериатрической фармакотерапии является строгая индивидуализация доз. У пожилых людей наряду с уменьшением количества тканевых рецепторов одновременно отмечается функциональное истощение и снижение реактивности органов и систем. Это способствует развитию трудно прогнозируемых, нетипичных, неадекватных количеству вводимого препарата и даже парадоксальных реакций на проводимое лечение. В результате структурных возрастных изменений слизистой оболочки желудочно-кишечного тракта нарушается всасывание лекарственных препаратов, что снижает их лечебный эффект. Кроме того, в связи с возрастными изменениями печени и почек замедляется выведение лекарственных средств и продуктов их метаболизма из организма. Это способствует кумуляции препарата и развитию различных осложнений. Поэтому в начале лечения следует назначать препараты в дозах, уменьшенных примерно в 2 раза по сравнению с таковыми для больных среднего возраста. Затем постепенно повышают ее до достижения лечебного эффекта. Поддерживающая доза тоже, как правило, ниже, чем у пациентов среднего возраста.

Способ приема лекарства должен быть как можно проще и понятнее для пациента. Желательно максимально ограничить назначение жидких лекарственных форм, так как из-за ослабленного зрения и тремора рук пожилые больные испытывают затруднения при их дозировке [9].

Как видим, правила гериатрической фармакотерапии несложны, но эта кажущаяся простота помогает и врачу, и больному избежать тяжелых осложнений.

Согласно медицинской статистике, риск возникновения побочных эффектов медикаментозной терапии у пациентов старше 60 лет в 1,5 раза выше, чем у молодых, а у больных 70–79-летнего возраста неблагоприятные реакции на введение лекарств развиваются в 7 раз чаще, чем у пациентов 20–29 лет. В связи с выраженностью побочных действий препаратов людей пожилого и старческого возраста нередко приходится госпитализировать, и наибольшее число смертельных исходов, связанных с нерациональной фармакотерапией, приходится на возрастную группу 80–90 лет [7].

Также следует особо подчеркнуть, что лекарственные препараты, назначенные пожилым людям без учета особенностей гериатрической фармакотерапии, могут причинить гораздо больший вред, чем сама болезнь.

Таким образом, необходимо согласиться, что, несмотря на наличие в профессиональной деятельности врача общетерапевтической службы и врача гериатра общих моментов, в работе последнего имеется ряд принципиальных особенностей, знание и выполнение которых играет зачастую решающую роль в лечении пожилых людей.

Исходя из этого необходимость широкой клинической подготовки врача-гериатра, который в своей работе основывается на принципах интегрального подхода к оценке состояния пожилого больного, становится все более очевидной и бесспорной.

В связи с этим подготовка врачей-гериатров на базе кафедры геронтологии и гериатрии Белорусской медицинской академии последипломного образования (БелМАПО) с учетом демографической тенденции в нашей стране приобретает особое значение. На кафедре осуществляются повышение квалификации и переподготовка по специальности «Гериатрия и терапия». Здесь проходят обучение врачи-терапевты, врачи общей практики, врачи-гериатры, а также заведующие терапевтическими отделениями, заместители главных врачей, преподаватели учреждений образования системы здравоохранения Республики Беларусь, научные сотрудники РНПЦ и НИИ.

Учебный процесс осуществляется в соответствии с календарным планом последипломного обучения руководителей и специалистов здравоохранения Республики Беларусь.

Разработка учебно-программной документации по повышению квалификации и переподготовке осуществляется в соответствии с требованиями к учебным планам, учебным программам, учебно-тематическим планам нормативных актов Министерства образования.

На кафедре осуществляется *повышение квалификации* врачей-специалистов сроком 2 недели в объеме 80 учебных часов, 1 месяц в объеме 160 учебных часов, а также *переподготовка* сроком 4 месяца в объеме 612 учебных часов на аудиторную работу и 153 учебных часа на самостоятельную.

Учебно-программная документация рецензируется высококвалифицированными специалистами, обновляется с учетом современного уровня развития медицинской науки и потребности практического здравоохранения, пересматривается не реже 1 раза в 2 года. По всем проводимым на кафедре курсам имеются учебные планы, учебно-тематические планы и учебные программы.

Количество лекционных часов в среднем составляет 40 %, практических занятий 60 % учебного времени, что соответствует установленным требованиям.

Занятия проводятся на высоком профессиональном уровне, с использованием компьютерных презентаций, разбором историй болезней пациентов, оценкой результатов лабораторных и инструментальных методов исследования и др. Обучение осуществляется по принципам индивидуализации и дифференцированного подхода.

В процессе обучения большое внимание уделяется отработке практических навыков. Поэтому основная часть учебного времени отводится для практических занятий, в ходе которых слушатели осваивают методы диагностики и лечения заболеваний, формирования тактики введения пожилого пациента.

Преподаватели кафедры ежегодно принимают участие в международных, республиканских научно-практических конференциях, семинарах, конгрессах, съездах, Международном конгрессе БелМАПО «Достижения медицины», редактируют и издают материалы научно-практических конференций, посвященных Дню пожилых людей.

Таким образом, кафедра геронтологии и гериатрии Белорусской медицинской академии последипломного образования обладает достаточным научно-педагогическим потенциалом подготовки врачей гериатров для системы гериатрической службы Республики Беларусь.

Организация медицинской и социальной помощи пожилым. Вновь возвращаясь к проблеме в целом, следует подчеркнуть, что здравоохранение для пожилых – это широкий спектр служб и услуг, включающих предоставление помощи при острых и хронических состояниях, уход, амбулаторную помощь, кратковременную и долговременную помощь, социально ориентированную персональную помощь по месту жительства.

Гериатрическая помощь населению – это система мероприятий по оказанию долговременных медико-социальных услуг в целях сохранения или восстановления способности к самообслуживанию, частично или полностью утраченной вследствие хронических заболеваний, облегчению реинтеграции пожилых больных в общество, а также обеспечению независимого существования.

Наиболее востребованными и зарекомендовавшими себя службами для пожилых признаны: информационно-образовательная, профилактическая, медицинская помощь для амбулаторных и госпитальных пациентов, долговременная помощь, помощь на дому, социальные стационары, службы общей поддержки [5].

Прогнозируемые изменения в размерах и структуре популяции пожилых и старых людей показывают, что потребность в долговременных формах предоставления помощи будет возрастать. Пожилые люди в 5 раз чаще нуждаются в услугах долговременной помощи, чем пациенты других возрастных групп.

Долговременная помощь определяется как одна предоставляемая услуга или более для поддержания

функциональных способностей хронического больного до достижения максимально возможного уровня его физического, психического и социального благополучия. Такие услуги предоставляются как на дому, так и в специализированном учреждении [15].

Одна из целей долговременной помощи – усилить способность пациента к самоуходу. Включая медицинские и социальные службы, этот вид помощи предоставляет также услуги реабилитации и поддержки в течение длительного времени, насколько это возможно. Долговременная помощь фокусирует свое внимание на личности больного с функциональными нарушениями, нуждающегося в усилении поддерживающих систем для удовлетворения различных видов повседневной активности – приготовления пищи, приема лекарственных препаратов, работы по дому и др.

Выделяют три ступени долговременной помощи: а) институциональную; б) по месту жительства; в) на дому. Первая включает реабилитацию в условиях специализированных отделений общих больниц, хоспис, уход при выздоровлении. Вторая представлена дневными стационарами (госпиталями) для реабилитации и медицинским/социальным дневным уходом. Помощь на дому представлена медицинским уходом (хоспис), а также мониторингом состояния пациентов.

Важнейшая из этих форм долговременной помощи для пожилых – помощь на дому или предоставление услуг на дом, которая является составной частью системы услуг для пожилых по месту жительства, включающей центры дневного пребывания, психического здоровья, хосписы и др. [16, 17].

Считается, что организация медицинской помощи на дому – это наиболее эффективный и рациональный путь использования имеющихся ресурсов системы здравоохранения. К преимуществам данного вида помощи перед другими видами и формами геронтологического ухода можно отнести то, что:

выздоровление в домашних условиях происходит в более ранние сроки; домашняя среда более комфортна, так как пациенты ощущают большую ответственность за свой уход со стороны близких, нежели в домах ухода;

госпитальные пациенты чаще прибегают к приему снотворных из-за нарушения сна в условиях больничных палат;

экономится время в связи с отсутствием необходимости навещать членов семьи, находящихся в больницах;

стоимость помощи на дому ниже других видов лечения.

Позитивное влияние семейного окружения на здоровье пожилых хорошо иллюстрируют следующие данные: заболеваемость у таких пожилых почти в 2 раза меньше, чем у одиноких, смертность более чем в 3 раза ниже, средняя продолжительность жизни выше, чем у проживающих в одиночестве [14].

Основу медицинской помощи на дому составляет работа междисциплинарной бригады, которая включает следующих специалистов: врача-геронтолога, медицинскую сестру, психолога, массажиста, социального работника, патронажного работника, парикмахера, священника.

В то же время в организационном плане медико-социальное обслуживание пожилых на дому является одной из самых трудных проблем. Одна из трудностей, возможно, связана с тем, что предоставление медико-социальной помощи пожилым людям возложено на разные ведомства – органы здравоохранения и органы социальной защиты населения – без должного взаимоотношения этих ведомств, что отражается на качестве услуг в медико-социальном обслуживании на дому [5].

Во многих странах мира служба помощи на дому для пожилых и старых людей стала феноменально растущей индустрией. Так, в США с 1989 по 2004 г. рынок услуг системы помощи на дому вырос с 9,4 млрд до 30,3 млрд долл., т. е. более чем в 3 раза. Мировой опыт показывает, что усилий только государственных медико-социальных структур недостаточно. В решении этой актуальной задачи необходимо объединение совместных усилий государственных структур и заинтересованных общественных организаций [15].

Говоря о статусе пожилого человека в обществе, необходимо также остановиться на психологическом аспекте проблемы, способности личности адекватно воспринимать изменение своего социального положения – выход на пенсию. Выход на пенсию воспринимается, к сожалению, именно как начало старости. В нашем же обществе, по мнению психологов, распространено если не негативное, то по крайней мере настороженное отношение к старшему возрасту. Человека пугает это событие. Так, каждый третий боится в старости стать обузой, каждый четвертый – потерять близких людей, каждый шестой – утратить ясность ума. Кроме того, старость вызывает страх стать ненужным, остаться в одиночестве, без достаточного финансового обеспечения, утратить мобильность. Иными словами, люди боятся не старости как таковой, а отсутствия контроля над своей жизнью и здоровьем. Этот контроль не утрачивается мгновенно – в день выхода на пенсию. Однако завершение работы – это нередко серьезный стресс, и если пенсионер не найдет альтернативу своей обычной деятельности, то последствия этого стресса могут быть достаточно серьезными и даже разрушительными. Но с ситуацией можно справиться. Вспомним – наши далекие и не очень далекие предки не всегда знали, сколько им лет, зато без труда определяли свой социальный возраст. Старость наступала не в 40 или 60 лет, а тогда, когда человек больше не мог работать и нуждался в опеке.

В старшем возрасте, как известно, преуспевают те, кому удастся сохранить свои ресурсы – интеллект, здоровье, финансовую независимость. В таком случае

старость начнется позже и будет более комфортной. Но об этом нужно позаботиться заранее. Не ждать старости, а готовиться к ней. Не отгонять мысли о старости, а продумать ее. Если пугает немощность – вкладывать средства в собственное здоровье и саморазвитие. Если страшит нищета – не рассчитывать на пенсию или чью-то помощь, а накапливать капитал в трудоспособном возрасте. И главное – взять на себя ответственность за собственную судьбу [6, 12].

Неслучайно в последние годы демографы активно используют понятие перспективного возраста – числа лет, которые человеку еще предстоит прожить. Для пожилых людей в нашей стране этот показатель достаточно высок. Согласно Европейской таблице демографических данных 2010 г., перспективный возраст для 65-летних белорусских мужчин составляет 11,7 года, для 65-летних женщин – 16,6 года. Есть расчеты и для других возрастных групп. Так, 75-летний белорус в 1995–2000 гг. мог рассчитывать еще на 8,5 лет жизни. Сейчас перспективный возраст для этой группы превысил 9 лет. По прогнозам ООН, в 2025–2030 гг. этот показатель достигнет 10, а в 2060–2070 гг. – 12 лет. Какими будут эти 9, 10 или 12 лет, зависит в первую очередь от самого человека. Возможно, эти годы будут самыми счастливыми. Согласно исследованиям сотрудников университета Уорвик, ощущение счастья возрастает после 45 лет. Это связано с тем, что с возрастом люди лучше переносят неприятные ситуации, реже испытывают стрессы и менее склонны к придирчивому самоанализу – основному источнику нервных расстройств [12].

Несомненно, общество также должно предпринять определенные усилия к тому, чтобы пожилой человек, а тем более с ограниченными возможностями смог адаптироваться к жизни в обычном социуме. И самое сложное на этом пути – ломка мировоззрения в контексте формирования безбарьерной среды. Например, все уже понимают: жилые и производственные здания нужно адаптировать к нуждам людей с ограниченными возможностями и инвалидов. Но почему-то эти требования реализуются далеко не повсеместно. Ведь и пожилой человек, и инвалид не изолированы от остального мира. Они члены общества, у них есть друзья, которых они хотят проводить, они посещают разные торговые объекты, медицинские, культурные учреждения и т. д. Поэтому необходимо проектировать и строить жилые и общественные здания, объекты инфраструктуры с учетом потребностей людей с ограниченными возможностями [13].

И, конечно же, вопрос, который в той или иной форме, вольно или невольно, но задает себе каждый: что же делать, чтобы прожить дольше и сохранить при этом хорошую физическую форму и ясный ум?

В достижении долголетия важное значение имеют индивидуальные особенности организма и личности. Обследованные геронтологами долгожители отличались спокойным характером, уравновешенностью, отсутствием суетливости. Многие из них вели

тяжелую трудовую жизнь, испытывали серьезные лишения, но при этом сохраняли спокойствие, стойко переносили все невзгоды. Отмечено также, что долгожители очень активны, жизнерадостны, быстро восстанавливают свое настроение после тяжелых психических потрясений, не поддаются мрачным мыслям.

Одной из важных составляющих рассматриваемой проблемы активного долголетия, по мнению экспертов, перспективной и требующей дальнейшего углубленного исследования, являются организация рационального и полноценного питания пожилых людей.

Известно, что старение организма характеризуется постепенным понижением интенсивности обменных процессов, лежащих в основе жизнедеятельности организма. Это выражается в снижении показателей основного обмена, потребления кислорода и выделения углекислоты, уменьшении интенсивности белкового обмена, накопления липидных компонентов в тканях, снижении скорости утилизации глюкозы, снижении активности ферментов биологического окисления. Поэтому важнейшим фактором, поддерживающим нормальное физиологическое состояние и работоспособность в пожилом возрасте, является питание, обеспечивающее организм энергией и пластическим материалом. Сбалансированное соответственно возрасту питание играет большую роль в замедлении процессов старения организма и влияет на характер изменений, возникающих в различных его системах.

В Республике Беларусь, как и в других развитых странах мира, вопросы здорового образа жизни и здорового питания возведены в ранг государственной политики. В последнее время во всем мире получило широкое признание новое направление в пищевой промышленности – функциональное питание. Продукты функционального питания не только удовлетворяют физиологические потребности организма в пищевых веществах и энергии, но и выполняют профилактические и лечебные функции. Важным аспектом при разработке таких продуктов является обогащение их функциональными ингредиентами.

Для реализации этой концепции в Республике Беларусь утверждена программа «Продукты питания для людей пожилого возраста», направленная на реализацию Национальной программы демографической безопасности в части увеличения продолжительности жизни и обеспечения активного долголетия людей пожилого возраста. Ее целью явилось создание научно обоснованной ингредиентной структуры продуктов питания для людей пожилого возраста, учитывающей необходимые соотношения биологически активных компонентов и их воздействие на физиологические процессы старения, а также разработка технологий и организация их производства на предприятиях концерна «Белгоспищепром» и других предприятиях пищевой промышленности Республики Беларусь.

Тематический план РУП «Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по продовольствию» на 2008–2010 гг. в рамках отраслевой научно-технической программы (ОНТП) «Продукты питания для людей пожилого возраста» предусматривал выполнение исследований, связанных с созданием новых видов кисломолочных, масложировых, мясных продуктов, хлебобулочных изделий, безалкогольных напитков и установлению их геропротекторного действия.

Задания данной программы были направлены на повышение качества продуктов питания для людей пожилого возраста, проведение медико-биологических исследований опытных образцов новых продуктов в целях подтверждения их функциональной активности, создание рецептур новых видов продуктов с геропротекторными свойствами и высокими вкусовыми качествами.

На основе обогащения пищевых продуктов разработаны рецептурные составы растительных масел и спредов для геродиетического питания. В результате проведенных испытаний на молекулярно-клеточном уровне выявлены стимулирующие свойства обогащенных масложировых продуктов, которые оказывают положительное воздействие на кроветворную и иммунную системы, а также индукцию процессов метаболизма в печени.

Разработаны комплексные обогатительные смеси серии «Даўгалецце» – сухие порошкообразные смеси зерновых продуктов, овощей, фруктов, аминокислот с добавлением витаминно-минерального премикса «Арбарвит-2», витаминов в чистом виде, янтарной кислоты, цветочной пыльцы и других ингредиентов. Разработаны рецептуры и технологические инструкции на новые виды хлебобулочных и кондитерских изделий с использованием комплексных обогатительных смесей «Даўгалецце»: рецептуры на хлеб «Веговский» с использованием комплексной обогатительной смеси «Даўгалецце» № 7, батон «Нововеговский» с использованием комплексной обогатительной смеси «Даўгалецце» № 10, кекс «Веговский» с использованием комплексной обогатительной смеси «Даўгалецце» № 16.

С учетом потребности лиц старшей возрастной группы в витаминах, аминокислотах и минеральных веществах разработаны составы для обогащения напитков и технология изготовления геродиетических безалкогольных напитков: «Долголет-1» и «Долголет-4»; безалкогольных газированных напитков с янтарной кислотой; напитков безалкогольных геродиетических – «Волшебный мятный»; «Волшебный клюквенный»; «Волшебный яблочный»; «Волшебный осенний».

Изготовлена опытная партия биопродуктов кисломолочных «На здоровье!» для питания людей различных возрастных групп, в том числе пожилого возраста. При разработке технологии их изготовления использован бактериальный концентрат «Пробилакт-4», содержащий пробиотические культуры лактобацилл

и термофильного стрептококка, а для повышения функциональности продукта в молочную основу введены пребиотик инулин и сывороточные белки.

Разработаны рецептуры полуфабрикатов мясных рубленых для геродиетического питания – котлет «Геровита-1», «Геровита-2», «Геровита-3», «Геровита-4», паштетов мясных для геродиетического питания «Долголет-1», «Долголет-2», «Долголет-3», «Долголет-4». При разработке этих рецептур в качестве функциональной пищевой добавки, обладающей геропротекторными свойствами, использована полиненасыщенная жирная кислота ω -3.

Впервые в Республике Беларусь разработаны хлебобулочные и кондитерские изделия социальной направленности, а именно для питания людей пожилого возраста, изучена их эффективность путем проведения медико-биологических испытаний. Разработаны 3 вида хлебобулочных и 2 вида кондитерских изделий с использованием 4 видов композитных смесей «Бодрость»: хлеб «Полезный» обогащенный, рогалик «Полезный», сухари «Полезные», пряники «Питательные», сладости мучные «Виноградные». Указанные хлебобулочные и кондитерские изделия обогащены минеральными веществами (Ca, Se), витаминами группы B (B1, B2, B6, B9, B12) и биофлавоноидами. Употребление этих изделий

будет способствовать компенсации дефицита кальция, селена, витаминов группы B и в итоге улучшению физического состояния, продлению активной жизни людей пожилого возраста.

Таким образом, следует отметить, что в нашей стране создана достаточно развитая система оказания медико-реабилитационной и социальной помощи пожилым, которая, несомненно, будет совершенствоваться и развиваться с учетом мирового опыта и тенденций в этой важной сфере социально-общественной жизни.

Факты

Население Беларуси признано стареющим (по методологии ООН) с 50-х гг. XX в., когда удельный вес лиц старше 65 лет превысил 7-процентный уровень.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении увеличилась с 69,4 до 70,4 года.

2 млн 487 тыс. жителей Беларуси получают пенсии. Из них 548 тыс. человек, или 22 %, продолжают работать. Женщин среди работающих пенсионеров почти в 2 раза больше, чем мужчин.

Почти тысяча работающих пенсионеров находятся в возрасте 80 лет и старше.

По расчетам, доля лиц старше трудоспособного возраста среди населения Беларуси в 2025 г. составит более 28 %, доля детей – 17 %.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильчиков В.М. Формирование социальной геронтологической политики на современном этапе развития российского общества // *Государство и общество: проблемы социальной ответственности: материалы IX науч. чтений МГСУ. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2003. С. 169–170, 167–168.*
2. Воробьев П.А. Клиническая геронтология. 2001; 7: 84–85.
3. Гончарова Г.Н., Калашников И.Г., Тихонова Н.В. Клиническая геронтология. 2001; 8: 87.
4. Государственный доклад о положении граждан старшего поколения в Российской Федерации / под общ. ред. Г.Н. Кареловой. М.: Минтруд РФ, 2001. С. 107.
5. Дементьева Н.Ф., Рязанов Д.П. К проблеме взаимодействия органов социальной защиты и здравоохранения в обслуживании пожилых людей на дому // *Государство и общество: проблемы социальной ответственности: материалы IX науч. чтений МГСУ. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2003. С. 207–209.*
6. Денисенко М. Тихая революция // *Отечественные записки. 2005; 3: 23.*
7. Клиническая геронтология / И.Н. Денисов [и др.]. 2000; 6 (7–8): 33–36.
8. Елена Прус. В Минске работают девять кабинетов паллиативной помощи для одиноких стариков и инвалидов. 01.09.2012, 19:28. Красота и здоровье. БЕЛТА. URL: <http://news.tut.by/health>
9. Лазебник Л.Б. Клиническая геронтология. 2000; 6 (7–8): 3–5.
10. Ловатт К., Косарева Н.В. Английская модель социального обслуживания пожилых людей // *Новые социальные технологии в сфере работы с молодежью и пожилыми людьми: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. С.153–155.*
11. Клиническая геронтология / Н.И. Некрасова [и др.]. 2003; 9: 136.
12. Преснякова Л. Социальный, материальный и эмоциональный климат старости в России // *Отечественные записки. 2005; 3 (23): 20–23.*
13. Зборовский К.Э. Реабилитация – лучшая альтернатива инвалидности // *Обозреватель. 15.11.2011; 45 (480).*
14. Руководство по геронтологии / под ред. акад. РАМН, проф. В.Н. Шабалина. М.: Цитадель-трейд, 2005. 800 с.
15. Сухова Л.С. Реабилитация как составляющая ухода за больными и инвалидами пожилого возраста // *Проблемы старости: духовные, медицинские и социальные аспекты. М.: Свято-Дмитриевское училище сестер милосердия, 2003. С. 93–105.*
16. Чикарина Л.Я. Новые технологии социального обслуживания пожилых людей // *Государство и общество: проблемы социальной ответственности: материалы IX науч. чтений МГСУ. М.: Изд. МГСУ «Союз», 2003. С. 196–198.*
17. Berke D. The Journal of Long Term Home Health Care. 1998; 17: 2–3.

Поступила 12.05.2015

ИММУННОЕ ВОСПАЛЕНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПАТОГЕНЕЗА ФИБРИЛЛЯЦИИ ПРЕДСЕРДИЙ У ПАЦИЕНТОВ С ИШЕМИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ СЕРДЦА И ВЛИЯНИЕ НА НЕГО ОМЕГА-3 ПОЛИНЕНАСЫЩЕННЫХ ЖИРНЫХ КИСЛОТ

М.С. Пристром¹, Ю.А. Олихвер², И.И. Семененков¹, В.В. Артющик², А.А. Маковская³

¹Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

²Республиканский клинический медицинский центр Управления делами Президента Республики Беларусь, Минск

³2-я городская клиническая больница, Минск

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ишемическая
болезнь сердца,
иммунное воспаление,
фибрилляция предсердий

Представлены материалы исследования показателей иммунного воспаления (иммуноглобулины, цитокины, С-реактивный белок) у пациентов с ишемической болезнью сердца и персистирующей фибрилляцией предсердий. Установлено активное участие иммунного воспаления в возникновении фибрилляции предсердий. Выявлено противовоспалительное и антиаритмическое действие омега-3 полиненасыщенных жирных кислот, что проявилось снижением активности иммунного воспаления и частоты пароксизмов фибрилляции предсердий.

KEYWORDS

ischemic heart
disease,
immune
inflammation,
atrial fibrillation

The paper presents the study materials the immune inflammation (immunoglobulins, cytokines, C-reactive protein) in patients with coronary heart disease and persistent atrial fibrillation. Have an active involvement of immune inflammation in the occurrence of atrial fibrillation. Revealed anti-inflammatory and antiarrhythmic effect of omega-3 polyunsaturated fatty acids, which showed decreased activity of immune inflammation and the frequency of paroxysms of atrial fibrillation.

Ишемическая болезнь сердца (ИБС) – самое распространенное заболевание сердечно-сосудистой системы, одна из основных причин смертности, а также временной и стойкой утраты трудоспособности населения в развитых странах мира, важная медицинская проблема XXI в. Фибрилляция предсердий (ФП) – одно из наиболее частых нарушений сердечного ритма (0,4–1 % взрослой популяции), при этом ее распространенность увеличивается с возрастом (более чем у 10 % лиц старше 80 лет) [1]. При этом ожидается резкое увеличение числа пациентов с ФП в ближайшие десятилетия в связи с постарением населения [2, 3]. ФП увеличивает риск развития и прогрессирования хронической сердечной недостаточности (ХСН), инфаркта мозга, ухудшает качество жизни [4–9, 39, 40].

Согласно современным представлениям, важная составляющая патогенеза ИБС – системная воспалительная активность [10, 11, 40]. Выявлена взаимосвязь между повышением уровня провоспалительных цитокинов (интерлейкин-6 (ИЛ-6), фактор некроза опухоли альфа (ФНО-α)) и тяжестью ИБС. На сегодняшний день установлено, что регуляторные эффекты цитокинов характеризуются их разнонаправленным воздействием на атеросклеротический процесс. Так, провоспалительные цитокины – ФНО-α, ИЛ-6, интерлейкин-1b (ИЛ-1b), интерлейкин-8 (ИЛ-8) – рассматриваются как атерогенные, а противовоспалительные цитокины – интерлейкин-4 (ИЛ-4) и интерлейкин-10 (ИЛ-10) – как антиатерогенные медиаторы [12, 41].

Цитокин ИЛ-6 вырабатывается активированными моноцитами или макрофагами, фибробластами, эндотелиоцитами. При воспалении последовательно секретируются ФНО-α, ИЛ-1b и ИЛ-6 [13]. Затем ИЛ-6 начинает ингибировать секрецию ФНО-α и ИЛ-1b, активировать продукцию печенью белков острой фазы воспаления и стимулировать гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковую систему, что способствует регуляции воспалительного процесса, в связи с чем ИЛ-6 можно рассматривать и как провоспалительный, и как противовоспалительный. Основное действие ИЛ-6 связано с его участием в качестве кофактора при дифференцировке В-лимфоцитов, их созревании и преобразовании в плазматические клетки, секретирующие иммуноглобулины. Помимо этого, ИЛ-6 способствует экспрессии рецептора ИЛ-2 на активированных иммуноцитах, а также индуцирует производство ИЛ-2 Т-клетками. Данный цитокин стимулирует пролиферацию Т-лимфоцитов и реакции гемопоэза. В некоторых исследованиях [14] подтверждена роль ИЛ-6 в дестабилизации атеросклеротической бляшки.

В настоящее время одним из наиболее изученных цитокинов является ФНО-α – провоспалительный цитокин, продуцируют который преимущественно моноциты и макрофаги. ФНО-α проявляет избирательную цитотоксичность в отношении некоторых опухолевых клеток, вызывает деструкцию эндотелиоцитов, влияет на коагуляцию, нарушает липидный обмен, стимулируя процессы атерогенеза, активирует

транскрипцию других провоспалительных цитокинов (ИЛ-1b, ИЛ-6).

ИЛ-1b – один из основных провоспалительных цитокинов, вырабатывается преимущественно фагоцитами, макрофагами, а также фибробластами, лимфоцитами и эпителиоцитами. ИЛ-1b активизирует и регулирует воспалительные, иммунные процессы, активирует нейтрофилы, Т- и В-лимфоциты, стимулирует синтез белков острой фазы воспаления, провоспалительных цитокинов (ФНО-α), молекул адгезии, простагландинов. ИЛ-1b повышает хемотаксис, проницаемость сосудистой стенки, цитотоксическую и бактерицидную активность, оказывает пирогенное воздействие. Синтез ИЛ-1b подавляется такими противовоспалительными цитокинами, как ИЛ-4 и ИЛ-10. Повышение содержания ИЛ-1b отмечено при многих заболеваниях, в том числе и при ИБС.

С-реактивный белок (СРБ), синтезирующийся преимущественно в гепатоцитах, является одним из наиболее чувствительных и специфичных маркеров воспаления. Его уровень быстро и многократно увеличивается при воспалениях различной природы и локализации, травмах и опухолях, паразитарных инфекциях, сопровождающихся воспалением и некрозом тканей. Синтез СРБ растет уже через 4–6 ч после начала воспалительного процесса (до увеличения количества гранулоцитов), достигает пика через 1–2 дня, при успешном выздоровлении его уровень быстро снижается, поскольку полупериод циркуляции в крови СРБ составляет 6 ч. По диагностической значимости сопоставим с СОЭ, но уровень СРБ растет и снижается быстрее. Установлено, что концентрация СРБ в крови имеет высокую корреляцию с активностью заболевания, стадией процесса. Относительно новая область применения этого показателя – оценка риска развития атеросклероза и связанных с ним осложнений. Разработанные в последнее время высокочувствительные методы определения СРБ могут улавливать изменение СРБ не только в условиях острого, но также и хронического, низкой степени выраженности, эндогенного воспаления. Доказано, что повышение уровня СРБ свидетельствует о повышенном риске развития и прогрессирования атеросклероза и может быть показателем дестабилизации атеросклеротической бляшки [15], а также риска первого инфаркта, тромбоэмболии. Вероятность сердечно-сосудистых осложнений у таких пациентов возрастает при наличии параллельно других факторов риска (повышенный уровень холестерина, фибриногена и др.).

Определенная роль в развитии иммунного воспаления при атеросклерозе отводится нарушениям как в клеточном, так и в гуморальном иммунитете. Выявлена обратно пропорциональная зависимость между содержанием Т-лимфоцитов и триглицеридов. Несмотря на нормальное содержание В-лимфоцитов, наблюдается тенденция к стимуляции образования

иммуноглобулинов основных классов, преимущественно за счет иммуноглобулинов класса G (IgG). При этом отмечено повышение уровня аутоантител и иммунных комплексов [16, 17]. Также в процессе развития атеросклероза иммунологический механизм подтверждается наличием в фибробластах меди и интимы IgG и комплемента C₃ [18].

IgG – самая большая подгруппа иммуноглобулинов, на их долю приходится до 75 % от общего числа. Они обеспечивают длительный гуморальный иммунитет при инфекционных заболеваниях, т. е. представляют антитела вторичного иммунного ответа на чужеродные вещества. Антитела против вирусов, бактерий, токсинов относятся к IgG. Содержание этого класса иммуноглобулинов повышается при хронических и возвратных инфекциях. Определение проводят при различного рода инфекционном процессе, острых и хронических заболеваниях печени, аутоиммунных заболеваниях, хроническом пиелонефрите, ревматизме, коллагенозах, миеломной болезни, заболеваниях, приводящих к истощению иммунной системы.

Иммуноглобулины класса A (IgA) составляют 16–20 % от общего количества иммуноглобулинов. В организме человека они представлены в виде двух фракций: сывороточной, обеспечивающей местный иммунитет, и секреторной, содержащейся в молоке, секретах кишечного и респираторного тракта, слюне, слезной жидкости, создающих вместе с неспецифическими факторами иммунитета защиту слизистых оболочек от микроорганизмов и вирусов. Связываясь с микроорганизмами, IgA тормозят их присоединение к поверхности клеток. Снижение содержания свидетельствует о недостаточности гуморального и местного иммунитета. Увеличение концентрации может наблюдаться при острых и хронических инфекционных процессах (паразитарных, грибковых, бактериальных), заболеваниях печени, системной красной волчанке, миеломной болезни.

Иммуноглобулины класса M (IgM) первыми вырабатываются в ответ на острую инфекцию, обеспечивая первичный иммунитет. Они первыми появляются в кровяном русле при бактериемии, создавая антибактериальный иммунитет. Снижение их содержания свидетельствует о дефиците гуморального иммунитета. Увеличение концентрации наблюдается при остром инфекционном процессе различного генеза (вирусные, бактериальные, паразитарные, грибковые заболевания), острых вирусных гепатитах, аутоиммунных заболеваниях, системной красной волчанке, миеломной болезни, пиелонефрите. Содержание IgM снижается при хронической вирусной инфекции, заболеваниях, приводящих к истощению иммунной системы. Общее содержание иммуноглобулинов M в крови составляет примерно 5–10 %.

В связи с тем, что роль иммунновоспалительной активации при острых и хронических формах ИБС

продемонстрирована в многочисленных исследованиях, то актуальным остается вопрос о значимости иммунного воспаления в развитии пароксизмов ФП у данного контингента больных, так как этот вид нарушения ритма сердца является не только маркером прогрессирования заболевания, но и независимым фактором сердечно-сосудистого риска.

В последние годы были получены достаточно убедительные данные об эффективности применения омега-3 полиненасыщенных жирных кислот (омега-3 ПНЖК) для первичной профилактики развития сердечно-сосудистых заболеваний, а также профилактики осложнений у больных ИБС, включая пациентов, перенесших инфаркт миокарда, для профилактики внезапной сердечной смерти, а также у больных атеросклерозом и сердечной недостаточностью.

Жирные кислоты, не вырабатываемые в организме, называются эссенциальными (незаменимыми) жирными кислотами. По своей структуре ЖК подразделяются на насыщенные (НЖК) и ненасыщенные (ННЖК): мононенасыщенные (МНЖК) и полиненасыщенные (ПНЖК). Выделяют следующие семейства ННЖК: омега-9 (олеиновая), омега-6 (основные представители – арахидоновая, линолевая, гамма-линоленовая) и омега-3 (основные представители – альфа-линоленовая, эйкозапентаеновая, докозагексаеновая). ЖК синтезируются в организме из продуктов распада углеводов и поступают с пищей. Омега-3 ПНЖК эйкозапентаеновая (ЭПК) и докозагексаеновая (ДГК) синтезируются в достаточных количествах только в морских водорослях. Основным источником ЭПК и ДГК для человека являются некоторые виды морских рыб (атлантический лосось, семга, сардины, скумбрия, атлантическая сельдь). Еще одна омега-3 ПНЖК – альфа-линоленовая – содержится в некоторых растительных маслах. Наибольший практический интерес представляют два класса: омега-3 и омега-6. Омега-3 ПНЖК более длинные и ненасыщенные по сравнению с омега-6 ПНЖК, а их эффекты в основном противоположные [37]. В связи с этим необходимо одновременное поступление ПНЖК обоих классов в целях достижения баланса различных процессов в организме. Оптимальным считается соотношение омега-6/омега-3, равное 1–10/1 (жирные сорта морских рыб, морепродукты, грецкие орехи), оно характерно для жителей Гренландии, Японии и других стран со схожими пищевыми традициями. В то же время из-за преобладания в пище жителей США и Европы насыщенных животных жиров данное соотношение может достигать 20–25/1.

Наиболее важным представителем омега-6 ПНЖК является арахидоновая кислота (АК), входящая в состав фосфолипидов клеточных мембран тромбоцитов и эндотелиальных клеток. Метаболизируется АК двумя основными путями: циклооксигеназным (приводит к образованию простагландинов и тромбоксана A_2) и липоксигеназным (образуются лейкотриены).

Данные продукты метаболизма АК оказывают вазоспастическое воздействие, вызывают развитие воспаления, бронхоспазм и аллергические реакции. И наоборот, омега-3 ПНЖК обуславливают каскад синтеза 3 серий простагландинов и лейкотриенов, которые конкурируют с АК и обладают противоположными эффектами. Так, омега-3 ПНЖК имеют ряд свойств, благоприятно влияющих на течение ИБС: приводят к снижению уровня триглицеридов (ТГ) [19–23], холестерина липопротеидов низкой плотности (ХС ЛПНП) [24] и холестерина липопротеидов очень низкой плотности (ХС ЛПОНП) [19], а также увеличению количества холестерина липопротеидов высокой плотности (ХС ЛПВП) в плазме крови [25, 26].

Одним из наиболее патогенетически важных в отношении атеросклероза является противовоспалительное действие омега-3 ПНЖК [26–28, 46–48]. В ряде работ установлено, что при использовании омега-3 ПНЖК увеличивается вариабельность ритма сердца [29, 30], улучшается эндотелиальная функция [32], отмечены также антиаритмический [32–34, 43–45, 49–53], антикоагулянтный [35, 54, 55] и антиоксидантный [36, 46] эффекты.

Цель нашего исследования – изучение влияния омега-3 ПНЖК на содержание провоспалительных цитокинов, иммуноглобулинов и СРБ в сыворотке крови больных ИБС с персистирующей и перманентной формами ФП, а также на частоту пароксизмов ФП.

Материал и методы. В исследование были включены 112 человек в возрасте от 51 до 83 лет: 64 больных ИБС с персистирующей формой ФП, 20 – с перманентной ФП, средний возраст – $66 \pm 8,9$ года; в контрольную группу вошли 28 пациентов с ИБС без ФП, средний возраст – $67 \pm 8,1$ года. Критериями исключения из исследования являлись хроническая ревматическая болезнь сердца, кардиомиопатии, системные заболевания соединительной ткани, нарушение функции щитовидной железы, заболевания крови, онкологические заболевания, сахарный диабет, почечная или печеночная недостаточность, все острые заболевания, а также хронические в стадии обострения.

Пациенты с персистирующей ФП получали следующую терапию: ингибиторы ангиотензинпревращающего фермента (АПФ), амиодарон, ацетилсалициловая кислота и Омакор®; с перманентной формой ФП – ингибиторы АПФ, бета-адреноблокаторы, сердечные гликозиды (при необходимости), антиагреганты и/или антикоагулянты и Омакор®. Лечение Оматором® в дозе 2 г/сут продолжалось в течение 12 недель. Пациенты в контрольной группе получали ингибиторы АПФ, бета-адреноблокаторы, антиагреганты. Всем пациентам выполнялось эхокардиографическое исследование по стандартному протоколу в М- и В-режиме. Определялись содержание сывороточных иммуноглобулинов классов G, A, M (методом радиальной иммунодиффузии в геле

по Манчини), провоспалительных цитокинов (ИЛ-1 β , ИЛ-6, ФНО- α) – посредством иммуноферментного анализа – и СРБ. Анамнестически и путем изучения медицинской документации определяли частоту возникновения пароксизмов ФП за трехмесячный период времени. Статистическая обработка результатов исследования проводилась с использованием пакета статистических программ Statistica 6.0 (StatSoft, США). Различия считались статистически значимыми при уровне $p < 0,05$. Для оценки степени взаимосвязи использовали метод линейной корреляции с расчетом коэффициента (R) корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение. После проведения эхокардиографического исследования все пациенты с персистирующей ФП были разделены на 2 группы: с дилатацией левого предсердия (ЛП) (переднезадний размер более 40 мм) – 37 человек, без дилатации ЛП (переднезадний размер до 40 мм) – 28 человек.

Результаты исследования содержания сывороточных провоспалительных цитокинов и СРБ у пациентов с ФП представлены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, после приема Омакора® в дозе 2 г/сут в течение 12 недель содержание в сыворотке крови провоспалительных цитокинов и СРБ статистически значимо снизилось в 1-й (за исключением ФНО- α) и 2-й группах, причем во 2-й группе (без дилатации ЛП) в случае с ФНО- α , ИЛ-1 β и ИЛ-6 уровень значимости был еще выше ($p < 0,01$). Также было отмечено статистически значимое снижение уровня СРБ в 3-й группе (с перманентной ФП).

Результаты исследования содержания иммуноглобулинов у пациентов с ФП представлены в табл. 2.

Как видно из данных табл. 2, после приема пациентами Омакора® в дозе 2 г/сут в течение 12 недель содержание в сыворотке крови IgG, IgM и IgA статистически значимо снизилось в 1-й и 2-й группах,

Таблица 1

Содержание сывороточных провоспалительных цитокинов и СРБ у пациентов с ФП

Группа	ФНО- α , пг/мл		ИЛ-1 β , пг/мл		ИЛ-6, пг/мл		СРБ, мг/л	
	до лечения	после лечения	до лечения	после лечения	до лечения	после лечения	до лечения	после лечения
1-я	3,25 (1,44–4,28)	3,20 (2,04–3,77)	3,63 (3,21–3,99)	3,39* (1,73–3,94)	4,31 (2,28–8,72)	3,58* (2,07–5,81)	5,71 (4,99–6,19)	5,38* (0,2–6,09)
2-я	3,43 (2,63–4,22)	2,78** (1,1–4,25)	3,82 (2,99–5,26)	2,99** (2,20–3,53)	4,80 (2,46–8,25)	3,53** (0,89–6,55)	6,17 (5,75–6,43)	5,83* (5,65–6,09)
3-я	3,08 (1,14–3,94)	3,01 (0,98–3,89)	3,62 (1,71–4,23)	3,41 (0,89–3,80)	4,01 (2,25–5,49)	3,84 (1,07–6,09)	5,72 (0,4–6,05)	5,43* (2,72–5,51)
4-я	2,27 (1,15–2,82)	2,24 (0,97–2,45)	2,71 (1,74–3,77)	2,53 (1,77–3,45)	2,85 (1,36–3,23)	2,83 (2,03–3,21)	4,73 (4,38–5,01)	4,75 (0,4–5,09)

Примечание. 1-я группа – пациенты с ИБС и персистирующей ФП и дилатацией ЛП, 2-я – пациенты с ИБС и персистирующей ФП без дилатации ЛП, 3-я – пациенты с ИБС и перманентной ФП, 4-я – пациенты с ИБС без ФП.

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$ – изменения исследуемых показателей после лечения (критерий Вилкоксона).

Таблица 2

Содержание иммуноглобулинов у пациентов с ФП

Группа	IgG		IgA		IgM	
	до лечения	после лечения	до лечения	после лечения	до лечения	после лечения
1-я	18,52 (13,75–22,60)	16,92* (11,31–21,95)	2,47 (1,79–4,18)	2,34* (1,95–2,98)	1,45 (1,22–2,46)	1,32* (1,14–1,98)
2-я	19,6 (14,86–24,39)	16,67* (13,56–19,86)	2,60 (2,24–3,85)	2,23** (1,26–2,95)	1,98 (1,12–2,73)	1,39** (1,22–1,76)
3-я	16,96 (12,91–24,38)	14,50 (11,28–18,64)	2,22 (2,12–2,81)	1,95* (1,12–2,36)	1,42 (1,32–1,64)	1,35 (0,89–1,72)
4-я	13,58 (11,37–21,50)	12,85 (10,35–17,85)	1,79 (1,47–3,92)	1,60 (1,56–2,20)	1,06 (0,75–1,52)	0,99 (0,78–1,35)

Примечание. 1-я группа – пациенты с ИБС и персистирующей ФП и дилатацией ЛП, 2-я группа – пациенты с ИБС и персистирующей ФП без дилатации ЛП, 3-я группа – пациенты с ИБС и перманентной ФП, 4-я группа – пациенты с ИБС без ФП.

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$ – изменения исследуемых показателей после лечения (критерий Вилкоксона).

Корреляционная зависимость между показателями иммунного воспаления и частотой пароксизмов ФП

Группа	Показатель иммунного воспаления	Частота пароксизмов ФП до лечения	Частота пароксизмов ФП после лечения
1-я	IgA	R = 0,18	R = 0,20
	IgG	R = 0,11	R = 0,13
	IgM	R = 0,41*	R = 0,44*
	ФНО-α	R = 0,19	R = 0,18
	ИЛ-1β	R = 0,42*	R = 0,46*
	ИЛ-6	R = 0,21	R = 0,28
2-я	СРБ	R = 0,42*	R = 0,41*
	IgA	R = 0,16	R = 0,18
	IgG	R = 0,22	R = 0,28
	IgM	R = 0,48*	R = 0,60***
	ФНО-α	R = 0,31	R = 0,33
	ИЛ-1β	R = 0,49**	R = 0,61***
	ИЛ-6	R = 0,29	R = 0,29
	СРБ	R = 0,55**	R = 0,57**

Примечание. 1-я группа – пациенты с пароксизмальной формой ФП и дилатацией ЛП, 2-я группа – пациенты с пароксизмальной формой ФП без дилатации ЛП.

p < 0,05; **p < 0,01; ***p < 0,001; R – коэффициент корреляции Спирмена.

при этом уровень значимости во 2-й группе в случае с IgM и IgA был выше ($p < 0,01$). Также отмечалась тенденция к снижению концентрации вышеуказанных показателей у пациентов с перманентной ФП, однако различия не достигли уровня значимости.

Нами проводился анализ частоты возникновения пароксизмов ФП у пациентов описанных выше групп (с дилатацией ЛП и без) за 12-недельный период до и во время лечения Омакором®. Корреляционная зависимость между показателями иммунного воспаления и частотой пароксизмов ФП представлена в табл. 3.

Выявлено, что до приема Омакора® в группе с дилатацией ЛП частота возникновения пароксизмов составила 1,27 случая, в группе без дилатации – 1,34. Проведенный корреляционный анализ установил наиболее значимые взаимосвязи между уровнем IgM и частотой возникновения пароксизмов ФП в группе с дилатацией ЛП ($R = 0,41$; $p < 0,05$) и без ($R = 0,48$; $p < 0,05$), между уровнем ИЛ-1β и частотой возникновения пароксизмов ФП в группе с дилатацией ЛП ($R = 0,42$; $p < 0,05$) и без ($R = 0,49$; $p < 0,01$), а также между уровнем СРБ и частотой возникновения пароксизмов ФП в группе с дилатацией ЛП ($R = 0,42$; $p < 0,05$) и без ($R = 0,55$; $p < 0,01$).

За 12-недельный период приема препарата омега-3 ПНЖК частота возникновения пароксизмов ФП в группе больных без дилатации ЛП составила 0,98 случая, в группе с дилатацией ЛП – 1,09. Проведенный корреляционный анализ также выявил статистически значимую положительную корреляционную связь между вышеуказанными показателями и частотой возникновения пароксизмов ФП, причем коэффи-

циент корреляции был выше, чем до лечения: между уровнем IgM и частотой возникновения пароксизмов ФП в группе с дилатацией ЛП ($R = 0,44$; $p < 0,05$) и без ($R = 0,60$; $p < 0,001$), между уровнем ИЛ-1β и частотой возникновения пароксизмов ФП в группе с дилатацией ЛП ($R = 0,46$; $p < 0,05$) и без ($R = 0,61$; $p < 0,001$), а также между уровнем СРБ и частотой возникновения пароксизмов ФП в группе с дилатацией ЛП ($R = 0,41$; $p < 0,05$) и без ($R = 0,57$; $p < 0,01$).

Как видно из приведенных выше результатов исследования, иммунное воспаление играет важную роль в развитии ФП, и степень его активности выше у пациентов без дилатации ЛП по сравнению с группой пациентов с дилатацией ЛП. Применение омега-3 ПНЖК оказало противовоспалительное воздействие, что соответствует результатам клинических исследований в этой области [27, 28]. При этом оно было более выраженным у пациентов без дилатации ЛП ($p < 0,01$) по сравнению с группой пациентов с дилатацией ЛП ($p < 0,05$), что свидетельствует о большей эффективности лечения пациентов данной группы вышеуказанным препаратом.

Ранее нами проводились исследования по изучению влияния омега-3 ПНЖК на жирнокислотный спектр сыворотки крови пациентов с ИБС и ФП, а также на частоту возникновения пароксизмов ФП [38]. Установлено, что в группах с персистирующей ФП по сравнению с контрольной отмечается более высокий уровень насыщенных ЖК и более низкое содержание омега-3 ПНЖК (ЭПК и ДГК). Добавление к стандартной терапии препарата омега-3 ПНЖК в дозе 2 г/сут в течение 3 месяцев привело к статистически значимому

снижению содержания насыщенных ЖК и увеличению содержания омега-3 ПНЖК, причем уровень значимости в группе без дилатации ЛП был выше ($p < 0,001$). При проведении анализа частоты возникновения пароксизмов ФП у пациентов с дилатацией ЛП и без до и во время лечения Омакором® была выявлена отрицательная корреляционная связь между уровнем омега-3 ПНЖК (ЭПК, ДГК) и частотой возникновения пароксизмов ФП.

Следовательно, на основании полученных данных можно предположить, что пониженное содержание омега-3 ПНЖК, иммунное воспаление у пациентов с ИБС и персистирующей формой ФП являются predisposing факторами для возникновения пароксизмов ФП. Прием пациентами с персистирующей формой ФП Омакора®, во-первых, подавляет иммунное воспа-

ние, во-вторых, увеличивает содержание омега-3 ПНЖК в сыворотке крови. Это позволяет рассматривать препарат омега-3 ПНЖК Омакор® в качестве перспективного средства для лечения и профилактики пароксизмов ФП у пациентов с ИБС.

Вывод. Выявленное в результате проведенного исследования статистически значимое снижение содержания в сыворотке крови IgM, ИЛ-1β, СРБ в группах с дилатацией ЛП и без после 12-недельного приема препарата омега-3 ПНЖК, а также установленная статистически значимая положительная корреляционная связь между уровнями IgM, ИЛ-1β, СРБ и частотой возникновения пароксизмов ФП в вышеуказанных группах позволяет рассматривать препараты омега-3 ПНЖК в качестве перспективных средств для лечения и профилактики пароксизмов ФП у пациентов с ИБС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич М.А. Практические аспекты этиологии, систематизации и лечения мерцательной аритмии // Кардиология. 2001; 7: 14–18.
2. The epidemiological burden of atrial fibrillation: a challenge for clinicians and health care systems / G. Boriani [et al.] // Eur. Heart J. 2006; 27: 893–894.
3. Prevalence, incidence and lifetime risk of atrial fibrillation: the Rotterdam study / J. Heeringa [et al.] // Eur. Heart J. 2006; 27: 949–953.
4. Kanorsky S.G., Kanorskaya Yu.S. Atrial fibrillation with type 2 diabetes mellitus: specific features of development and antirecurrence therapy // Kardiologiya. 2010; 7: 31–37.
5. Laupacis A., Cuddy T.E. Prognosis of individuals with atrial fibrillation // Can. J. Cardiol. 1996; 12: A: 14A–16A.
6. Incidence and mortality risk of congestive heart failure in atrial fibrillation patients: a community based study over two decades / Y. Miyasaka [et al.] // Eur. Heart J. 2006; 27: 936–941.
7. Frequency of recurrence of atrial fibrillation within 48h after ablation and its impact of longterm outcome / B. Richter [et al.] // Am. J. Cardiol. 2008; 101: 843–847.
8. Stramba-Badiale M. Atrial fibrillation subtypes, risk of stroke and antithrombotic therapy // Eur. Heart J. 2008; 29: 840–842.
9. Quality of life in patients with atrial fibrillation: a systematic review / G. Thrall [et al.] // Am. J. Med. 2006; 119: 448: e1–e19.
10. Кушаковский М.С. Аритмии сердца. Рук. для врачей. СПб.: Фолиант, 2004. 672 с.
11. Насонов Е.Л., Панюкова Е.В., Александрова Е.Н. С-реактивный белок – маркер воспаления при атеросклерозе // Кардиология, 2002; 7: 53–62.
12. Изменение содержания цитокинов в сыворотке у больных с диастолической сердечной недостаточностью / Е.Н. Амосова [и др.] // Укр. кардіол. журн. 2003; 4: 62–64.
13. Experimental endotoxemia in humans: analysis of cytokine release and coagulation, fibrinolytic, and complement pathways / S.J. Deventer van [et al.] // Blood. 1990; 76: 2520–2526.
14. Black P.H., Garbutt L.D. Stress, inflammation and cardiovascular disease // J. Psychosom. Res. 2002; 52 (1): 1–23.
15. Gabay C., Kushner I. Acute-phase proteins and other systemic to inflammation responses // New Engl. J. Med. 1999; 340: 448–454.
16. Покровская Е.В. Атеросклероз и иммунная система // Кардиология. 2001; 10: 69–73.
17. Hansson G.K. Cell-mediated immunity in atherosclerosis // Curr. Opin. Lipidol. 1997; 8 (5): 301–311.
18. Аронов Д.М. Лечение и профилактика атеросклероза. М.: Триада-Х, 2000. 397 с.
19. Бакина Л.К., Тургунова Л.Г., Умбеталина Н.С. Значение длительного применения омакора у больных с перенесенным инфарктом миокарда // Кардиоваскуляр. терапия и профилактика. 2008; 7 (6): 37–38.
20. Гиполипидемический эффект статинов в комбинации с жирными кислотами класса омега-3 / А.П. Васильев [и др.] // Кардиоваскуляр. терапия и профилактика. 2008; 7 (6): 61.
21. Вермель А.Е. Применение омега-3 жирных кислот (рыбий жир) в клинической практике // Клин. медицина. 2005; 10: 51–57.
22. Davidson M.H. Mechanisms for the hypotriglyceridemic effect of marine omega-3 fatty acids // Am. J. Cardiol. 2006; 98: 27i–33i.
23. Kris-Etherton P.M., Harris W.S., Apple L.J. Fish consumption, fish oil, omega-3 fatty acids and cardiovascular disease // Circulation. 2002; 106: 2747–2757.
24. Influence of n-6 versus n-3 polyunsaturated fatty acids in diets in saturated fatty acids on plasma lipoproteins and haemostatic factors / T.A. Sanders [et al.] // Arterioscler. Thromb. Vasc. Biol. 1997; 12: 3449–3460.
25. Relation of long chain n-3 polyunsaturated fatty acid intake to serum high density lipoprotein cholesterol among Japanese men in Japan and Japanese – American men in Hawaii: the INTERLIPID study / N. Okuda [et al.] // Atherosclerosis. 2005; 178: is.2: 371–379.
26. Влияние омакора на липидный спектр и содержание в сыворотке крови С-реактивного белка у больных с ишемической болезнью сердца и фибрилляцией предсердий / Ю.А. Олухвер // Ars Medica. 2010; 15 (35): 64–69.
27. Association of n-3 polyunsaturated fatty acids with stability of atherosclerosis plaques: a randomized controlled trial / F. Thies [et al.] // Lancet. 2003; 361: 477–485.

28. Dietary α -linolenic acid inhibits proinflammatory cytokine production by peripheral blood mononuclear cells in hypercholesterolemic subjects / G. Zhao [et al.] // *Am. J. Clin. Nutr.* 2007; 85: 385–391.
29. Effects of omega-3 fatty acids on resting heart rate, heart rate recovery after exercise, and heart rate variability in men with healed myocardial infarctions and depressed ejection fractions / J.H. O'Keefe [et al.] // *Am. J. Cardiol.* 2006; 97 (8): 1127–1130.
30. Christensen J.H. N-3 fatty acids and the risk of sudden cardiac death. Emphasis on heart rate variability // *Dan. Med. Bull.* 2003; 50: 347–367.
31. Гуревич М.А. Практические аспекты этиологии, систематизации и лечения мерцательной аритмии // *Кардиология*. 2001; 7: 14–18.
32. Скибицкий В.В., Фендрикова А.В., Чернышук Н.А. Эффективность омега-3 полиненасыщенных жирных кислот у больных инфарктом миокарда с нарушениями ритма сердца // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*. 2008; 7 (6): 341–342.
33. Эффективность омакора в профилактике фибрилляции предсердий у больных ишемической болезнью сердца после операции реваскуляризации миокарда / А.Р. Яруллина [и др.] // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*. 2008; 7 (6): 430.
34. Clinical prevention of sudden cardiac death by n-3 polyunsaturated fatty acids and mechanism of prevention of arrhythmias by n-3 fish oils / A. Leaf [et al.] // *Circulation*. 2003 Jun. 3; 107 (21): 2646–2652.
35. Trends in hospital activity, morbidity and case fatality related to atrial fibrillation in Scotland, 1986–1996 / S. Stewart [et al.] // *Eur. Heart J.* 2001; 22: 693–701.
36. Fish intake and risk of incident atrial fibrillation / D. Mozaffarian [et al.] // *Circulation*. 2004; 110: 368–373.
37. Омакор в комплексной терапии желудочковых нарушений ритма у больных ишемической болезнью сердца / А.М. Пристром [и др.] // *Кардиология в Беларуси*. 2011; 2 (15): 130–139.
38. Влияние омега-3 полиненасыщенных жирных кислот на жирнокислотный спектр сыворотки крови и частоту пароксизмов фибрилляции предсердий у пациентов с ишемической болезнью сердца / М.С. Пристром [и др.] // *Лечебное дело*. 2011; 3 (19): 45–48.
39. Camm A.J. Atrial fibrillation and risk // *Clin. Cardiol.* 2012; 35, Suppl. 1: 1–2.
40. Lip G.Y., Tse H.F., Lane D.A. Atrial fibrillation // *Lancet*. 2012; 379: 648–661.
41. Atrial fibrillation pathophysiology: implications for management / Y.K. Iwasaki [et al.] // *Circulation*. 2011; 124: 2264–2274.
42. Caldeira D., David C., Sampaio C. Rate versus rhythm control in atrial fibrillation and clinical outcomes: updated systematic review and meta-analysis of randomized controlled trials.
43. Efficacy and safety of prescription omega-3 fatty acids for the prevention of recurrent symptomatic atrial fibrillation: a randomized controlled trial / P. Kowey [et al.] // *JAMA*. 2010; 304: 2363–2372.
44. n-3 polyunsaturated fatty acids for the prevention of arrhythmia recurrence after electrical cardioversion of chronic persistent atrial fibrillation: a randomized, doubleblind, multicentre study / L. Bianconi [et al.] // *Europace*. 2011; 13 (2): 174–181.
45. n-3 polyunsaturated fatty acids in the prevention of atrial fibrillation recurrences after electrical cardioversion: a prospective randomized study / S. Nodari [et al.] // *Circulation*. 2011; 124: 11.
46. Savelieva I., Kourliouros A., Camm J. Primary and secondary prevention of atrial fibrillation with statins and polyunsaturated fatty acids: review of evidence and clinical relevance // *Naunyn-Schmied. Arch. Pharmacol.* 2010; 381: 207–219.
47. Clinical prevention of sudden cardiac death by n-3 polyunsaturated fatty acids and mechanism of prevention of arrhythmias by n-3 fish oils / A. Leaf [et al.] // *Circulation*. 2003; 107: 2646–2652.
48. Calder P. n-3 polyunsaturated fatty acids, inflammation, and inflammatory diseases // *Am. J. Clin. Nutr.* 2006; 83: 1505S–1519S.
49. Dietary fish oil protects against stretch-induced vulnerability to atrial fibrillation in a rabbit model / D. Ninio [et al.] // *J. Cardiovasc. Electrophysiol.* 2005; 16: 1189–1194.
50. Omega-3 polyunsaturated fatty acids inhibit transient outward and ultra-rapid delayed rectifier K^+ currents and Na^+ current in human atrial myocytes / G. Li [et al.] // *Cardiovasc. Res.* 2009; 81: 286–293.
51. Boland L., Drzewiecki M. Polyunsaturated fatty acid modulation of voltage-gated ion channels // *Cell Biochem. Biophys.* 2008; 52: 59–84.
52. Inhibitory effect of n-3 fish oil fatty acids on cardiac Na^+/Ca^{2+} exchange currents in HEK293t cells / Y. Xiao [et al.] // *Biochem. Biophys. Res. Commun.* 2004; 321: 116–123.
53. Reduced incidence of vagally induced atrial fibrillation and expression levels of connexins by n-3 polyunsaturated fatty acids in dogs / J. Sarrazin [et al.] // *J. Am. Coll. Cardiol.* 2007; 50 (15): 1505–1512.
54. Effects of chronic omega-3 polyunsaturated fatty acid supplementation on human atrial electrophysiology / S. Kumar [et al.] // *Heart Rhythm*. 2011; 8 (4): 562–568.
55. Царегородцев Д.А., Гавва Е.М., Сулимов В.А. Омега-3 полиненасыщенные жирные кислоты в лечении заболеваний сердечно-сосудистой системы // *Кардиология*. 2010; 8: 47–53.

Поступила 18.04.2015

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ЛЕЧЕНИИ ОСТЕОАРТРИТА КОЛЕННЫХ СУСТАВОВ

О.В. Дегтерева¹, М.С. Пристром², И.Э. Адамович¹, И.Е. Атрощенко²

¹2-я городская клиническая больница, Минск

²Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

В исследование были включены 20 пациентов (3 мужчин и 17 женщин) с гонартрозом II–III стадии по Kellgren-Lawrence. Препарат на основе гиалуронана вводился интраартикулярно под ультразвуковым контролем всем пациентам один раз в неделю в течение 3 недель (1-й, 8-й и 15-й день). Клиническая оценка эффективности лечения и качества жизни, а также динамики состояния суставов с помощью ультразвука была проведена до начала лечения, сразу после его окончания и через 2 месяца после окончания. Значительное улучшение состояния пациентов наблюдалось сразу же после его завершения и сохранялось в течение 2 месяцев. После выполнения курса внутрисуставных инъекций гиалуронана у всех пациентов со II–III стадией гонартроза отмечался выраженный клинический эффект в виде уменьшения боли, снижения степени функциональных нарушений, а также улучшения качества жизни и функциональной активности. Использование ультразвукового контроля позволило обеспечить точное адресное поступление препарата.

KEYWORDS

hyaluronan,
intra-articular
injection,
gonarthrosis,
ultrasound,
II–III stage
by Kellgren-Lawrence

20 patients (3 male and 17 female) with gonarthrosis at II–III stage by Kellgren-Lawrence . were included in research. A preparation based on hyaluronan was administered to all patients inside the affected joint with ultrasounds control once a week during 3 weeks (1st, 8th and 15th day). Clinical evaluation of the treatment efficacy and assessment of quality of life as well as the dynamics of the state of the joints by ultrasound were carried out before treatment, immediately after its completion and after 2 months after treatment. Significant improvements in clinical state of the patients were observed immediately after its completion and remained till 2 month. The course of intra-articular injections of hyaluronan in patients of II–III s stage of gonarthrosis is accompanied by the development of clear clinical effect meaning reduction of pain, stiffness, functional impairment, and improvement of quality of life and functional activity. The use of ultrasonic testing allowed to provide the targeted injection of medicine.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гиалуронан,
инъекции
внутрисуставные,
гонартроз,
ультразвук,
II–III стадия
по Kellgren-Lawrence

Остеоартрит – заболевание, которое занимает первое место по частоте среди других ревматических болезней. Наиболее часто поражаются коленные суставы (около 10 % населения старше 55 лет), при этом у 25 % страдающих гонартрозом развивается выраженная инвалидизация [1].

Современные подходы к лечению остеоартрита предусматривают комбинацию нефармакологических и фармакологических методов [2, 3]. Обязательное условие успешной терапии – проведение образовательных программ с объяснением необходимости нормализации массы тела, оптимизации нагрузок на суставы, двигательной активности, регулярных занятий ЛФК. Если нужно, осуществляется ортопедическая коррекция. С самого начала терапии оправдано назначение безопасных медленнодействующих средств, так называемых хондропротекторов (глюкозамина сульфата, хондроитина сульфата, диацереина). Если все эти мероприятия оказываются неэффективными, то назначается пероральная анальгетическая терапия в зависимости от выраженности симптомов и воспаления [6].

Современные рекомендации Европейской лиги ревматологов, Американской коллегии ревматологов, Ассоциации ревматологов России по терапии остеоартроза наряду с приемом хондропротекторов, включают внутрисуставное введение препаратов гиалуронана.

Молекулы гиалуронана, наравне с коллагеном II типа, входят в состав протеогликанов, являющихся важнейшим компонентом биоматрикса хряща и суставной жидкости и выполняющих lubricative и амортизационные функции.

Показано, что гиалуронан определяет макрогемостаз, т. е. реологические свойства синовиальной жидкости, ответственен за вязкоэластические свойства, влияет на микрогемостаз – свойства самой жидкости, включая регуляцию лимфообразования, диффузию питательных веществ, продуктов обмена. Микрогемостаз – химические свойства – также определяется гиалуронаном. Это и удаление свободных радикалов, защита хондроцитов и синовиоцитов от воздействия катаболических энзимов, химических веществ токсинов, стабилизация клеточных мембран, десенсибилизация

чувствительных рецепторов, саморегулирующаяся среда для нормального синтеза гиалуронана. Эффективность применения препаратов гиалуронана подтверждается рядом метаанализов по результатам клинических рандомизированных исследований [4].

Преимущества внутрисуставного введения гиалуронана: адресное поступление препарата в проблемный сустав, сохранение нужной концентрации препарата в целевом суставе определенное время, быстрый эффект и длительный период действия, безопасность применения.

Обязательное условие безопасности и получения максимального эффекта от терапии гиалуронаном – строго внутрисуставное его введение. Использование ультразвука в качестве визуализирующей методики позволяет оценить ход процедуры, предупредить возникновение осложнений. Проведенные исследования доказывают, что при отсутствии ультразвукового мониторинга до 30 % внутрисуставных пункций заканчиваются неудачно – без эффективной аспирации или с неправильным введением препарата в околосуставные ткани [5]. Кроме того, без ультразвукового сопровождения повышается и риск травмирования сосудисто-нервных образований. Эхография в процессе манипуляции значительно уменьшает вероятность осложнений, так как позволяет достаточно четко дифференцировать изменения структур коленных суставов.

Показания к внутрисуставному введению гиалуронана:

с анальгетической целью у пациентов со II–III стадиями остеоартроза коленных суставов по Kellgren-Lawrence, у которых программа немедикаментозного лечения, включающая мероприятия по снижению массы тела, регулярные занятия лечебной физкультурой, физиотерапевтические методы, местное лечение, образовательные программы и прием медленнодействующих средств, нестероидных противовоспалительных препаратов оказалось неэффективными;

у пациентов с остеоартрозом коленных суставов при наличии противопоказаний к лечению нестероидными противовоспалительными средствами или развитии побочных эффектов при их приеме, требующих отмены препаратов;

для улучшения функции коленных суставов у больных II–III стадиями остеоартроза коленных суставов по Kellgren-Lawrence;

у пожилых пациентов;

для эндопротезирования в слишком молодом возрасте;

при противопоказаниях к эндопротезированию; на поздних стадиях ОА перед эндопротезированием;

при наличии тяжелых сопутствующих заболеваний (диабет, сердечно-сосудистые заболевания и др.)

Общие противопоказания к использованию гиалуронана:

при наличии значительного выпота в коленный сустав (в этих случаях рациональной тактикой является

уменьшение выпота путем применения локальных глюкокортикоидов и последующее введение препаратов гиалуронана с полной эвакуацией синовиальной жидкости перед их введением);

развитии серьезных локальных и/или системных реакций на предшествующее введение препаратов гиалуронана;

подозрении на септический артрит;

подозрении на внутрисуставной или околосуставной перелом (требуется выполнение рентгенографии перед проведением внутрисуставной инъекции);

наличии очагов инфекции на коже или в подкожной клетчатке в области инъекции;

выраженной сопутствующей патологии системы свертывания крови (гемофилии, геморрагические диатезы и другие коагулопатии), а также при проведении антикоагулянтной терапии у пациента;

бактериемии;

отсутствии технических возможностей выполнить внутрисуставную инъекцию (отсутствие стерильной процедурной, отсутствие подготовленного персонала, владеющего навыками артроцентеза).

Обработку операционного поля проводят дезинфицирующим раствором, пригодным для обработки кожных покровов дважды и непосредственно перед инъекцией.

Артроцентез коленного сустава чаще проводится в положении лежа. Пункцируемый коленный сустав находится на подушечке либо валике, что обеспечивает полусогнутое его положение для расширения суставной щели.

Применение местной анестезии при внутрисуставных инъекциях является скорее исключением, чем правилом.

Для пункции коленных суставов используется несколько доступов – верхнелатеральный, медиальный, нижний (через связку надколенника). Если при предварительном ультразвуковом исследовании дополнительный выпот в суставе не определяется, то пункция осуществляется непосредственно шприцем с используемым лекарственным веществом с надетой на него иглой. Движения иглы, все манипуляции в полости коленного сустава регистрируются на экране ультразвукового монитора. В процессе процедур необходимо добиться уверенной визуализации и абсолютного подтверждения нахождения кончика иглы в полости сустава. Игла в структуре сустава лоцируется в виде гиперэхогенного точечного образования при попеременном сканировании, в виде линейного гиперэхогенного образования при продольном сканировании, изменяющих свое местоположение при изменении направления и движении иглы. Введение препарата в полость сустава сопровождается заполнением его полости гиперэхогенным содержимым с турбулентным движением сигналов различной эхогенности.

В завершение процедуры накладывается асептическая повязка на место инъекции. Рекомендуется несколько ограничить повседневную нагрузку на коленные суставы, соблюдать постельный режим не требуется.

Возможные осложнения:

инфицирование сустава;
введение лекарственного вещества периартикулярно;
гемартроз;
травматическое повреждение хряща;
гематома мягких тканей параартикулярных областей.

Нами изучалась эффективность и переносимость введения в коленные суставы под ультразвуковым контролем препаратов гиалуронана, зарегистрированных в Республике Беларусь. Исследование проводилось с января по сентябрь 2013 г.

Вводился 1 % водный раствор гиалуроната натрия стерильный в одноразовых шприцах (20 мг/2 мл) с молекулярной массой 2,93 млн дальтон, а также 1 % водный раствор гиалуроната натрия стерильный в одноразовых шприцах (25 мг 2,5 мл) с молекулярной массой 1,4 млн дальтон.

Для изучения эффективности и переносимости комплексной терапии препаратами гиалуронана в открытое клиническое исследование после предварительно подписанного информированного согласия были включены 20 пациентов (3 мужчин и 17 женщин) в возрасте 54–84 лет. Часть пациентов находилась на стационарном лечении в отделении ревматологии 2-й городской клинической больницы, части процедура выполнялась амбулаторно. Остеоартроз диагностировался в соответствии с критериями ACR (1991). Рентгенологическая стадия артроза оценивалась по Kellgren-Lawrence (II–IV стадии).

Критерии исключения:

наличие синовита коленного сустава;
наличие состояний, требующих ортопедической коррекции: некомпенсированная нестабильность КС, наличие поврежденных внутрисуставных структур, вызывающих динамические биомеханические нарушения;
внутрисуставное введение препаратов гиалуронана в течение 6 месяцев до включения в исследование;

внутрисуставное введение глюкокортикостероидов в течение 2 месяцев до включения в исследование и в период исследования;

наличие противопоказаний для проведения пункции суставов;

индивидуальная непереносимость препарата;
указание на психическое заболевание в анамнезе и в настоящее время;

отсутствие согласия пациента на участие в исследовании.

У обследованных пациентов оценивалась боль по ВАШ (100 мм визуально-аналоговой шкалы) в покое и при ходьбе, определялись функциональная недостаточность суставов (по опроснику WOMAC), индекс Лекена, а также нежелательные явления при проведении терапии. Клинические показатели наблюдались до начала терапии, непосредственно после окончания курса лечения, через 3 месяца после окончания курса введений.

Индекс WOMAC определялся по 3 разделам: выраженность боли в коленном суставе (5 вопросов), ограничение подвижности в суставе (2 вопроса), затруднения в выполнении повседневной деятельности (17 вопросов), которые пациент оценивал в баллах от 0 до 100 (0 баллов – без затруднений, 100 баллов – невозможно). При анализе учитывался суммарный индекс WOMAC (сумма баллов по 3 разделам).

Индекс Лекена (индекс тяжести гонартроза) определялся по 5 показателям, оцениваемым пациентом в баллах от 0 до 6:

степень выраженности боли в течение ночи (отсутствие боли – 0 баллов, боль при движении в суставе – 1 балл, боль в покое – 2 балла);

степень выраженности боли при ходьбе (отсутствие боли – 0 баллов, боль при прохождении определенного расстояния – 1 балл, боль в начале движения – 2 балла);

степень выраженности боли в положении сидя более 2 ч (отсутствие боли – 0 баллов, наличие боли – 1 балл);

продолжительность утренней скованности (отсутствие – 0 баллов, меньше 15 мин – 1 балл, больше 15 мин – 2 балла);

усиление боли в положении стоя в течение 30 мин (отсутствие боли – 0 баллов, наличие боли – 1 балл);

ограничение дистанции ходьбы (нет ограничений – 0 баллов; больше 1000 м, но с трудом – 1 балл; 1000 м – 2 балла; 500–900 м – 3 балла; 300–500 м – 4 балла; 100–300 м – 5 баллов; менее 100 м – 6 баллов).

Кроме клинических методов обследования пациентов, использовался ультразвуковой метод визуализации внутрисуставных структур. Ультразвуковое исследование (УЗИ) выполнялось на ультразвуковом приборе фирмы Medison SonoAce X6 с использованием линейного датчика с частотой 7,5 МГц.

Оценивались следующие показатели:

толщина гиалинового хряща на мыщелках бедренной кости (в стандартных областях – в области патellarного блока и по нагрузочной поверхности медиального мыщелка), его эхоструктура, неровность контура;

наличие выпота в полости сустава.

Ультразвуковыми критериями эффективности проводимой терапии считались: утолщение гиалинового хряща, восстановление однородности его эхоструктуры, отсутствие синовиального выпота в полости сустава.

Препараты вводились внутрисуставно под ультразвуковым контролем 1 раз в неделю от 3 до 5 раз (в зависимости от рентгенологической стадии артроза, выраженности болевого синдрома и функциональных нарушений). По показаниям пациенты в индивидуально подобранных дозировках принимали нестероидные противовоспалительные препараты и физиотерапевтическое лечение.

Результаты исследования. Все пациенты (n = 20) завершили исследование. Осложнений терапии, таких как появление синовиального выпота, повреждение

внутрисуставных структур пункционной иглой, инфекции, побочное действие препарата, ни у одного пациента зарегистрировано не было.

Динамика основных показателей, характеризующих клиническую эффективность препаратов гиалуронана при гонартрозе, представлена в таблице и на рис. 1 и 2.

По результатам проведенной терапии 6 (30 % пациентов) смогли полностью отказаться от НПВП.

Высота гиалинового хряща по нагрузочной поверхности медиального мыщелка бедренной кости статистически достоверно не изменилась ($1,67 \pm 0,774$ мм до начала исследования, $1,779 \pm 0,763$ мм через месяца после окончания курса лечения), количество выпота в полости сустава через 3 месяца после окончания исследования у всех пациентов соответствовало

физиологической норме (верхнебоковой заворот до 3,0 мм).

В результате проведенного исследования можно сделать заключение, что целесообразно включать в схему комплексной терапии препараты гиалуронана, так как доказаны их высокая клиническая эффективность в отношении болевого суставного синдрома, способность быстро уменьшать степень функциональной недостаточности суставов, хорошая переносимость. Однако их широкое применение ограничивают технические трудности, связанные с введением препарата в значительно измененные деформированные суставы. Эту проблему позволяет эффективно решать ультразвуковой мониторинг процедуры, обеспечивающий адресное поступление гиалуронана в полость сустава.

Таблица

Оценка пациентов с гонартрозом по опроснику WOMAC

Значение индекса WOMAC	До начала терапии	Сразу после окончания терапии	Через 2 месяца после окончания терапии
Выраженность боли	$153,25 \pm 40,206$	$63,0 \pm 15,927$, $p \leq 0,001$	$68,25 \pm 16,325$, $p \leq 0,001$
Ограничение подвижности	$54,75 \pm 13,905$	$28,0 \pm 10,563$, $p \leq 0,01$	$28,5 \pm 12,15$, $p \leq 0,001$
Функциональная недостаточность	$580,75 \pm 83,134$	$306,25 \pm 73,303$, $p \leq 0,05$	$317,25 \pm 69,196$, $p \leq 0,01$
WOMAC суммарно	$784,75 \pm 134,521$	$399,25 \pm 93,966$, $p \leq 0,001$	$415,0 \pm 86,724$, $p \leq 0,001$

p – достоверность различий показателей до начала терапии и после лечения.

Рис. 1. Индекс Лекена у пациентов с гонартрозом при внутрисуставной терапии гиалуронатом

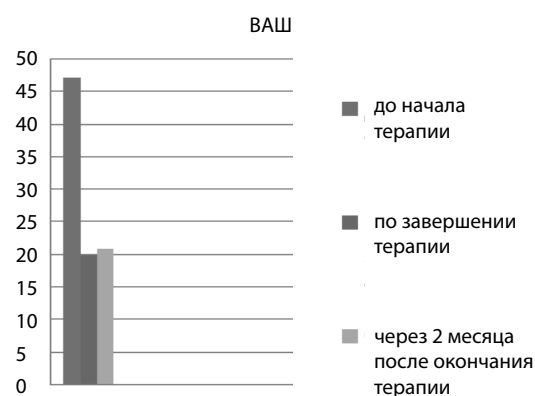

Рис. 2. Динамика индекса ВАШ у пациентов с гонартрозом при внутрисуставной терапии гиалуронатом

ЛИТЕРАТУРА

1. Felson D.T. Epidemiology of hip and knee osteoarthritis // *Epidemiol. Rev.* 1988; 10: 1–28.
2. Алексеева Л.И. Современные представления о диагностике, лечении и профилактике остеоартроза // *РМЖ.* 2000; 8 (9): 377–382.
3. Носкова А.С., Лаврухина А.А. Роль физической активности при остеоартрозе коленных суставов // *Науч.-практич. ревматология.* 2007; 5: 33–40.
4. Viscosupplementation for osteoarthritis of the knee: a systematic review and meta-analysis // *Annals Intern. Med.* 7 Aug. 2012.

5. Ультразвуковое сравнение трех доступов при внутрисуставном введении препаратов в коленный сустав // J. Ultrasound. Med. 2011 Dec.; 30 (12):1669–1676.

6. Comparison of sonographically guided intra-articular injections at 3 different sites of the knee / Y. Park [et al.]. Source Department

of Physical Medicine and Rehabilitation, Kangdong Sacred Heart Hospital, Hallym University College of Medicine, Gil 445, Seoul 134–701, Korea, imdrnam@gmail.com.

7. Рациональная фармакотерапия ревматических заболеваний: рук. для практ. врачей. М.: Литтерра, 2003. Т. III. Гл. 12.

Поступила 05.05.2015

РЕАБИЛИТАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЧЕТАННОГО ПРИМЕНЕНИЯ НОРМОБАРИЧЕСКОЙ ГИПОКСИИ И ОМЕГА-3 ПОЛИНЕНАСЫЩЕННЫХ ЖИРНЫХ КИСЛОТ В КОМПЛЕКСНОМ ЛЕЧЕНИИ ПАЦИЕНТОВ С ИШЕМИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ СЕРДЦА, АССОЦИИРОВАННОЙ С ХРОНИЧЕСКОЙ ОБСТРУКТИВНОЙ БОЛЕЗНЬЮ ЛЕГКИХ

И.И. Семененков¹, М.С. Пристром¹, В.В. Артющик¹, Ю.А. Олихвер², Е.П. Воробьева¹,
Е.М. Банькова², С.В. Сосновский³, С.В. Воробьева²

¹Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

²Республиканский клинический медицинский центр Управления делами Президента Республики Беларусь, Минск

³2-я городская клиническая больница, Минск

Описаны реабилитационные возможности сочетанного применения нормобарической гипоксии и омега-3 полиненасыщенных жирных кислот в лечении пациентов с ишемической болезнью сердца, ассоциированной с хронической обструктивной болезнью легких. Показано преимущество комплексного метода лечения перед обычной медикаментозной терапией.

KEYWORDS

ischemic heart disease associated with chronic obstructive pulmonary disease, omega-3 polyunsaturated fatty acids, normobaric hypoxia

Rehabilitation opportunities of a normobaric hypoxia and omega-3 of polyunsaturated fatty acids at patients by the coronary heart disease associated with a chronic obstructive pulmonary disease are described. Efficiency of a complex method of treatment before usual medicamentous therapy is shown.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ишемическая болезнь сердца, ассоциированная с хронической обструктивной болезнью легких, омега-3 полиненасыщенные жирные кислоты, нормобарическая гипоксия

Медицинская реабилитация, по определению комитета экспертов ВОЗ, представляет собой систему мероприятий медицинского, психологического, социально-экономического характера, направленных на восстановление или сохранение здоровья и возвращение больных и инвалидов в общество к общественно-полезному труду. Она включает комплекс скоординированных мероприятий медицинского, социального, педагогического (обучающего) и профессионального характера, проводимых в целях адаптации пациента к новым условиям жизни и труда при выявлении и использовании его максимальных резервных возможностей.

Комплексная кардиологическая реабилитация (ККР) должна включать следующие элементы:

- оценку клинического состояния больного;
- оптимизацию фармакологического лечения;
- физическую реабилитацию – ступенчатое и контролируемое увеличение физических нагрузок, адаптированных к индивидуальным возможностям человека;

- реабилитацию психосоциальную – развитие психологической адаптации к последствиям болезни;

обучение больных и их родственников; «отслеживание» эффектов ККР.

Применение научно обоснованных реабилитационных программ привело к достоверному снижению смертности в большинстве развитых стран Европы от всех причин на 20 % и от сердечно-сосудистых – на 26 %.

Таким образом, в комплексе реабилитационных мероприятий важная роль отводится формированию адаптационных процессов и мобилизации резервных возможностей организма.

Показано, что одним из воздействий, способных мобилизовать резервные и адаптационные возможности организма, является высокогорная гипоксия. Она приводит к положительным изменениям состояния организма: увеличению объема вдыхаемого воздуха и коэффициента утилизации из него кислорода, повышению мощности системы энергообеспечения миокарда, снижению потребления им кислорода, увеличению сократительной способности миокарда, нормализации липидного и жирно-кислотного состава плазмы крови. При этом многие исследователи отмечают гораздо меньшую распространенность ИБС у жителей высокогорья по сравнению с населением равнин.

Механизм, за счет которого осуществляется терапевтический и профилактический эффект такой адаптации, заключается в том, что при этом возникает активация биосинтеза белков и нуклеиновых кислот, которая приводит к формированию в органах и системах комплекса структурных изменений, так называемого структурного системного следа [6–11].

Один из способов моделирования высокогорной гипоксии – использование барокамеры [1], позволяющей осуществлять управление всеми этапами процесса адаптации. В то же время эта методика требует достаточно сложного технического оборудования, специального помещения большой площади, соответствующего инженерного обслуживания, что ограничивает широкое применение этого метода в практическом здравоохранении.

Преимущества использования нормобарической гипоксии по сравнению с барокамерной связаны с экономичностью и доступностью применения в клинике, отсутствием негативных эффектов перепадов барометрического давления и психологического дискомфорта во время пребывания в замкнутом пространстве. При этом упрощаются возможности контроля за состоянием пациента. Для практической реализации этой методики применяются установки генерирования гипоксической дыхательной газовой смеси – гипоксикаторы. Для их использования не требуется сложного обслуживания и условий, что делает их применение простым и доступным в широкой сети лечебно-профилактических учреждений [2, 17].

По мере формирования адаптационных процессов в организме пациента при использовании метода нормобарической гипоксии уменьшается потребность в лекарственных препаратах, принимаемых в процессе комплексной реабилитации. Это важно не только с позиции фармакоэкономики, но и позволяет снизить вероятность развития осложнений лекарственной терапии, в том числе и медикаментозной аллергии.

Как правило, пациенты начинают сеансы гипокситерапии на фоне медикаментозного лечения и, в зависимости от тяжести и выраженности органического или функционального процесса, многие из них постепенно уменьшают дозы лекарственных средств или переходят на поддерживающий или альтернирующий режимы их приема. Такой феномен часто можно наблюдать при стенокардии напряжения I–II функциональных классов, вазоспастической и микрососудистой стенокардии, гипертонической болезни I–II стадии или вегетативной дисфункции, а также при бронхиальной астме, хроническом обструктивном бронхите, бронхиальной гиперреактивности, бронхиальной астме «физического усилия» [2].

Вместе с тем, несмотря на очевидные достоинства, этот метод в комплексной медицинской реабилитации кардиологических пациентов в системе практического здравоохранения Республики Беларусь применяется, к сожалению, недостаточно широко. В литературе имеется небольшое количество работ,

посвященных использованию в нашей республике метода нормобарической гипоксической терапии для реабилитации лиц с коморбидными кардиореспираторными заболеваниями [14, 15].

Что касается омега-3 полиненасыщенных жирных кислот (ПНЖК), то они обладают рядом свойств, благоприятно влияющих на течение ИБС: уменьшают уровень триглицеридов, липопротеидов низкой и очень низкой плотности, а также увеличивают уровень липопротеидов высокой плотности в плазме крови, способствуют снижению вязкости мембраны кардиомиоцитов и повышению активности всех встроенных в мембрану рецепторов, транспортных и сигнальных систем. При использовании омега-3 ПНЖК идет активация парасимпатической нервной системы, соответственно увеличивается вариабельность сердечного ритма, отмечаются антиаритмический, антиоксидантный и антикоагуляционный эффекты [3, 4, 12, 13].

Антилейкотриеновые свойства омега-3 ПНЖК явились основой для серии работ по изучению эффективности этих препаратов при бронхиальной астме. В частности, установлено, что в результате приема омега-3 ПНЖК у больных экзогенной (атопической) астмой уменьшаются проявления поздней астматической реакции, которая развивается через 6–8 ч после ингаляции антигена [5].

Положительные результаты применения жиров морских рыб у лиц с атопической астмой были получены французскими учеными, назначавшими омега-3 ПНЖК в течение 12 месяцев [19].

В клинических условиях лекарственные средства на основе омега-3 полиненасыщенных жирных кислот обуславливают уменьшение случаев иммунологической недостаточности у пациентов с воспалительными бронхолегочными заболеваниями за счет активации фагоцитарной функции нейтрофильных гранулоцитов и моноцитов. Одно из перспективных направлений их применения в пульмонологии – использование у пациентов с хроническим легочным сердцем, основанное на наличии у омега-3 ПНЖК антиагрегантных, гипокоагуляционных, вазо- и бронходилатирующих свойств [16, 18]. Результаты проведенных исследований свидетельствуют, что эти препараты оказывают положительное влияние на спектр эйкозаноидов в пробах *in vitro* [5] и клинических условиях, имеют выраженное антиагрегантное и гипокоагуляционное действие, способствуют уменьшению легочно-артериального сопротивления у лиц с хроническим легочным сердцем, улучшению их клинического состояния, показателей гемодинамики и вентиляционной функции легких [6].

С учетом однонаправленного действия этих двух факторов представляется целесообразным их сочетание для медицинской реабилитации пациентов с ишемической болезнью сердца, ассоциированной с хронической обструктивной болезнью легких.

Материал и методы. Проведено исследование показателей вариабельности сердечного ритма с помощью программно-аппаратного комплекса «Бриз-М»

и жирно-кислотного спектра крови у 143 пациентов с ишемической болезнью сердца, ассоциированной с хронической обструктивной болезнью легких. 98 пациентам (основная группа) была назначена комплексная терапия, включавшая курсы нормобарической гипоксии и применение лекарственного средства ПНЖК в сочетании с медикаментозным лечением. 45 пациентов (контрольная группа) получали только медикаментозное лечение (антиишемические лекарственные средства (нитраты, антагонисты кальция и β_2 -агонисты – по необходимости). Средний возраст пациентов основной группы – $58,7 \pm 2,1$ года, средняя длительность заболевания – $2,4 \pm 0,3$ года; средний возраст пациентов контрольной группы – $57,1 \pm 1,2$ года, средняя длительность заболевания – $2,2 \pm 0,4$ года.

Курс нормобарической гипоксической терапии (НГТ) состоял из 15 сеансов дыхания гипоксической газовой смесью (ГГС), проводимых ежедневно. На тренировочном этапе в течение первых 4–5 дней содержание кислорода в ГГС ступенчато снижали с 16–17 % до 10–12 %:

- 1-й день – 16–17 %;
- 2-й день – 15–16 %;
- 3-й день – 14–15 %;
- 4-й день – 13–14 %;
- 5-й день – 10–12 %.

После этого состав ГГС не меняли на протяжении всего курса.

Продолжительность каждого сеанса основного этапа (НГТ) – 30 мин непрерывного дыхания ГГС. Курс нормобарической гипоксической терапии включал 12–15 сеансов.

Лекарственное средство Омекорд-МИК® ПНЖК назначалось в количестве не менее 1000 мг (2 капсулы в сутки) на прием внутрь во время приема пищи, длительность приема – не менее 6 месяцев, под контролем печеночных трансаминаз – аспартатаминотрансфераза (АСТ) и аланинаминотрансфераза (АЛТ) – с периодичностью один раз в 3–6 месяцев.

Исследование вариабельности ритма сердца.

Частотные и спектральные характеристики показателей вариабельности сердечного ритма исследовались с помощью программно-аппаратного комплекса «Бриз-М» по методике, разработанной А.В. Фроловым (РНПЦ «Кардиология», Минск). Оценивались следующие частотные характеристики:

NN – количество RR-интервалов синусового происхождения, зафиксированных при записи;

MIN – наименьшая длительность RR-интервала;

MAX – наибольшая длительность RR-интервала;

MED – средняя длительность RR-интервала;

SD – среднее квадратичное отклонение (мс);

МО – мода (мс) – значение RR, соответствующее самому высокому столбцу гистограммы;

АМО – амплитуда моды – доля RR-интервалов, попавших в самый высокий столбец гистограммы;

NN50 – количество пар последовательных RR-интервалов, различающихся более чем на 50 мс за весь период записи;

pNN50 (%) – процент RR50 от общего количества RR; RMSSD (мс) – квадратичный корень суммы квадратов разностей последовательных пар RR-интервалов; TI – триангулярный индекс – $TI = NN/\max D$, где D – максимум распределения RR-интервалов.

Спектральные характеристики:

HF – высокочастотная (0,15–0,4 Гц) – маркер активности парасимпатической системы;

LF – низкочастотная (0,04–0,15 Гц) – маркер активности симпатической системы;

VLF – очень низкочастотная (0,003–0,04 Гц).

В качестве диагностического критерия симпатовагусного баланса использовалось отношение LF/HF.

Исследование спектра жирных кислот. Спектр жирных кислот в плазме крови определялся методом газовой хроматографии.

С помощью данной методики определялись следующие жирные кислоты в плазме крови: миристиновая (C14:0), пентадекановая (C15:0), пальмитиновая (C16:0), пальмитолеиновая (C16:1), гептадекановая (C17:0), цис-10-гептадекановая (C17:1), стеариновая (C18:0), элаидиновая (C18:1n9t), олеиновая (C18:1n9c), ленолелаидиновая (C18:2n6t), линолеиновая (C18:2n6c), арахидиновая (C20:0), γ -линоленовая (C18:3n6), цис-11-эйкозановая (C20:1), ген-эйкозановая (C21:0), цис-11,14-эйкозодиеновая (C20:2), цис-8,11,14-эйкозатриеновая (C20:3n6), цис-11,14,17-эйкозатриеновая (C20:3n3), трикозановая (C23:0), цис-13,16-докозодиеновая (C22:2), лигноцеровая (C24:0), цис-5,8,11,14,17-эйкозопентаеновая (C20:5n3). Определения проводились с точностью до 10^{-2} мг/мл.

Статистическая обработка результатов выполнялась с использованием программ Microsoft Excel, Statistica 6.0, «Биостат». Оценка параметрических данных проводилась с помощью критерия Стьюдента, за критерий достоверности принят показатель $p < 0,05$. Сравнение непараметрических данных осуществлялось с использованием критерия Вилкоксона (T) и χ^2 .

Результаты и обсуждение. Показатели вариабельности сердечного ритма пациентов основной и контрольной групп в процессе лечения представлены в табл. 1.

Из приведенных в табл. 1 данных видно, что в процессе комплексного лечения у пациентов основной группы отмечались достоверные изменения показателей вариабельности сердечного ритма: увеличение NN50 ($17,10 \pm 3,50$ и $37,50 \pm 5,10$ соответственно, $p < 0,05$), МО ($828,00 \pm 14,80$ и $895,70 \pm 19,80$ соответственно, $p < 0,05$), парасимпатических влияний HF ($36,40 \pm 2,10$ и $43,60 \pm 1,30$ соответственно, $p < 0,05$), а также нормализация симпатовагусного индекса LF/HF ($0,74 \pm 0,03$ и $0,57 \pm 0,02$ соответственно, $p < 0,05$). У пациентов контрольной группы статистически достоверных изменений показателей ВСР в процессе лечения выявлено не было.

При исследовании жирно-кислотного состава плазмы крови у пациентов основной группы наблюдалось статистически достоверное снижение концентрации насыщенных жирных кислот (C14:0, C15:0,

C16:0, C17:0, C18:0, C20:0, C21:0, C23:0 ($p < 0,05$)), а также статистически достоверное увеличение концентрации в плазме крови ненасыщенных жирных кислот (C16:1, C17:1, C18:1n9t, C20:1, C18:2n6c, C22:2, C20:3n6, C20:5n3 ($p < 0,05$)). У пациентов контрольной группы

в процессе лечения выявлено статистически достоверное увеличение C18:0 и снижение C16:0, C18:1n9t, C18:2n6t, C20:1. Остальные исследуемые показатели основной и контрольной групп были статистически недостоверны (табл. 2).

Таблица 1

Вариабельность сердечного ритма у пациентов с ишемической болезнью сердца, ассоциированной с хронической обструктивной болезнью легких, в процессе лечения ($X \pm m$) (Т)

Показатели	Основная группа (n = 98)		Контрольная группа (n = 45)	
	до лечения	после лечения	до лечения	после лечения
SDNN, мс	32,50 ± 2,70	42,60 ± 4,50	33,80 ± 3,90	34,59 ± 4,00
RMSSD, мс	31,80 ± 3,30	38,00 ± 5,50	31,60 ± 6,10	34,40 ± 5,10
NN50	17,10 ± 3,50	37,50 ± 5,10*	17,20 ± 5,70	18,20 ± 5,10
MO, мс	828,00 ± 14,80	895,70 ± 19,80*	823,70 ± 25,30	827,60 ± 58,70
AMO, %	36,30 ± 1,70	34,10 ± 1,70	34,60 ± 4,30	33,80 ± 4,10
TI	6,70 ± 0,40	7,20 ± 0,30	6,50 ± 0,30	6,70 ± 0,70
HF, %	36,40 ± 2,10	43,60 ± 1,30*	41,50 ± 1,60	42,60 ± 1,70
LF, %	26,90 ± 1,00	25,30 ± 0,40	24,30 ± 0,90	23,40 ± 1,60
LF/HF	0,74 ± 0,03	0,57 ± 0,02*	0,58 ± 0,01	0,54 ± 0,02

(Т)* $p < 0,05$ – изменения исследуемых показателей до и после лечения.

Таблица 2

Жирно-кислотный состав крови пациентов с ишемической болезнью сердца, ассоциированной с хронической обструктивной болезнью легких, в процессе лечения (10^{-2} мг/мл) ($X \pm m$) (Т)

Жирные кислоты	Основная группа (n = 98)		Контрольная группа (n = 45)	
	до лечения	после лечения	до лечения	после лечения
C14:0	8,9 ± 2,4	5,9 ± 0,1 (9)*	8,9 ± 1,1	9,5 ± 2,0
C15:0	4,4 ± 0,2	3,0 ± 0,4 (2)*	4,7 ± 0,3	4,2 ± 1,0
C16:0	56,1 ± 3,8	34,8 ± 3,2 (0)*	54,9 ± 4,4	47 ± 1,3 (2)*
C16:1	22,9 ± 2,9	29,9 ± 3,1 (2)*	21,5 ± 2,7	19,6 ± 2,2
C17:0	4,6 ± 0,8	3 ± 0,6 (3)*	4,7 ± 0,4	4,6 ± 0,9
C17:1	3,2 ± 0,1	4,2 ± 0,3 (1)*	3,3 ± 0,3	2,7 ± 0,3
C18:0	24,2 ± 2,3	17,8 ± 1,4 (2)*	22,9 ± 2,1	30,0 ± 2,4 (2)*
C18:1n9t	39,3 ± 3,2	46,9 ± 1,9 (9)*	39,4 ± 1,1	32,7 ± 1,7 (4)*
C18:1n9c	39,9 ± 4,2	60,1 ± 4,3	38,9 ± 2,5	40,5 ± 4,3
C18:2n6t	4,0 ± 0,2	4,8 ± 0,1	3,9 ± 0,4	2,5 ± 0,4(8)*
C18:2n6c	3,8 ± 0,4	4,7 ± 0,1 (3)*	3,5 ± 0,1	3,9 ± 0,2
C20:0	0,7 ± 0,1	0,3 ± 0,1 (3)*	0,7 ± 0,1	0,6 ± 0,1
C18:3n6	2,8 ± 0,1	3,2 ± 0,1	2,9 ± 0,2	2,2 ± 0,3
C20:1	2,2 ± 0,1	2,8 ± 0,1 (6,5)*	2,5 ± 0,1	1,6 ± 0,1 (1,5)*
C21:0	5,8 ± 0,3	3,8 ± 0,1 (6)*	5,8 ± 0,7	6,6 ± 0,6
C20:2	11,7 ± 1,6	17,5 ± 1,0	12,6 ± 1,3	19,0 ± 1,4
C20:3n6	0,8 ± 0,1	1,4 ± 0,1 (8,5)*	0,9 ± 0,1	1,0 ± 0,1
C23:0	0,9 ± 0,1	0,5 ± 0,1 (4)*	1,1 ± 0,1	0,9 ± 0,2
C22:2	29,4 ± 3,8	34,3 ± 3,2 (8)*	30,6 ± 0,2	34,1 ± 0,4
C20:5n3	5,8 ± 0,6	7,7 ± 0,5 (6)*	5,8 ± 0,3	6,5 ± 0,6

(Т)* $p < 0,05$ – изменения исследуемых показателей до и после лечения.

Для оценки эффекта последствия комбинированной терапии нами проанализированы следующие клинические характеристики исследуемых пациентов: количество обострений ишемической болезни сердца и хронической обструктивной болезни легких, количество госпитализаций по поводу ухудшения своего самочувствия за последние 3 месяца после прохождения комплексного лечения, включающего курс нормобарической гипоксии и приема лекарственного средства Омекорд-МИК®.

Установлено, что после прохождения комплексного лечения отмечается статистически достоверное снижение количества обострений указанных заболеваний и связанных с ними эпизодов госпитализаций на фоне продолжающейся медикаментозной терапии

в основной группе ($n = 98$) по сравнению с группой контроля ($n = 45$). В основной группе за 3 месяца после прекращения лечения у 18 пациентов были зарегистрированы обострения, в группе контроля – у 26 ($\chi^2 = 9,759$, $p = 0,002$). Из 18 человек основной группы в госпитализации нуждались 2, а в группе контроля – 17 из 26 пациентов ($\chi^2 = 3,916$, $p = 0,048$).

Из приведенных данных видно, что за 3-месячный период статистически достоверно снизилось количество обострений заболеваний и связанных с ними эпизодов госпитализаций у пациентов основной группы по сравнению с группой контроля. Следовательно, комплексное лечение, включающее курс нормобарической гипоксии и прием препарата ПНЖК, на порядок эффективнее обычной медикаментозной терапии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гипоксия: адаптация, патогенез, клиника / под ред. Ю.Л. Шевченко. СПб., 2000. 384 с.
2. Горанчук В.В., Сапова Н.И., Иванов А.О. Гипокситерапия. СПб.: Элби-СПб, 2003. 536 с.
3. Другова К.С. Реакция кардиореспираторной системы на интервальную нормобарическую гипоксическую тренировку: дис. ... канд. мед. наук. СПб., 1998. 152 с.
4. Карпов Ю.А. Профилактика осложнений после перенесенного инфаркта миокарда: роль омега-3 полиненасыщенных жирных кислот // Сердце. 2005; 4 (5): 12–15.
5. Масуев К.А. Влияние полиненасыщенных жирных кислот омега-3 класса на позднюю фазу аллергической реакции у больных бронхиальной астмой // Тер. архив. 1997; 3: 31–33.
6. Меерсон Ф.З. Общий механизм адаптации и профилактики. М., 1973. 359 с.
7. Адаптация к периодической гипоксии в терапии и профилактике / Ф.З. Меерсон [и др.]. М.: Наука, 1989. 70 с.
8. Меерсон Ф.З. Патогенез и предупреждение стрессорных и ишемических повреждений сердца. М.: Медицина, 1984. 269 с.
9. Меерсон Ф.З., Устинова Е.Е. Реабилитационный эффект адаптации к гипоксии при экспериментальном постинфарктном кардиосклерозе // Кардиология. 1987; 3: 85–89.
10. Меерсон Ф.З. Адаптация, стресс и профилактика. М.: Наука, 1981. 80 с.
11. Меерсон Ф.З. Адаптация к периодической гипоксии: механизмы и защитные эффекты // Нур. Мед. J. 1993; 1 (3): 2–7.
12. Омега-3 ПНЖК, новый лекарственный препарат Теком / под ред Ю.И. Феценко и В.К. Гаврисюка. Киев, 1996. 124 с.
13. Перспективы применения омега-3 полиненасыщенных жирных кислот в медицине / В.К. Гаврисюк [и др.] // Фарм. вісн. 1999; 3: 39–41.
14. Тиньков А.Н., Денисова Н.С. Антиаритмический эффект адаптации к периодической барокамерной гипоксии при лечении больных ишемической болезнью сердца // Баротерапия в комплексном лечении реабилитации раненых больных и пораженных: материалы докл. 5 Всеарм. науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб., 2003. С. 95–96.
15. Цветкова А.М., Ткачук Е.Н. Применение адаптационной концепции в практической медицине: интервальная гипоксическая тренировка // Нур. Мед. J. 2005; 13 (1–2): 2–9.
16. Особенности состава полиненасыщенных жирных кислот плазмы крови и слюны при разных клинических формах ишемической болезни сердца / М.А. Шаленкова [и др.] // Клин. лаб. диагностика. 2005; 10: 40.
17. Явелов И.С. Вариабельность ритма сердца при сердечно-сосудистых заболеваниях: взгляд клинициста // Сердце. 2006; 5 (1): 29–31.
18. Charnock J.S. Antiarrhythmic effects of fish oils // World Rev. Nutr. Diet. 1991; 66: 278–291.
19. Dry J., Vincent D. Effects of fish oil diet on asthma: Results of one year double-blind study // Int. Arch. Allergy Appl. Immunol. 1991; 95: 156–157.

Поступила 20.04.2015

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ПАЦИЕНТОВ С ИШЕМИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ СЕРДЦА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ГИПОБАРОТЕРАПИИ В СОЧЕТАНИИ С АТОРВАСТАТИНОМ

Е.П. Воробьева, И.Е. Атрощенко, И.И. Семененков, Е.М. Банькова, С.Н. Прусевич

Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

Изложены современные подходы к изучению качества жизни пациентов с ишемической болезнью сердца. На основе полученных результатов показано, что комплексное лечение аторвастатином в комбинации с гипобаротерапией способствует улучшению качества жизни данной категории лиц.

KEYWORDS

ischemic heart disease,
quality of life,
atorvastatin,
hypobarotherapy

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ишемическая болезнь сердца,
качество жизни,
аторвастатин,
гипобаротерапия

The article describes the modern approaches for studying the quality of life of patients with ischemic heart disease. On the basis of the obtained results, it has been shown that administration complex treatment using the combined therapy with atorvastatin and hypobarotherapy contributes to improving the quality of life of this patients.

В последние годы становится все более актуальным определение показателей качества жизни (КЖ) пациентов с хроническими заболеваниями [7]. Помимо определения традиционных биомедицинских показателей, одним из новых критериев эффективности медицинской помощи, с точки зрения самого больного, является качество жизни. По определению ВОЗ, качество жизни – это характеристика физического, эмоционального и социального функционирования человека, основанная на его субъективном восприятии [1, 4, 7].

Качество жизни – интегральный показатель, включающий физическое, социальное и психоэмоциональное благополучие пациента и отражающий его физические, социальные, познавательные и сексуальные способности. Ближайшая задача при оценке качества жизни – устранение болевого синдрома, изменение двигательной активности, психоэмоционального статуса и т. п., долгосрочная – влияние на выживаемость пациентов и частоту госпитализаций.

Качество жизни многих пациентов со стабильной стенокардией низкое в связи со значительными ограничениями в повседневной жизни из-за возникающих приступов стенокардии. Основным методом оценки показателей качества жизни, отражающих выполнение ближайших задач, является анкетирование, базирующееся на ощущениях пациента (опросники самооценки своего здоровья, функциональных возможностей, степени общего благополучия, выраженной в баллах либо специальных шкалах и индексах). Поэтому оценка КЖ должна включать характеристику социально-медицинского статуса: активность в повседневной работе, работоспособность, способность выполнять социальную роль, интеллектуальную способность, эмоциональную удовлетворенность. Применение оценки КЖ в кардиологии

позволяет проводить анализ эффективности терапии и реабилитационных мероприятий, обеспечивать мониторинг. По данным ряда исследователей, качество жизни пациентов с ИБС со значительными ограничениями в повседневной жизни снижается главным образом из-за возникающих ангинозных приступов [2, 3].

Для определения качества жизни применялась российская версия опросника SF-36, состоящего из 36 вопросов, сгруппированных в 8 шкал [5]. Шкалы физического функционирования (ФФ), ролевого физического функционирования (РФФ), интенсивности болевого синдрома (Б) и общего здоровья (ОЗ) характеризовали физический компонент здоровья. Психосоциальную сферу описывали шкалы жизнеспособности (ЖС), социального функционирования (СФ), ролевого эмоционального функционирования (РЭФ), психического здоровья (ПЗ). Показатели каждой шкалы варьируют между 0 и 100, где 100 представляет полное здоровье. Все шкалы формируют два показателя: душевное и физическое благополучие. Результаты представлялись в виде оценок в баллах по 8 шкалам, составленных таким образом, что более высокая оценка указывает на более высокий уровень КЖ.

В процессе выполнения работы обследовано 68 человек, из них 53 – с ИБС со стенокардией напряжения ФК II и 15 практически здоровых лиц, соответствующих по половым и возрастным характеристикам пациентам. Наблюдавшиеся лица контрольной группы являлись соматически здоровыми, у них отсутствовали в анамнезе указания и признаки ИБС, артериальной гипертензии.

Верификацию диагноза проводили с помощью клинико-инструментальных и лабораторных исследований. Диагноз ИБС, функциональный класс стенокардии по классификации Канадской ассоциации

кардиологов верифицированы на основании данных анамнеза, клиники, а также результатов инструментальных методов исследования, включавших ЭКГ, ВЭП [6].

Опрошенные пациенты с ИБС со стенокардией напряжения ФК II были разделены на две группы в зависимости от метода лечения.

В 1-й группе пациентам с ИБС со СН ФК II в количестве 35 человек, наряду со стандартной медикаментозной терапией, включающей β -адреноблокаторы, нитраты, кардиомагнил, назначался аторвастатин в начальной дозе 10 мг 1 раз в сутки.

Во 2-й группе пациентам в количестве 18 человек, наряду со стандартной медикаментозной терапией, с 1-х суток курса гипобаротерапии назначался аторвастатин в дозе 10 мг. Назначение аторвастатина в указанной дозе продолжалось и после окончания сеансов гипобаротерапии. Гипобаротерапия проводилась с экспозицией 60 мин в течение 7–10 сеансов в стационарной барокамере, в которой уменьшение содержания кислорода во вдыхаемом воздухе создается за счет снижения барометрического давления («подъема» на высоту). Назначался следующий режим в соответствии с принятой методикой проведения гипобаротерапии для пациентов с ИБС:

1-е сутки – высота подъема 1500 м над уровнем моря;

2-е сутки – высота подъема 2000 м над уровнем моря;

3-и сутки – высота подъема 2500 м над уровнем моря;

4-е сутки – высота подъема 3000 м над уровнем моря;

5-е сутки – «лечебная» высота 3500 м над уровнем моря;

6-е–10-е сутки – «лечебная» высота 3500 м над уровнем моря.

Подъем осуществлялся со скоростью 5–7 м/с, спуск – со скоростью 2–3 м/с [1].

Результаты оценки качества жизни представлены как М (SD) в таблице.

Как видно из таблицы, статистически значимыми являются различия по 7 шкалам качества жизни, по 8-й шкале достоверных различий не обнаружено.

Установлено, что наименьший уровень КЖ в изучаемых группах наблюдается по таким шкалам, как физическое функционирование (PF), интенсивность боли (BP), общее состояние здоровья (GH) и жизненная активность (VT). Таким образом, КЖ пациентов с ИБС (стабильной стенокардией напряжения II ФК) имеет низкий уровень по всем шкалам анкеты SF-36 (не превышающий 56,3 %), за исключением шкалы психического здоровья, что обусловлено негативным влиянием симптомов заболевания на разные стороны жизнедеятельности пациентов.

В ходе исследования нами проведена оценка КЖ пациентов с ИБС, принимавших аторвастатин в течение 6 месяцев.

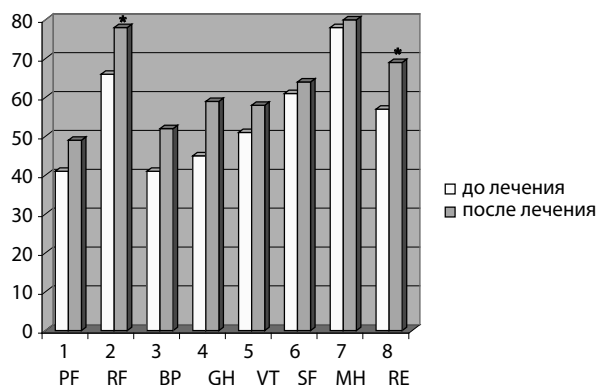
Показатели КЖ пациентов с ИБС в процессе лечения аторвастатином представлены на рис. 1.

Отмечено достоверное увеличение показателей как физического, так и психологического компонента здоровья.

В ходе исследования нами проведена оценка КЖ пациентов с ИБС, принимавших аторвастатин в сочетании с гипобаротерапией, через 6 месяцев после окончания курса лечения.

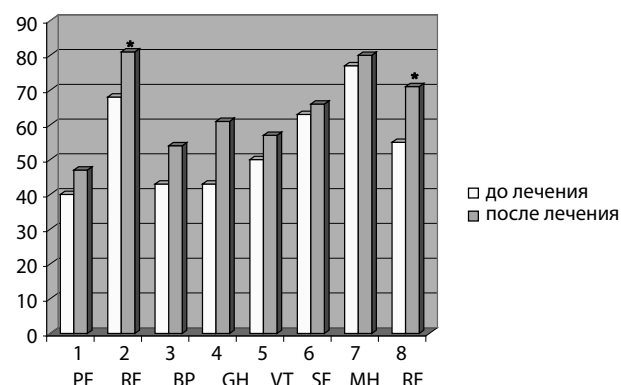
Показатели КЖ пациентов с ИБС в процессе лечения аторвастатином в сочетании с гипобаротерапией представлены на рис. 2.

На фоне проводимой терапии в сочетании с аторвастатином на протяжении 6 месяцев отмечалось улучшение показателей качества жизни пациентов с ИБС. При этом наиболее выраженные изменения были зафиксированы у пациентов, получавших комбинированное лечение аторвастатином в сочетании с гипобаротерапией, по шкалам ролевого физического и эмоционального функционирования, которые, как свидетельствуют данные литературы, являются наиболее чувствительными в отражении динамики «внутренней картины болезни» при ССЗ [5].

*Достоверность различий показателей до и после лечения ($p < 0,05$)

Рис. 1. Динамика показателей КЖ пациентов с ИБС в 1-й группе до и после лечения

*Достоверность различий показателей до и после лечения ($p < 0,05$)

Рис. 2. Динамика показателей КЖ пациентов с ИБС во 2-й группе до и после лечения

Оценка различий качества жизни пациентов с ИБС 1-й и 2-й групп и лиц контрольной группы

Группы	n	Шкалы КЖ							
		PF	RP	BP	GH	VT	SF	MH	RE
1-я	35	41,78 ± 5,67*	66,14 ± 11,23*	41,12 ± 4,85*	45,47 ± 6,36*	51,64 ± 3,54*	61,52 ± 7,36*	78,18 ± 8,14	57,12 ± 11,37*
2-я	18	40,18 ± 4,34*	68,23 ± 9,14*	43,44 ± 3,16*	43,12 ± 7,23*	50,45 ± 2,56*	63,34 ± 6,32*	77,12 ± 9,21	55,17 ± 9,45*
Контрольная	15	90,53 ± 6,98	80,35 ± 5,67	77,03 ± 3,94	70,71 ± 9,67	70,07 ± 8,17	79,91 ± 9,64	86,91 ± 2,17	77,57 ± 4,47

*Достоверность различий показателей между группами (p < 0,05).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гельцер Б.И., Фрисман М.В. Современные подходы к оценке качества жизни кардиологических больных // Клин. медицина. 2002; 9: 4–9.
2. Гуревич М.А. Хроническая ишемическая (коронарная) болезнь сердца: рук. для врачей. М.: Практ. медицина, 2006. 335 с.
3. Карпов Ю.А., Сорокин Е.В. Стабильная ишемическая болезнь сердца: стратегия и тактика лечения. М.: Реафарм, 2003. 243 с.
4. Коц Я.И., Либис Р.А. Качество жизни у больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями // Кардиология. 1993; 5: 66–72.
5. Новик А.А., Ионова Т.И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс, 2002. 315 с.
6. Оганов Р.Г., Масленникова Г.Я. Профилактика сердечно-сосудистых заболеваний – реальный путь улучшения демографической ситуации в России // Кардиология. 2007; 1: 4–7.
7. Hilleman D.E., Seyedroubari A. Atorvastatin: a potent new HMG – CoA reductase inhibitor // CVR&R. 2010, May; 32–48.

Поступила 20.04.2015

ЧАСТОТА И СТРУКТУРА ИЗМЕНЕНИЙ КОСТНОЙ СИСТЕМЫ У ПАЦИЕНТОВ С ПОВЫШЕННОЙ ФУНКЦИЕЙ ЩИТОВИДНОЙ ЖЕЛЕЗЫ

И.В. Панькив

Институт геронтологии имени Д.Ф. Чеботарева Национальной академии медицинских наук Украины, Киев

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

тиреотоксикоз, минеральная плотность костной ткани, остеопороз, остеопения

У пациентов с повышенной функцией щитовидной железы показатели минеральной плотности костной ткани достоверно ниже, а частота остеопороза и остеопении – выше по сравнению с популяционными показателями лиц соответствующего возраста. Показано выраженное неблагоприятное влияние повышенного уровня тиреоидных гормонов на минеральную плотность костной ткани. При анализе маркеров костного метаболизма выявлено ускорение костной резорбции. Установлена корреляционная связь повышенного уровня свободного тироксина с маркерами костного обмена и минеральной плотностью костной ткани. Длительность тиреотоксикоза имела отрицательную корреляцию с минеральной плотностью костной ткани. При декомпенсации тиреотоксикоза наблюдается ускорение костного обмена, что подтверждается выявленной корреляцией между уровнем свободного тироксина и содержанием β-терминальных телопептидов коллагена I типа.

KEYWORDS

thyrotoxicosis, bone mineral density, osteoporosis, osteopenia

It was set authors, that in patients with thyrotoxicosis syndrome indexes of bone mineral density decreased, and frequency of osteoporosis and osteopenia was higher as compared to population indexes in persons of corresponding age. The expressed unfavorable influence of thyroid hormones high level is set on bone mineral density. Analysis of bone metabolism markers showed the acceleration of bone resorption. There were significant correlation between free thyroxine high level and the markers of bone mineral density. Duration of thyrotoxicosis syndrome had negative correlation with indexes of bone mineral density. During thyrotoxicosis decompensation there is an acceleration of bone exchange, that confirmed by the significant correlation between the free thyroxine level and C-terminal peptide.

Согласно современной классификации остеопороза по этиологическому и патогенетическому принципу, синдром тиреотоксикоза относится к заболева-

ниям, приводящим к вторичному остеопорозу [1, 2]. В высокой концентрации гормоны щитовидной железы (ЩЖ) связываются со своим рецептором в ядре

остеобластов, ускоряют костный метаболизм и увеличивают костную резорбцию [2]. В отдельных экспериментальных исследованиях обнаружена экспрессия рецепторов к тиреотропному гормону (ТТГ) на остеобластах и остеокластах животных и культурах костных клеток человека [3]. Так, в исследовании E. Abe et al. [4] у грызунов, полностью лишенных рецепторов к ТТГ, отмечалось уменьшение массы тела, массы и длины костей. Введение трийодтиронина (T_3) и тироксина (T_4) приводило к нормализации массы тела, но не массы и длины костей. Эти эксперименты предполагают возможность влияния ТТГ независимо от гормонов ЩЖ на метаболизм костной ткани.

В других исследованиях показано, что низкий уровень ТТГ ассоциируется со сниженными показателями минеральной плотности костной ткани (МПКТ) у женщин в менопаузе [6]. С другой стороны, в проспективном когортном исследовании [7] не выявлено связи между снижением уровня ТТГ и скоростью потери массы кости у пожилых женщин. Противоречивость данных может быть обусловлена различным патогенезом снижения уровня ТТГ: на фоне супрессивной тиреоидной терапии, функциональной автономии ЩЖ или тиреостатической терапии у пациентов с высоким титром антител.

Кроме того, литературные данные противоречивы и не отражают частоты и характера костных поражений у пациентов с повышенной функцией ЩЖ с учетом степени тяжести заболевания, длительности болезни, возрастных и половых особенностей. Учитывая распространенность синдрома тиреотоксикоза, представляет интерес изучение состояния костной системы у таких лиц.

Цель исследования – изучить частоту и структуру поражения костной системы у пациентов с повышенной функцией щитовидной железы в возрастном и половом аспектах, а также выяснить особенности клинического течения остеопороза с учетом тяжести и длительности заболевания.

Материал и методы. Под наблюдением находились 65 больных с тиреотоксикозом в возрасте от 22 до 67 лет (средний возраст $38,4 \pm 0,8$ года), в том числе 50 женщин в возрасте от 22 до 67 лет (средний возраст $38,1 \pm 0,9$ года) и 15 мужчин в возрасте от 28 до 59 лет (средний возраст $39,7 \pm 1,1$ года). Из числа обследованных женщин 37 – с сохраненной менструальной функцией, 13 – постменопаузального периода. Контрольную группу составили 20 лиц в возрасте от 23 до 62 лет (средний возраст $41,7 \pm 1,3$ года), из них 14 женщин (6 – с сохраненной менструальной функцией, 8 – постменопаузального периода) и 6 мужчин указанного возрастного диапазона.

Диагноз синдрома тиреотоксикоза устанавливался при наличии характерной клинической симптоматики, достоверном снижении уровня ТТГ и повышении уровня свободного T_4 и свободного T_3 . Группы обследованных с тиреотоксикозом составили пациенты с диффузным токсическим зобом (ДТЗ) – 30 (46,2 %), смешанным токсическим зобом – 28 (43,1 %),

7 – многоузловым токсическим зобом (10,7 %). Оценивались антропометрические данные – рост, вес, индекс массы тела (ИМТ). В основной и контрольной группах исключались случаи вторичного остеопороза, обусловленного сопутствующей патологией или приемом лекарственных препаратов, влияющих на метаболизм костной ткани. Для выполнения задач исследования больные с нарушениями функции ЩЖ были разделены на несколько групп. Учитывая, что МПКТ зависит не только от пола и возраста, но и от состояния репродуктивной функции, нами изучено состояние МПКТ отдельно у пациенток с сохраненным менструальным циклом и у женщин в постменопаузе.

Определение МПКТ проводили методом двухфотонной рентгеновской костной денситометрии с помощью рентгеновского денситометра Lunar Prodigy Primo фирмы General Electric (США). Метод обеспечивает максимальную скорость и точность измерений. Время измерения – 2–10 мин, точность – 0,5–2 %, или $0,012\text{--}0,3 \text{ г/см}^2$. Доза радиационной нагрузки при сканировании всего позвоночника составляет 3 мбэр, что в 5 раз ниже дозы облучения при обычной рентгенографии.

С помощью прибора изучали следующие параметры: BMD (bone mineral density) – минеральную плотность губчатой ткани – отдельно каждого позвонка поясничного отдела позвоночника – L1, L2, L3, L4, а также всего промежутка L1–L4 с межпозвонковыми щелями с точностью до $0,03 \text{ г/см}^2$. Кроме того, изучали относительные показатели: T (peak bone mass) относительно здоровых молодых людей в единицах отклонения SD (standart deviations) и показатели в процентах от уровня здоровых молодых людей (young adult). Согласно рекомендациям рабочей группы ВОЗ по обследованию и лечению больных остеопорозом, диагностику остеопороза производили, основываясь на T-масштабе: в пределах нормы находятся значения, которые отличаются менее чем на $\pm 1 \text{ SD}$, значения в пределах от $\pm 1 \text{ SD}$ до $\pm 2,5 \text{ SD}$ классифицируются как остеопения, значения меньше $-2,5 \text{ SD}$ считали остеопорозом, а свыше $+2,5 \text{ SD}$ – остеосклерозом.

Биохимический анализ крови (общий и ионизированный кальций, фосфор, щелочная фосфатаза) выполнялся на биохимическом анализаторе стандартными наборами. Определение уровня биохимического маркера β -терминального телопептида коллагена I типа (β -CTx) производилось иммуноферментным методом в лаборатории отдела клинической физиологии и патологии опорно-двигательного аппарата Института геронтологии имени Д.Ф. Чеботарева Национальной академии медицинских наук Украины.

Статистическую обработку результатов проводили с использованием параметрической и непараметрической статистики. Методы описательной статистики включали среднюю арифметическую величину (M), среднее квадратическое отклонение (σ) и среднюю ошибку средней величины (m). Достоверность различий между средними величинами параметров определяли с помощью t-критерия Стьюдента.

Корреляционный анализ проводили с использованием непараметрического критерия Спирмана. Степень взаимосвязи трактовалась как слабая при значениях r от 0 до 0,29, средняя – от 0,3 до 0,69, сильная – от 0,7 до 1,0. Определялся Т-критерий (сравнение с пиковыми значениями МПКТ лиц молодого возраста, выраженное в стандартном отклонении – SD) и процентное отклонение от стандарта. Оценивался Z-критерий, который характеризовал отклонение МПКТ от показателей лиц того же пола и возраста (в SD).

Результаты и обсуждение. Среди 65 пациентов с повышенной тиреоидной функцией остеопороз в одной из двух основных локализаций – поясничный отдел позвоночника (L1–L4) и проксимальный отдел бедренной кости (Dual Femur Total) – выявлен у 4 (6,2 %), остеопения – у 29 (44,6 %). В целом снижение МПКТ имело место у 33 (50,8 %) пациентов. Проявления остеопороза одновременно в двух областях не были обнаружены, при этом остеопения в указанных областях выявлена у 11 (16,9 %) пациентов. В контрольной группе всех возрастных категорий мужчин и женщин остеопороз не был диагностирован, а остеопения обнаружена у 3 (15,0 %), что статистически значимо ниже, чем у пациентов с тиреотоксикозом.

Количественные показатели МПКТ во всех областях измерения были статистически значимо ниже у пациентов с тиреотоксикозом по сравнению с показателями в контрольной группе (табл. 1). Распределение МПКТ по зонам сканирования у обследованных больных соответствует характеру распределения МПКТ у лиц контрольной группы.

Процент снижения МПКТ у обследованных пациентов с повышенной функцией ЩЖ по сравнению с лицами контрольной группы составил в позвоночнике – 5,6 %, проксимальном отделе бедренной кости справа – 13,8 % и слева – 11,2 %.

Значения Т-критерия, показывающие отклонения от значений плотности костной ткани лиц молодого возраста, у пациентов с тиреотоксикозом находились в пределах: в позвоночнике от –3,2 до 2,5 SD, проксимальном отделе бедренной кости справа от –2,7 до 1,6 SD, слева – от –2,8 до 1,6 SD, составив в среднем от –0,4 до –0,5 SD соответственно. В контрольной группе средние показатели Т-критерия – 0,5 и 0,4 соответственно ($p < 0,05$).

Значения Z-критерия (возрастная норма МПКТ) у пациентов с тиреотоксикозом колебались в позвоннике от –2,9 до 2,5 SD, проксимальном отделе бедренной кости справа от –2,7 до 1,9 SD, слева – от –2,6 до 1,7 SD, составив в среднем –0,26 и –0,38 SD соответственно. В контрольной группе средние показатели Z-критерия – 0,5 и 0,4 соответственно ($p < 0,05$).

Проведенный корреляционный анализ показал статистически значимую отрицательную связь между МПКТ и возрастом пациентов ($r = -0,42$; $p < 0,05$), а также слабую корреляционную связь с длительностью тиреотоксикоза ($r = -0,18$; $p < 0,05$) и тяжестью заболевания ($r = -0,18$; $p < 0,05$). Положительная корреляционная связь обнаружена между МПКТ и ростом ($r = 0,27$; $p < 0,05$), весом ($r = 0,29$; $p < 0,05$), а также между уровнем свободного T_4 и МПКТ ($r = 0,19$).

Учитывая, что МПКТ достоверно снижается после менопаузы, которая является одним из основных факторов риска развития остеопороза, нами проведено сравнение МПКТ у женщин с сохраненной менструальной функцией, страдающих тиреотоксикозом, и у пациенток в постменопаузе. У женщин с сохраненной менструальной функцией остеопороз диагностирован не был, остеопения выявлена у 13 (35,1 %) обследованных. У больных женщин в постменопаузном периоде остеопороз установлен у 2 (15,4 %), остеопения – у 10 (76,9 %). У женщин контрольной группы независимо от возраста остеопороз выявлен не был, а остеопения наблюдалась только у 3 лиц постменопаузального периода. Показатели Т-критерия у женщин, больных тиреотоксикозом с сохраненным менструальным циклом, составляли в среднем –0,3 SD. У лиц контрольной группы средние показатели Т-критерия – 0,9 SD ($p < 0,05$). Показатели Z-критерия у женщин с тиреотоксикозом в среднем 0,2 SD, у лиц контрольной группы – 0,4 SD ($p < 0,05$).

Проявления остеопороза у мужчин, страдающих тиреотоксикозом, не обнаружены ни в одной из двух зон сканирования, а явления остеопении наблюдались у 3 (20,0 %). У мужчин контрольной группы остеопороз и остеопения не диагностированы. Показатели Z-критерия в позвоночнике у мужчин с тиреотоксикозом колебались от –1,5 до 2,2 SD, в проксимальном отделе бедренной кости – от –1,9 SD

Таблица 1

Показатели МПКТ у пациентов с синдромом тиреотоксикоза по сравнению с контрольной группой (M ± SD)

Показатели	Синдром тиреотоксикоза (n = 65)	Контрольная группа (n = 20)
Средний возраст, годы	38,4 ± 0,8	41,7 ± 1,3
ИМТ, кг/м ²	23,1 ± 0,3*	25,2 ± 0,4
Поясничный отдел позвоночника (L1–L4), г/см ²	1,08 ± 0,02*	1,14 ± 0,02
Проксимальный отдел бедра (Dual Femur Total Right), г/см ²	0,87 ± 0,01*	0,99 ± 0,02
Проксимальный отдел бедра (Dual Femur Total Left), г/см ²	0,89 ± 0,01*	0,99 ± 0,02
Проксимальный отдел бедра (Dual Femur Total Mean), г/см ²	0,89 ± 0,01*	0,97 ± 0,02

*Достоверность различий показателей обследованных лиц по сравнению с контрольной группой при $p < 0,05$.

до 1,1 SD, в среднем составив 0,4 SD и -0,3 SD соответственно. У лиц контрольной группы средние показатели Z-критерия в этих областях составили 0,5 и 0,8 SD ($p > 0,05$ и $p < 0,05$). Показатели T-критерия в позвоночнике находились в пределах от -1,6 до 1,8 SD, проксимальном отделе бедренной кости – от -1,8 до 1,1 SD, в среднем составив 0,6 SD и -0,3 SD соответственно. У лиц контрольной группы средние показатели T-критерия в этих областях составили 0,8 и 0,7 SD ($p > 0,05$ и $p < 0,05$).

У всех обследованных пациентов с тиреотоксикозом показатели кальция (общего и ионизированного) и фосфора в крови соответствовали референтным значениям. Уровень щелочной фосфатазы (маркера костеобразования) превышал норму у 22 (59,5 %) женщин с сохраненной менструальной функцией, у 11 (84,6 %) постменопаузальных женщин и 10 (66,7 %) мужчин с тиреотоксикозом ($p < 0,05$). Данные обследования приведены в табл. 2.

Нами проведен корреляционный анализ показателей МПКТ и щелочной фосфатазы у больных тиреотоксикозом в зависимости от пола и возраста. Выявлена умеренная связь в проксимальном отделе бедренной кости ($r = -0,29$) при отсутствии связи в области позвоночника у женщин с сохраненной менструальной функцией; у женщин постменопаузального периода корреляционная связь отмечена в проксимальном отделе бедренной кости ($r = -0,27$) и позвоночнике ($r = -0,34$); у больных тиреотоксикозом мужского пола корреляционной связи выявлено не было. Кроме того, установлена положительная корреляционная связь между уровнем свободного T_4 и МПКТ в позвоночнике ($r = 0,32$) и проксимальном отделе бедренной кости ($r = 0,37$) у женщин с сохраненной менструальной функцией, а у женщин постменопаузального периода выявлена отрицательная корреляционная связь в позвоночнике ($r = -0,27$) и проксимальном отделе бедренной кости ($r = -0,34$). В группе больных мужчин тиреотоксикозом обнаружена положительная умеренная корреляционная связь в проксимальном отделе бедренной кости ($r = 0,26$).

У обследованных пациентов с синдромом тиреотоксикоза отмечалось достоверное увеличение ($p < 0,05$) содержания β -СТх как наиболее информативного показателя костной резорбции. Так, средний уровень β -СТх у мужчин с тиреотоксикозом составлял $1,18 \pm 0,09$ пг/мл, у женщин с сохраненной менструальной функцией – $1,29 \pm 0,14$ пг/мл, у женщин постменопаузального периода – $1,47 \pm 0,15$ пг/мл. В контрольной группе содержание β -СТх составило: у мужчин – $0,61 \pm 0,08$ пг/мл, женщин с сохраненным менструальным циклом – $0,62 \pm 0,07$ пг/мл, у постменопаузальных женщин – $0,67 \pm 0,08$ пг/мл. Проведенный корреляционный анализ также показал статистически значимую умеренную взаимосвязь между МПКТ и содержанием β -СТх в группе мужчин с синдромом тиреотоксикоза ($r = 0,44$ для позвоночника и $r = -0,67$ для проксимального отдела бедренной кости). В группе больных тиреотоксикозом женщин с сохраненной менструальной функцией также отмечена отрицательная корреляция ($r = -0,41$ для проксимального отдела бедренной кости и $r = -0,23$ для позвоночника). В группе обследованных с тиреотоксикозом женщин постменопаузального периода также выявлена статистически значимая корреляционная связь ($r = -0,68$ для проксимального отдела бедренной кости и $r = -0,17$ для позвоночника). Обнаружена умеренная корреляционная связь между уровнем свободного T_4 и β -СТх в группе мужчин ($r = 0,94$), у женщин с сохраненной менструальной функцией ($r = 0,17$) и в группе женщин постменопаузального периода ($r = 0,27$).

Таким образом, у обследованных больных тиреотоксикозом, как у мужчин, так и у женщин всех возрастных групп, установлено ускорение процессов костного обмена, в частности усиление костной резорбции.

Выводы:

1. У пациентов с синдромом тиреотоксикоза минеральная плотность костной ткани достоверно ниже, а частота остеопороза и остеопении выше по сравнению с популяционными показателями лиц соответствующего возраста.

Таблица 2

Показатели тиреотоксической функции и костного метаболизма у пациентов с тиреотоксикозом

Параметры	Синдром тиреотоксикоза			Контрольная группа		
	М	Ж (с менстр. функцией)	Ж (постменопауз. период)	М	Ж (с менстр. функцией)	Ж (постменопауз. период)
n	15	37	13	6	6	8
Возраст, годы	$39,7 \pm 1,1$	$34,7 \pm 0,8$	$53,7 \pm 1,1$	$40,9 \pm 1,8$	$36,2 \pm 1,2$	$56,7 \pm 1,7$
ТТГ, мЕД/л	$0,07 \pm 0,02$	$0,08 \pm 0,02$	$0,09 \pm 0,03$	$1,94 \pm 0,08$	$1,87 \pm 0,07$	$1,98 \pm 0,08$
св. T_4 , пмоль/л	$26,8 \pm 1,9$	$23,9 \pm 1,3$	$22,7 \pm 1,2$	$13,8 \pm 0,7$	$14,8 \pm 0,8$	$14,1 \pm 0,9$
св. T_3 , пмоль/л	$6,3 \pm 0,7$	$5,9 \pm 0,5$	$6,7 \pm 0,8$	$1,7 \pm 0,1$	$2,3 \pm 0,2$	$2,1 \pm 0,2$
Кальций, ммоль/л	$2,23 \pm 0,09$	$2,21 \pm 0,04$	$2,18 \pm 0,04$	$2,43 \pm 0,09$	$2,37 \pm 0,06$	$2,27 \pm 0,04$
Фосфор, ммоль/л	$1,08 \pm 0,02$	$1,09 \pm 0,02$	$1,06 \pm 0,03$	$1,16 \pm 0,03$	$1,24 \pm 0,03$	$1,11 \pm 0,03$
ЩФ, МЕ/л	$316,4 \pm 11,9$	$311,6 \pm 10,8$	$392,4 \pm 14,7$	$236,2 \pm 10,1$	$173,5 \pm 11,8$	$169,8 \pm 10,1$

2. Снижение минеральной плотности костной ткани у пациентов с синдромом тиреотоксикоза, в отличие от контрольной группы, выявлено как у постменопаузальных женщин, так и у женщин с сохраненной менструальной функцией.

3. Установлено выраженное неблагоприятное влияние повышенного уровня тиреоидных гормонов на минеральную плотность костной ткани у женщин с синдромом тиреотоксикоза.

4. Анализ показателей костного метаболизма у больных тиреотоксикозом показал ускорение кост-

ной резорбции. Установлена корреляционная связь повышенного уровня свободного тироксина с маркерами костного обмена и минеральной плотностью костной ткани. Длительность тиреотоксикоза имеет отрицательную корреляцию с минеральной плотностью костной ткани.

5. Костный метаболизм ускоряется на фоне декомпенсации тиреотоксикоза, что подтверждается выявленной корреляцией между уровнем свободного тироксина и содержанием β -терминального телопептида коллагена I типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балаболкин М.И., Клебанова Е.М., Кремская В.М. Фундаментальная и клиническая тиреодология. М.: Медицина, 2007. 816 с.
2. Поворознюк В.В. Заболевания костно-мышечной системы у людей различного возраста (избранные лекции, обзоры, статьи). Киев, 2009. 486 с.
3. Рожинская Л.Я. Системный остеопороз: практ. рук. 2-е изд. М., 2000. 196 с.
4. TSH is a negative regulator of skeletal remodeling / E. Abe [et al.] // J. Cell. 2003; 115: 151–162.

5. González-Rodríguez L.A., Felici-Giovanini M.E., Haddock L. Thyroid dysfunction in an adult female population: A population-based study of Latin American Vertebral Osteoporosis Study (LAVOS) // P.R. Health Sci. J. 2013; 32 (2): 57–62.
6. The association between serum thyrotropin (TSH) levels and bone mineral density in healthy euthyroid men / B.J. Kim [et al.] // Clin. Endocrinol. 2010; 73 (3): 396–403.
7. Vestergaard P., Mosekilde L. Fractures in patients with hyperthyroidism and hypothyroidism: a nationwide follow-up study in 16,249 patients // Thyroid. 2002; 12 (5): 411–419.

Поступила 14.05.2015

ОЦЕНКА ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ ШКАЛЫ CLIF-C ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ГОСПИТАЛЬНОЙ СМЕРТНОСТИ ПАЦИЕНТОВ С ЦИРРОЗОМ ПЕЧЕНИ И БАКТЕРИАЛЬНЫМИ ИНФЕКЦИЯМИ

Д.И. Гавриленко¹, Н.Н. Силивончик²

¹Гомельский государственный медицинский университет

²Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

Цель данной работы – сравнить диагностическую значимость шкалы Child-Pugh и модифицированной шкалы CLIF-C для прогнозирования госпитальной смертности пациентов с циррозом печени и бактериальными осложнениями. В результате установлено, что шкала CLIF-C является более ценной моделью, чем шкала Child-Pugh, для прогнозирования госпитальной смертности пациентов с циррозом печени, в том числе осложненном бактериальными инфекциями.

KEYWORDS

cirrhosis,
CLIF-C score,
bacterial infections,
in-hospital mortality

The aim of the present study was to compare Child-Pugh score and modified CLIF-C score in predicting in-hospital mortality in cirrhotic patients with bacterial complications. The present study indicates that CLIF-C score is a more valuable model than Child-Pugh for prediction in-hospital mortality in cirrhotic patients, including cirrhosis complicated bacterial infections.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

цирроз печени,
шкала CLIF-C,
бактериальные
инфекции,
госпитальная
смертность

Известно, что бактериальные инфекции – частая причина острой декомпенсации цирроза печени (ЦП). При этом у некоторых пациентов с ЦП развивается острая декомпенсация печеночной недостаточности, в то время как у части пациентов обнаруживается

и внепеченочная (полиорганная) недостаточность [1]. Последние находятся в группе высокого риска краткосрочной смерти [2]. В недавних англоязычных публикациях синдром, при котором на фоне ЦП развивается острая недостаточность одного или нескольких

органов, стали называть «острой-на-хроническую» печеночной недостаточностью (ACLF) [3]. Определение нового синдрома до сих пор не унифицировано между континентальными ассоциациями по изучению болезней печени. Но основной результат изучения данного синдрома – модифицированная шкала CLIF-C (Chronic Liver Failure-Consortium) для стратификации европейских пациентов с ЦП (по данным исследования CANONIC, 2013). Шкала CLIF-C учитывает число декомпенсированных органов/систем (печень, почки, головной мозг, коагуляция, кровообращение, легкие) и валидирована для прогнозирования исхода у пациентов с ЦП [4]. В настоящее время в клинической практике наиболее часто используемой прогностической моделью является шкала Child-Pugh [5].

Цель исследования – сравнить диагностическую значимость шкалы Child-Pugh и шкалы CLIF-C для прогнозирования летального исхода госпитализированных пациентов с ЦП и бактериальными инфекциями.

Материал и методы. Ретроспективно проанализированы клинические данные 151 пациента с ЦП, госпитализированного в городское гастроэнтерологическое отделение г. Гомеля в период с декабря 2009 по май 2011 г. Диагноз ЦП при жизни устанавливался на основании данных лабораторно-инструментальных методов исследования, на секции – на основании макро- и микроморфологических признаков с учетом клинических данных. Виды инфекций диагностировались на основании стандартных критериев. При оценке тяжести ЦП использовалась шкала Child-Pugh. Критериями недостаточности органов/систем по шкале CLIF-C были: печень – билирубин ≥ 205 мкмоль/л, почки – креатинин ≥ 177 мкмоль/л, головной мозг – печеночная энцефалопатия III–IV степени, коагуляция – МНО $\geq 2,5$, кровообращение – использование вазопрессоров, легкие – $\text{PaO}_2/\text{FiO}_2$ или $\text{SpO}_2/\text{FiO}_2 \leq 200$ или ≤ 214 соответственно (www.clifconsortium.com). Первичной конечной точкой считали летальный исход от осложнений ЦП в стационаре. Для определения информативности исследуемых шкал выполнялось построение характеристических кривых (ROC-кривые). Диагностическая значимость метода определялась по высоте расположения характеристической кривой с определением площади под кривой (ППК). За точку разделения (cut off) принимали точку, наиболее близкую к перегибу графика. Переменные оценивались при поступлении в стационар и при ухудшении состояния. Статистическую обработку результатов исследования проводили с использованием пакета программ MedCalc Software.

Результаты и обсуждение. Возраст пациентов с ЦП на момент включения в исследование находился в пределах от 25 до 76 лет, медиана возраста (Me) в общей группе составила 55 лет (Q1 = 43; Q3 = 61). Среди пациентов с ЦП преобладали мужчины возрастной категории от 46 до 65 лет. Лиц трудоспособного возраста – 93 (61,6 %, 95 % ДИ 53,3–69,4).

По данным нашей работы, среди госпитализированных пациентов с ЦП в этиологической структуре преобладал алкоголь (n = 83, 55,0 %) и статистически значимо чаще ($\chi^2 = 7,60$, $p = 0,006$) встречался у мужчин в сравнении с женщинами (64,0 % против 42,0 % соответственно). Первичный билиарный ЦП был диагностирован у 4 женщин (2,7 %). Вирусная (HCV) этиология ЦП установлена у 4 пациентов (3,0 %), а сочетание HCV и злоупотребления алкоголем как этиология ЦП – у 4 мужчин (3,0 %). Низкая доля вирусных ЦП объясняется тем, что данная категория лиц проходила лечение в профильных отделениях инфекционного стационара. У двоих пациентов (1,0 %) цирроз был проявлением врожденных заболеваний (болезнь Вильсона-Коновалова у женщины 25 лет, поздняя кожная порфирия у мужчины 49 лет). Причина ЦП не была установлена у 55 пациентов (36,0 %). По шкале Child-Pugh у большинства пациентов в общей группе наблюдался декомпенсированный ЦП (класс В – 39,1 %; класс С – 60,9 %).

В группе пациентов, включенных в исследование (n = 151), инфекционные осложнения выявлены у 67 (44,4 %; 95 % ДИ 36,46–52,28 %), что соответствует данным большинства исследователей проблемы [6, 7]. Возраст пациентов с ЦП и инфекционными осложнениями на момент включения в исследование находился в пределах от 25 до 73 лет, медиана возраста (Me) в данной группе составила 52 года (Q1 = 41; Q3 = 59). Доля пациентов с инфекционными осложнениями в группе мужчин – 31 % (95 % ДИ 21,3–42,0), группе женщин – 61 % (95 % ДИ 48,5–72,9), различия были статистически значимыми ($\chi^2 = 13,81$, $p < 0,001$). Структура установленных инфекционных осложнений представлена в табл. 1.

Спектр наиболее частых бактериальных осложнений был традиционным для ЦП – мочевиная инфекция 20,5 % (95 % ДИ 14,4–27,9), пневмония 15,9 % (95 % ДИ 10,5–22,7), бактериемия 20,0 % (95 % ДИ 7,7–38,6), инфекции кожи 2,7 % (95 % ДИ 0,7–6,6). По результатам исследования асцитической жидкости, выполненного 57 пациентам с ЦП и асцитом, СБП с учетом всех вариантов, установлен в 6 случаях (10,5 %, 95 % ДИ 4,0–21,5). Реже обнаруживались прочие инфекции (n = 11): туберкулез легких, абсцесс легкого, абсцесс левой голени, остеомиелит, кандидоз, пролежни.

В группе пациентов с инфекциями наблюдалось более тяжелое течение ЦП по шкале Child-Pugh в сравнении с пациентами без инфекций (класс В – 29,9 %; класс С – 70,1 % vs класс В – 46,4 %; класс С – 53,6 %), различия были статистически значимыми ($\chi^2 = 4,30$, $p = 0,038$).

Из 67 пациентов с ЦП и инфекционными осложнениями летальный исход в стационаре наступил в 6 случаях. Среди пациентов с ЦП без инфекций (n = 84) умер 1, различия были статистически значимыми ($p = 0,030$). Известно, что прогноз в отношении ряда событий при ЦП (в том числе и летального исхода) зависит от тяжести заболевания. Для стратификации

Структура инфекционных осложнений у госпитализированных пациентов с циррозом печени

Инфекционные осложнения	Доля в структуре инфекционных осложнений, n = 83		Доля в общей группе пациентов с циррозом печени, n = 151 (%; 95 % ДИ)
	абс.	%	
Спонтанный бактериальный перитонит	6	–	10,5 (4,0–21,5), n = 57
Мочевая инфекция	31	36,9	20,5 (14,4–27,9)
Пневмония	24	28,6	15,9 (10,5–22,7)
Сепсис	1	1,2	0,7 (0–3,6)
Бактериемия	6	–	20,0 (7,7–38,6), n = 30
Рожистое воспаление	4	4,7	2,7 (0,7–6,6)
Прочие	11	13,3	7,3 (3,7–12,7)

пациентов с ЦП обычно используется шкала Child-Pugh, для определения показаний к трансплантации печени может использоваться шкала MELD. В нашей работе сравнивалась диагностическая значимость шкалы Child-Pugh и шкалы CLIF-C.

На первом этапе выполнен сравнительный анализ диагностической значимости шкалы Child-Pugh и шкалы CLIF-C для прогнозирования летального исхода в общей группе пациентов с ЦП (рис. 1).

При прогнозировании госпитальной смертности в общей группе для шкалы Child-Pugh получены следующие результаты: чувствительность – 100 % (95 % ДИ 58,9–100), специфичность – 38,9 % (95 % ДИ 30,9–47,4). При использовании критериев шкалы CLIF-C чувствительность составила 100 % (95 % ДИ 58,9–100), специфичность – 93,75 % (95 % ДИ 88,5–97,1). Сравнение площади под кривой (ППК) шкалы Child-Pugh и шкалы CLIF-C представлено в табл. 2.

На втором этапе выполнено сравнение диагностической значимости шкалы Child-Pugh и шкалы CLIF-C для прогнозирования летального исхода у пациентов с ЦП и инфекционными осложнениями (n = 67) (рис. 2).

При прогнозировании госпитальной смертности в группе пациентов с ЦП и инфекционными осложнениями для шкалы Child-Pugh получены следующие результаты: чувствительность – 100 % (95 % ДИ 54,1–100), специфичность – 29,5 % (95 % ДИ 18,5–42,6). При использовании критериев шкалы CLIF-C чувствительность составила 100 % (95 % ДИ 58,9–100), специфичность – 88,5 % (95 % ДИ 77,8–95,2). Сравнение площади под кривой (ППК) шкалы Child-Pugh и шкалы CLIF-C в группе пациентов с ЦП и инфекциями представлено в табл. 3.

Выводы:

1. Площадь под кривой для шкалы CLIF-C соответствовала модели отличного качества в общей группе пациентов с ЦП и группе пациентов с ЦП и бактериальными инфекциями – 0,99 и 0,97 соответственно. Данный показатель статистически значимо выше в сравнении с традиционно используемой шкалой

Child-Pugh, что продемонстрировано и в общей группе пациентов с ЦП, и в группе пациентов с циррозом и бактериальными инфекциями (p = 0,012 и p = 0,015 соответственно).

2. Для прогнозирования смертности пациентов с ЦП в стационаре, в том числе с инфекционными осложнениями, шкала CLIF-C имеет преимущества в сравнении со шкалой Child-Pugh.

3. Диагностическая значимость шкалы CLIF-C для прогнозирования госпитальной смертности пациентов с ЦП выше в сравнении со шкалой Child-Pugh. Это обусловлено тем, что шкала CLIF-C содержит больше параметров, отражающих прогноз для данной группы пациентов. Кроме того, критерии, используемые в этой шкале, фактически отражают отказ (острую недостаточность) соответствующей системы/органа. Поэтому необходимо отметить, что шкала CLIF-C предназначена для пациентов с острой декомпенсацией ЦП.

4. Полученные в нашей работе результаты могут быть использованы на сопоставимой популяции пациентов с ЦП.

Таблица 2

Сравнение площади под кривой двух шкал в общей группе

Шкала	ППК	95 % ДИ	p
Child-Pugh	0,71	0,63–0,78	0,012
CLIF-C	0,99	0,95–0,99	

Таблица 3

Сравнение площади под кривой двух шкал в группе пациентов с циррозом печени и инфекционными осложнениями

Шкала	ППК	95 % ДИ	p
Child-Pugh	0,66	0,54–0,77	0,015
CLIF-C	0,97	0,89–0,99	

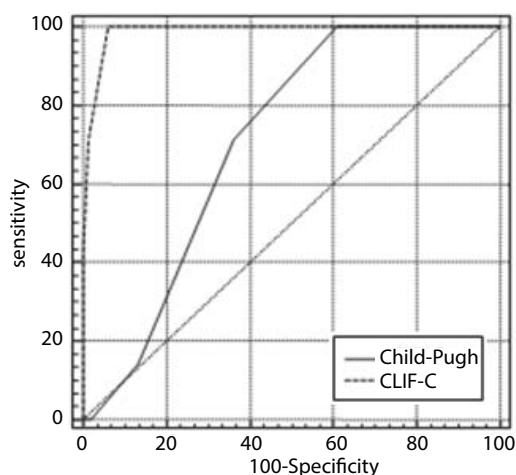

Рис. 1. Диагностическая значимость шкалы CLIF-C и шкалы Child-Pugh для прогнозирования госпитальной смертности в общей группе пациентов с ЦП

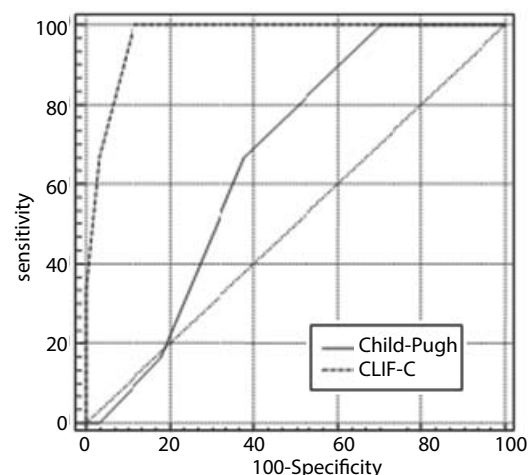

Рис. 2. Диагностическая значимость шкалы CLIF-C и шкалы Child-Pugh для прогнозирования госпитальной смертности в общей группе пациентов с ЦП и инфекционными осложнениями

ЛИТЕРАТУРА

1. Severe sepsis in cirrhosis / T. Gustot [et al.] // *Hepatology*. 2009; 50: 2022–2033.
2. Acute-on-chronic liver failure is a distinct syndrome developing in patients with acute decompensation in cirrhosis / R. Moreau [et al.] // *Gastroenterology*. 2013; 144: 1426–1437.
3. Acute-on chronic liver failure / R. Jalan [et al.] // *J. Hepatol*. 2012; 57: 1336–1348.
4. Development and validation of a prognostic score to predict mortality in patients with acute-on-chronic liver failure / R. Jalan [et al.] // *J. Hepatol*. 2014. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jhep.2014.06.012>
5. Child C.G., Turcotte J.G. Surgery and portal hypertension // *Major Probl. Clin. Surg.* 1964; 1: 1–85.
6. Sepsis in cirrhosis: report on the 7th meeting of the International Ascites Club / F. Wong [et al.] // *Gut*. 2005; 54: 718–725.
7. Bacterial infection in patients with advanced cirrhosis: a multicentre prospective study / M. Borzio [et al.] // *Dig Liver Dis*. 2001; 33: 41–48.

Поступила 04.05.2015

ДИАСТОЛИЧЕСКАЯ ДИСФУНКЦИЯ МИОКАРДА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДИАГНОСТИКЕ И ВОЗМОЖНОСТЯХ КОРРЕКЦИИ НАРУШЕНИЙ

В.Э. Сушинский, М.С. Пристром

Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

Рассматриваются современные представления о клиническом значении, распространенности и механизмах развития диастолической дисфункции сердца. Приводятся общие принципы оценки диастолической функции сердца, описываются возможности влияния лекарственных средств различных фармакологических групп на состояние диастолической функции сердца у пациентов с артериальной гипертензией и хронической сердечной недостаточностью.

KEYWORDS

diastolic function of the heart, diastolic dysfunction of left ventricle, arterial hypertension, chronic heart failure

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

диастолическая функция сердца, диастолическая дисфункция левого желудочка, артериальная гипертензия, хроническая сердечная недостаточность

The article highlights issues of modern concepts of prevalence and clinical significance of diastolic function and the mechanisms of diastolic dysfunction of the heart. The article presents general principles for the evaluation of diastolic function of the heart. Article discusses the influence of drugs of different pharmacological groups on the state of diastolic function in patients with arterial hypertension and chronic heart failure.

В странах Европы, для которых в структуре населения характерна высокая доля лиц старших возрастных групп, заболевания сердечно-сосудистой системы отличается высокая распространенность и значительный вклад в формирование структуры заболеваемости, инвалидности и смертности, что обуславливает их медико-социальное значение [29].

У пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями можно выявить целый ряд изменений структурно-функциональных и нейрогуморальных систем, из которых существенная роль принадлежит патологическим сдвигам со стороны сердца и сосудов. Необходимо подчеркнуть, что изменения сердечно-сосудистой системы последовательны и характеризуются прогрессирующими нарушениями структуры и функции. Для описания указанных изменений в литературе последних лет используется термин «сердечно-сосудистый континуум».

Нарушение диастолической функции миокарда, утрата способности стенок левого желудочка к расслаблению во время диастолы сердца в этом случае рассматривается как одно из самых ранних патологических проявлений. Результаты исследований последних лет показывают, что диастолическая дисфункция (ДД) левого желудочка (ЛЖ) имеет самостоятельное прогностическое значение, поскольку ее прогрессирование сопровождается значительным повышением риска смерти от сердечно-сосудистых заболеваний [1, 2, 16]. Прогностическое значение ДД отмечено и при многих клинических состояниях [13].

Необходимо подчеркнуть высокую распространенность диастолической дисфункции. Распространенность бессимптомной ДД в обществе является довольно значительной и наблюдается у 25–30 % лиц старше 45 лет [3]. По данным исследования W. J. Paulus et al., из 2042 взрослых старше 45 лет, случайно вы-

бранных из общего населения, у 21 % имелись признаки ранней ДД [19]. Схожие данные (22–25 %) были получены в исследовании M. Kloch-Badelek et al. [12].

В современной научной литературе представлены сведения, доказывающие, что признаки ДД миокарда встречаются практически при любом заболевании сердца. У пациентов с артериальной гипертензией (АГ) ДД миокарда ЛЖ наблюдается у 50–90 % больных и тесно коррелирует со степенью повышения артериального давления, стажем заболевания, возрастом и др. [9, 11, 16, 23]. Диастолическая дисфункция левого желудочка также характеризует снижение резерва коронарного кровотока у пациентов с АГ [10].

Нередко встречается ДД миокарда и у пациентов с хронической сердечной недостаточностью (ХСН). Длительное время ХСН ассоциировалась в первую очередь со снижением сократительной способности миокарда, наблюдающейся при систолической дисфункции миокарда. При этом практически все больные с нарушенной глобальной систолической функцией имеют повышенное давление наполнения и, следовательно, нарушение диастолической функции.

Однако клинические симптомы часто встречаются и у пациентов с сохраненной систолической функцией миокарда. Развитие ХСН у них в большей степени связано с нарушением диастолической функции сердца. Распространенность сохраненной систолической функции ЛЖ среди пациентов с ХСН может достигать 47 % [22]. Частота диастолической дисфункции миокарда как причины ХСН резко увеличивается с возрастом. По данным исследования National Heart Failure Project (2003), в США ХСН с сохраненной систолической функцией ЛЖ встречается более чем у 50 % женщин старше 65 лет и у трети мужчин того же возраста. Выявлено, что в гериатрической практике ХСН с сохраненной систолической функцией ЛЖ

чаще встречается среди женщин, больных АГ (но без достоверных указаний на инфаркт миокарда в анамнезе). Повышенное при текущем обследовании АД (160/100 мм рт. ст.) также значительно чаще наблюдается у больных ХСН с сохраненной систолической функцией ЛЖ. При этом имеет место тенденция к увеличению доли пациентов с диагнозом сердечной недостаточности с сохраненной фракцией выброса с течением времени [22].

Важно отметить патогенетическую взаимосвязь повышенного АД, гипертрофии левого желудочка, развития диастолической дисфункции ЛЖ и ХСН. Повышение АД приводит к увеличению постнагрузки на ЛЖ, а затем компенсаторно происходит развитие ГЛЖ. Важная роль в регулировании процессов ремоделирования миокарда и сосудов, в том числе и в моделировании гипертрофии ЛЖ, принадлежит гиперактивации ренин-ангиотензиновой системы [7]. Гипертрофированный миокард теряет способность к расслаблению. Для полноценного наполнения кровью ЛЖ в роли компенсаторного механизма срабатывает левое предсердие, которому приходится сокращаться с большей нагрузкой. Прогрессирование процессов ведет к росту давления наполнения ЛЖ, а затем повышению давления в малом круге кровообращения. В начале изменения сердца носят приспособительный характер и не проявляются клинически. Клинические симптомы (например, одышка) первоначально проявляются при физических нагрузках, затем толерантность к физическим нагрузкам снижается и одышка возникает при небольших нагрузках и даже в покое.

Наряду с патогенетической связью отмечена взаимосвязь между степенью нарушения диастолической функции сердца и степенью тяжести ХСН, а также толерантностью к физическим нагрузкам и качеством жизни.

Необходимо различать термины «диастолическая дисфункция» и «диастолическая сердечная недостаточность». Диастолическая сердечная недостаточность всегда включает диастолическую дисфункцию, но наличие ДД миокарда еще не всегда свидетельствует о клинике сердечной недостаточности. В свою очередь ДД миокарда чаще всего предшествует нарушениям систолической функции сердца. В современных консенсусах все чаще используется термин сердечной недостаточности с сохраненной фракцией выброса. Согласно Европейским рекомендациям установление диагноза сердечной недостаточности с сохраненной фракцией выброса требует четырех критериев: 1) наличие типичных симптомов ХСН; 2) наличие типичных признаков ХСН (признаки могут оставаться неявными на ранних стадиях ХСН и у больных, принимающих диуретик); 3) нормальная или умеренно сниженная фракция выброса ЛЖ и ЛЖ не расширен; 4) соответствующие структурные болезни сердца (гипертрофия ЛЖ/расширение левого предсердия) и/или ДД [8]. Таким образом, при сердечной недостаточности с сохраненной фракцией выброса диастолическая

дисфункция миокарда является характерным нарушением. Больные сердечной недостаточностью с сохраненной фракцией выброса имеют лучший прогноз, чем те, у кого ХСН со сниженной фракцией выброса [15, 22].

Толчком к изучению ДД миокарда явилось внедрение в исследовательскую, а затем и в клиническую практику эхокардиографии. Оценка митрального кровотока с помощью эхокардиографии – общепринятый метод диагностики диастолической дисфункции. В норме типичные показатели митрального кровотока в диастолу имеют два пика – волна Е и волна А. Первая отражает раннюю (Е) фазу заполнения ЛЖ, а вторая – предсердный (А) компонент диастолического заполнения ЛЖ. В качестве основных критериев используется также отношение Е/А и время замедления раннего трансмитрального потока. При необходимости определяются дополнительные показатели, такие как продолжительность фазы изоволюметрического расслабления, фракция предсердного наполнения, отношение $VTIE/VTIA$, отношение S/D и др. При нарушении диастолической функции ЛЖ эти показатели изменяются [17, 18, 21, 23].

В белорусских национальных рекомендациях по ХСН на основе рекомендаций Европейского общества кардиологов определены ультразвуковые диагностические критерии нормы и различных вариантов диастолической дисфункции [21, 30]. Эти данные можно представить в виде табл. 1.

Первый, наиболее ранний, вариант ДД характеризуется замедленным расслаблением (аномальной релаксацией). При нарушении расслабления наблюдается уменьшение объема крови, поступающей в желудочек в фазу раннего наполнения, и увеличение вклада предсердий. Вторая, более тяжелая, модель нарушенной диастолической функции называется псевдонормализацией. На этой стадии развития диастолической дисфункции расслабление желудочка происходит еще более медленно и не до конца. Желудочек без компенсаторного повышения внутрипредсердного давления не в состоянии вместить необходимый объем крови. Повышение внутрипредсердного давления восстанавливает ранний трансмитральный градиент давлений. Дальнейшее прогрессирование диастолической дисфункции приводит к развитию еще более тяжелой модели, называемой рестриктивной.

Типовые эхокардиографические параметры диастолической функции левого желудочка у пациентов с сердечной недостаточностью представлены в табл. 2 (в ред. рекомендаций Европейского общества кардиологов по ХСН, 2012) [8].

Учитывая широкое распространение ДД сердца, ее значение в сердечно-сосудистом континууме, сложилось понимание необходимости ее коррекции у больных сердечно-сосудистыми заболеваниями. Доказано, что состояние диастолической функции может использоваться как критерий эффективности проводимой терапии. Способствовать улучшению диастолической функции должны лекарственные средства,

Таблица 1

Показатели для определения диастолической дисфункции и основных вариантов ее нарушения				
Показатели	Норма	Варианты диастолической дисфункции		
		Замедленное расслабление	Псевдо-нормализация	Рестриктивный тип
Основные				
Пиковая скорость волны E	79 ± 26 см/с	< 0,53 см/с	N	Увеличение
Пиковая скорость волны A	48 ± 22 см/с	> 0,70 см/с	N	Уменьшение
Отношение E/A	1,7 ± 0,6	E/A<1 – для лиц моложе 60 лет	N	Увеличение
Время замедления раннего трансмитрального потока	184 ± 24 мс	> 220 мс	Уменьшение менее 150 мс	Уменьшение менее 150 мс
Дополнительные				
Продолжительность фазы изоволюметрического расслабления	–	Увеличение более 100 мс	N	Уменьшение
Отношение VTIE/VTIA	–	Уменьшение	N	N
Фракция предсердного наполнения	–	Увеличение	N	Уменьшение
Отношение S/D	–	Увеличение, за счет D-волны	Уменьшение менее 0,75	–
Пиковая объемная скорость наполнения	–	Уменьшение менее 160 мл/схм²	N	–

Таблица 2

Типовые эхокардиографические параметры диастолической функции левого желудочка у пациентов с сердечной недостаточностью		
Показатель	Нарушение	Клиническое значение
e'	Снижен (< 8 см/с септально, < 10 см/с латерально или < 5 см/с усредненно)	Замедленная релаксация ЛЖ
Соотношение E/e' ^a	Высокое (> 15) Низкое (< 8) Среднее (8–15)	Высокое давление наполнения ЛЖ Нормальное давление наполнения ЛЖ «Серая зона» (необходим учет дополнительных параметров)
Соотношение E/A ^b митрального притока	Рестриктивное (> 2) Нарушенная релаксация (< 1) Норма (1–2)	Высокое давление наполнения ЛЖ Перегрузка объемом Замедленная релаксация ЛЖ Нормальное давление наполнения ЛЖ Недостаточно (может быть «псевдонормальным»)
Митральный приток при пробе Вальсальвы	Изменяет трактовку с «псевдонормальный» на «нарушенная релаксация» (с уменьшением соотношения E/A $\geq 0,5$)	Высокое давление наполнения ЛЖ (выявленное при пробе Вальсальвы)
Длительность A _{л.а.} – A _{мит}	30 м	Высокое давление наполнения ЛЖ

Примечание. ^a – различные точки-метки, учитываются в разных документах. Для точек-меток, которые имеются в виду в этой таблице, могут использоваться обе величины e' – септальная и усредненная. ^b – слишком вариабельны и неприемлемы для использования в отдельности; слишком зависимы от нагрузочных состояний; существуют скорректированные по возрасту нормальные значения.

A_{л.а.} – A_{мит} – разница во времени между длительностью A-волны кровотока в легочной вене и длительностью A-волны кровотока на митральном клапане, E/A – соотношение между ранним и поздним кровотоком в диастолу на митральном клапане, E/e' – соотношение E-волны кровотока на митральном клапане к e'-волне при тканевом доплере.

уменьшающие гипертрофию ЛЖ, улучшающие активное расслабление и увеличивающие податливость ЛЖ.

В научной литературе имеются данные о положительном влиянии терапии на состояние диастолической функции сердца. В большинстве исследований влияние лекарственных средств на диастолическую функцию сердца рассматривается у пациентов с АГ. Наиболее часто авторами научных исследований отмечается улучшение диастолической функции сердца при применении ингибиторов ангиотензинпревращающего фермента (иАПФ) и антагонистов кальция (АК) и реже других лекарственных средств.

Данные о благоприятном влиянии иАПФ на диастолическую функцию сердца у больных АГ выявили J. Gonzales-Juanates et al., M. Sasaki et al., M. Deljanin-Ilic et al., O.M. Моисеева и соавт., Е.М. Евсиков и соавт. и др. [25, 26, 28]. Улучшение диастолической функции ЛЖ наблюдается в достаточно короткие сроки – в большинстве исследований уже через 8–16 недель терапии, т. е. еще до статистически значимого регресса гипертрофии ЛЖ. По данным А.Д. Куимова и соавт., у больных АГ диастолическая функция левого желудочка при назначении лизиноприла улучшалась независимо от наличия ХСН [27].

Улучшение диастолической функции сердца имеет практическое значение при выборе терапии как у больных АГ, так и у пациентов с ХСН. Ингибиторы АПФ эффективны от самых начальных, включая бессимптомную дисфункцию ЛЖ, до самых поздних стадий декомпенсации. Препараты улучшают релаксацию кардиомиоцита и растяжимость ЛЖ, снижают артериальное давление и вызывают регресс гипертрофии ЛЖ.

В исследовании C.G. Brilla et al. показано, что при терапии лизиноприлом происходит достоверное увеличение соотношения пиков скоростей трансмитрального кровотока Е/А и уменьшение времени изометрического расслабления, что свидетельствует об улучшении диастолической функции [4]. В общем можно заключить, что различные иАПФ, доказавшие свою эффективность, могут быть назначены для лечения ХСН [8, 30]. По данным О.С. Сычева, применение лизиноприла у больных ИБС улучшает диастолическую функцию сердца и имеет антиаритмический эффект у больных наджелудочковым и желудочковыми нарушениями ритма сердца.

Антагонисты кальция также благоприятно воздействуют на ДД ЛЖ, контролируя уровень АД, снижая потребность миокарда в кислороде, вызывая дилатацию коронарных артерий и обратное развитие гипертрофии ЛЖ. Патологическим обоснованием применения антагонистов кальция служит их способность улучшать расслабление миокарда и тем самым увеличивать диастолическое наполнение желудочков. Однако если их положительное значение у больных АГ бесспорно, то их влияние на выживаемость и прогрессирование ХСН изучено недоста-

точно. Так, АК являются препаратами выбора в лечении заболеваний, сопровождающихся выраженной гипертрофией ЛЖ, но присоединение к гипертрофии ЛЖ тяжелых систолических расстройств и застойной сердечной недостаточности делает их применение нецелесообразным и даже опасным из-за снижения насосной функции сердца и повышения риска смерти.

В то же время у пациентов с сохраненной систолической функцией сердца и имеющейся ДД их применение имеет практическое значение. Необходимо учитывать, что из АК могут использоваться только препараты дигидропиридиновой структуры III поколения. АК наряду с иАПФ обладают наиболее выраженной способностью вызывать регресс гипертрофии левого желудочка и улучшать состояние диастолической функции сердца. Предпочтительно назначение амлодипина пациентам с имеющейся стенокардией, редким ритмом сердца, а также при противопоказаниях для назначения других групп лекарственных средств (сахарный диабет, бронхообструктивные заболевания, метаболические нарушения).

Среди других групп лекарственных средств, улучшающих диастолическую функцию сердца, необходимо отметить блокаторы ангиотензиновых рецепторов, поскольку их действие во многом схоже с эффектами иАПФ [6, 20]. Положительное действие бета-адреноблокаторов может быть обусловлено снижением частоты сердечных сокращений и, как следствие, удлинением диастолы.

В ряде клинических исследований изучено влияние лечения на смертность пациентов с ХСН и сохраненной фракцией выброса левого желудочка (диастолической сердечной недостаточности).

В частности, исследование CHARM-Preserved (Candesartan in Heart Failure: Assessment of Reduction in Mortality and Morbidity) показало отсутствие снижения первичной комбинированной конечной точки (сердечно-сосудистая смерть или госпитализации по поводу декомпенсации ХСН) [24].

Исследование PEP-CHF (Perindopril for Elderly People with Chronic Heart Failure) также продемонстрировало отсутствие снижения первичной комбинированной конечной точки (сердечно-сосудистая смерть или госпитализации по поводу декомпенсации ХСН) на фоне лечения [5].

В когорте из 4128 пациентов исследование I-Preserved (Irbesartan in heart failure with Preserved systolic function) не выявило снижения первичной комбинированной конечной точки, включающей сердечно-сосудистую смерть или госпитализации [14].

В целом следует отметить, что доказательная база применения лекарственных средств в лечении ХСН с ДД небольшая [8]. Поэтому требуется еще проведение дополнительных исследований для обоснования целесообразности назначения лекарственных средств в лечении ХСН, сопровождающейся ДД ЛЖ при сохраненной систолической функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Achong N., Wahi S., Marwick T.H. Evolution and outcome of diastolic dysfunction // *Heart*. 2009, May; 95 (10): 813–818.
2. Impact of progression of diastolic dysfunction on mortality in patients with normal ejection fraction / W.A. Jaroudi [et al.] // *Circulation*. 2012; 14; 125 (6): 782–788.
3. Exercise echocardiographic findings and outcome of patients referred for evaluation of dyspnea / S. Bergeron [et al.] // *J. Am. Coll. Cardiol.* 2004; 43: 2242–2246.
4. Brilla C.G., Funck R.C., Rupp H. Lisinopril-mediated regression of myocardial fibrosis in patients with hypertensive heart disease // *Circulation*. 2000; 102 (12): 1388–1393.
5. The perindopril in elderly people with chronic heart failure (PEP-CHF) study / J.G. Cleland [et al.] // *Eur. Heart J.* 2006; 27: 2338–2345.
6. Losartan-dependent regression of myocardial fibrosis is associated with reduction of left ventricular chamber stiffness in hypertensive patients / J. Díez [et al.] // *Circulation*. 2002; 105: 2512–2517.
7. Dzau V. Tissue renin-angiotensin system in myocardial hypertrophy and failure // *Arch. Intern. Med.* 1993; 153: 937–942.
8. ESC Guidelines for the diagnosis and treatment of acute and chronic heart failure 2012. The Task Force for the Diagnosis and Treatment of Acute and Chronic Heart Failure 2012 of the European Society of Cardiology. Developed in collaboration with the Heart Failure Association (HFA) of the ESC // *Eur. Heart J.* 2012; 33: 1787–1847.
9. Prevalence of left ventricular diastolic dysfunction in the community Results from a Doppler echocardiographic-based survey of a population sample / M. Fischera [et al.] // *Eur. Heart J.* 2003; 24: 320–328.
10. Coronary flow reserve and myocardial diastolic dysfunction in arterial hypertension / M. Galderisi [et al.] // *Am. J. Cardiol.* 2002; 15; 90 (8): 860–864.
11. Impact of ambulatory blood pressure on left ventricular diastolic dysfunction in uncomplicated arterial systemic hypertension / M. Galderisi [et al.] // *Am. J. Cardiol.* 1996 15; 77 (8): 597–601.
12. Prevalence of left ventricular diastolic dysfunction in European populations based on cross-validated diagnostic thresholds / M. Kloch-Badelek [et al.] // *Cardiovasc. Ultrasound*. 2012, 10: 10.
13. Diastolic dysfunction and mortality in severe sepsis and septic shock / G. Landesberg [et al.] // *Eur. Heart J.* 2012; 33: 895–903.
14. Irbesartan in patients with heart failure and preserved ejection fraction / B.M. Massie [et al.] // *N. Engl. J. Med.* 2008; 359: 2456–2467.
15. Meta-analysis Global Group in Chronic Heart Failure (MAGGIC). The survival of patients with heart failure with preserved or reduced left ventricular ejection fraction: an individual patient data meta-analysis // *Eur. Heart J.* 2012; 33: 1750–1757.
16. Mortality rate in patients with diastolic dysfunction and normal systolic function / M. Carmel [et al.] // *Arch. Intern. Med.* 2011; 171 (12): 1082–1087.
17. Nishimura R.A., Tajik A.J. Evaluation of diastolic filling of left ventricle in health and disease: Doppler echocardiography in the clinicians Rosetta Stone // *J. Am. Coll. Cardiol.* 1997; 30 (8): 18.
18. Ohno M., Cheng C.P., Little W.C. Mechanism of altered patterns of left ventricular filling during the development of congestive heart failure // *Circulation*. 1994; 89: 2241–2250.
19. How to diagnose diastolic heart failure: a consensus statement on the diagnosis of heart failure with normal left ventricular ejection fraction by the Heart Failure and Echocardiography Associations of the European Society of Cardiology / W.J. Paulus [et al.] // *Eur. Heart J.* 2007; 8: 2539–2550.
20. The Hong Kong diastolic heart failure study: a randomised controlled trial of diuretics, irbesartan and ramipril on quality of life, exercise capacity, left ventricular global and regional function in heart failure with a normal ejection fraction / G.W.K. Yip [et al.] // *Heart*. 2008; 94: 573–580.
21. The task force on heart failure of the European society of cardiology. Guidelines for diagnosis and treatment of chronic heart failure // *Eur. Heart J.* 2005; 26.
22. Trends in prevalence and outcome of heart failure with Preserved Ejection Fraction / E. Theophilus [et al.] // *N. Engl. J. Med.* 2006; 355: 251–259.
23. Working Group Report. How to diagnose diastolic heart failure? European study group on diastolic heart failure // *Eur. Heart J.* 1998; 19: 990–1003.
24. Effects of candesartan in patients with chronic heart failure and preserved left-ventricular ejection fraction: the CHARM-Preserved Trial / S. Yusuf [et al.] // *Lancet*. 2003; 362: 777–781.
25. Особенности воздействия ингибиторов ангиотензин-превращающего фермента на диастолическую функцию сердца левого желудочка у больных артериальной гипертензией при продолжительной гипотензивной терапии / Е.М. Евсиков [и др.] // *Рос. кардиол. журн.* 2002; 2: 45–49.
26. Котельницкая Л.И., Тренева Г.О. Эффективность эналаприла малеата при лечении артериальной гипертензии у больных сахарным диабетом // *Рос. кардиол. журн.* 2002; 5: 54–59.
27. Влияние иАПФ лизиноприла на нарушения диастолической функции левого желудочка и на эндотелиальный ответ у больных артериальной гипертензией с хронической сердечной недостаточностью и без нее / А.Д. Куимов [и др.] // *Рос. кардиол. журн.* 2004; 3: 58–63.
28. Влияние терапии эналаприла на развитие тромботических и воспалительных изменений при гипертонической болезни / О.М. Моисеева [и др.] // *Рос. кардиол. журн.* 2005; 4: 76–80.
29. Сердечно-сосудистые заболевания в Республике Беларусь: анализ ситуации и стратегии контроля / А.Г. Мрочек [и др.]. Минск: Бел. наука, 2011. 341 с.
30. Национальные рекомендации по хронической сердечной недостаточности. Минск, 2006.

Поступила 05.05.2015

СЕНИЛЬНЫЙ КАЛЬЦИНИРОВАННЫЙ АОРТАЛЬНЫЙ СТЕНОЗ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

В.В. Артющик¹, М.С. Пристром¹, И.И. Семененков¹, Ю.А. Олихвер², Р.Ю. Чечко³, В.В. Курсевич³

¹Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

²Республиканский клинический медицинский центр Управления делами Президента Республики Беларусь, Минск

³2-я городская клиническая больница, Минск

Аортальный стеноз в настоящее время является наиболее частой клапанной патологией сердца и среди всех сердечно-сосудистых заболеваний по частоте занимает третье место после артериальной гипертензии и ишемической болезни сердца. Главная причина формирования аортального стеноза у взрослых – дегенеративный кальциноз аортального клапана. Уровень распространения кальцинированного аортального стеноза увеличивается с возрастом, однако причины развития этого заболевания до сих пор остаются неясными. Бессимптомный период заболевания может продолжаться в течение нескольких десятков лет. Появление клинических симптомов кардинально меняет ход течения заболевания и характеризуется высокой смертностью пациентов, если не выполняется хирургическое вмешательство. Большое значение придается тщательному клиническому наблюдению таких больных, их обучению и регулярному проведению эхокардиографических исследований в динамике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

аортальный стеноз,
клиника,
дифференциальная
диагностика

KEYWORDS

aortic stenosis,
clinic,
differential
diagnosis

Aortic stenosis is the most frequent valvar heart disease and the most frequent cardiovascular disease after hypertension and coronary artery disease. The most common cause of aortic stenosis in adult persons is degenerative calcification of aortic valve. The prevalence of calcific aortic stenosis increases with age; however, its pathogenesis is unknown. Careful clinical follow-up is mandatory in all patients with aortic stenosis because symptoms develop after a long latent period, and symptomatic patients with aortic stenosis have a very poor prognosis.

Демографическая ситуация, сложившаяся в мире, характеризуется увеличением численности населения в возрасте 60 лет и старше. В Республике Беларусь удельный вес лиц этой возрастной категории составляет около 20 %. Для нашей страны, как и для других стран мира, характерным является процесс старения населения. В связи с этим с каждым годом неуклонно возрастает и частота заболеваний, встречающихся преимущественно у лиц пожилого и старческого возраста, и прежде всего рост патологии сердечно-сосудистой системы.

Аортальный стеноз в настоящее время является наиболее частой клапанной патологией сердца и среди всех сердечно-сосудистых заболеваний по частоте занимает третье место после артериальной гипертензии и ишемической болезни сердца (ИБС) [1, 2]. Основными причинами приобретенного аортального стеноза у взрослых являются: кальцификация створок нормального трехстворчатого аортального клапана, кальцификация створок врожденного двустворчатого аортального клапана, а также ревматическая болезнь сердца. Главная причина формирования аортального стеноза у взрослых – кальциноз аортального клапана (81,9 % случаев), в то время как ревматическая болезнь сердца составляет лишь 11,2 % случаев [3].

Начальной стадией развития кальцинированного аортального стеноза является аортальный склероз –

локальное неравномерное утолщение и кальцификация створок аортального клапана без ограничения их подвижности и формирования препятствия потоку крови через клапан. Указанные изменения створок аортального клапана можно выявить при проведении эхокардиографического исследования, следовательно, процесс развития кальцинированного аортального стеноза может быть диагностирован уже на ранней стадии. Аортальный склероз – частая патология, встречающаяся приблизительно у 25 % населения в возрасте старше 65 лет и у 48 % населения старше 84 лет [4–6]. Наличие у пациентов аортального склероза ассоциируется с повышенной сердечно-сосудистой заболеваемостью и смертностью, причем эта связь сохраняется даже тогда, когда принимаются во внимание пол, возраст пациентов, наличие у них ИБС и факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний [6–8]. Механизм такой взаимосвязи остается до конца не выясненным.

Кальцинированный аортальный стеноз выявляется у 2–7 % населения старше 65 лет [9], причем уровень распространения этого заболевания увеличивается с возрастом: у пациентов в возрасте 80 лет и старше частота выявления кальцинированного аортального стеноза уже составляет 15 % и более [10]. У пожилых людей среди кардиальных причин летального исхода кальцинированный аортальный стеноз занимает второе место после коронарной болезни

сердца [11]. В настоящее время кальцинированный аортальный стеноз стал главным среди всех показаний к проведению оперативных вмешательств по поводу протезирования клапанного аппарата сердца [12], а в структуре всех кардиохирургических операций, проводимых лицам, достигшим 80 лет, протезирование аортального клапана по частоте стоит на 2-м месте после аортокоронарного шунтирования [13]. В связи с процессом старения населения частота этого порока с каждым годом неуклонно возрастает.

Определенные трудности вызывает клиническая диагностика аортального стеноза у лиц пожилого и старческого возраста. Для этого порока характерен длительный бессимптомный период, когда пациенты не предъявляют жалоб, хорошо справляются с физическими нагрузками. Обычно наличие аортального стеноза у пациента в этот период определяется при выслушивании систолического шума в сердце во время обычного врачебного осмотра либо является случайной находкой при проведении эхокардиографического обследования [14].

Артериальная гипотензия, которая считается одним из признаков аортального стеноза, для пожилых пациентов с кальцинированным аортальным стенозом не является столь характерной. Наоборот, довольно часто (более чем в 50 % случаев) даже тяжелый аортальный стеноз у пожилых пациентов сочетается с артериальной гипертензией [15].

У пожилых больных аортальным стенозом пульс на сонных артериях может быть нормальным (в отличие от характерного для этого порока замедленного пульса с уменьшенной амплитудой – *pulsus parvus et tardus*) вследствие возрастных изменений сосудистой стенки, а также из-за наличия сопутствующей артериальной гипертензии.

Систолический шум у пациентов с кальцинированным аортальным стенозом имеет некоторые особенности. При выраженной кальцификации створок аортального клапана и вследствие отсутствия сращения комиссур клапана высокочастотные компоненты шума (колебания кальцинированных створок аортального клапана) проводятся к верхушке сердца, имитируя шум митральной недостаточности. К тому же у пациентов пожилого и старческого возраста интенсивность шума может быть небольшой.

Главными факторами, определяющими неблагоприятное течение заболевания у пациентов с аортальным стенозом при отсутствии клинических симптомов болезни, являются: быстрое нарастание скорости потока крови на аортальном клапане, определяемое при проведении серии эхокардиографических исследований в динамике, массивная кальцификация створок аортального клапана, а также наличие сопутствующей ИБС [16].

Бессимптомный (латентный) период заболевания может продолжаться в течение нескольких десятков лет. Появление клинических симптомов кардинально меняет ход течения заболевания и характеризуется

высокой смертностью пациентов, если не выполняется хирургическое вмешательство: средняя продолжительность жизни больных при наличии клинических симптомов заболевания составляет около 2–3 лет [17, 18]. Необходимо отметить и то, что как общая смертность, так и риск внезапной смерти пациентов начинают возрастать уже в первые месяцы с момента появления клинических симптомов аортального стеноза.

Классическими клиническими симптомами аортального стеноза являются стенокардия, синкопальные состояния и симптомы сердечной недостаточности. Однако клинические проявления кальцинированного аортального стеноза у пациентов пожилого и старческого возраста имеют свои особенности. Классические клинические симптомы аортального стеноза у этой категории больных часто можно выявить лишь на поздней стадии заболевания вследствие малоподвижного образа жизни таких пациентов, а первыми клиническими проявлениями заболевания могут быть выраженная общая слабость, быстрая утомляемость, снижение толерантности к обычным физическим нагрузкам, головокружение. Этим симптомам пожилые пациенты часто не придают значения, относя их к «старости», и вовремя не обращаются к врачу. Очень важно своевременно распознать головокружения и обморочные состояния у пациентов пожилого и старческого возраста, вызванные аортальным стенозом, так как неправильная трактовка таких состояний как неврогенных может иметь решающее значение для больного в связи с отсутствием необходимого лечения.

Вовремя не заподозренный и не диагностированный кальцинированный аортальный стеноз может быть причиной развившейся сердечной недостаточности «неясной этиологии».

Наряду с этим, довольно часто у больных пожилого и старческого возраста определяется сопутствующая патология различных органов и систем, что также затрудняет своевременную диагностику клинических проявлений кальцинированного аортального стеноза у этой категории пациентов.

Все вышеприведенные обстоятельства указывают на то, что ранняя клиническая диагностика аортального стеноза у лиц пожилого и старческого возраста может быть крайне затруднительной.

В настоящее время отсутствуют способы консервативного лечения кальцинированного аортального стеноза, которые могли бы замедлить развитие патологического процесса в створках аортального клапана, улучшить прогноз пациентов с аортальным стенозом и отсрочить хирургическое вмешательство. Единственный эффективный метод лечения пациентов с аортальным стенозом в настоящее время – протезирование аортального клапана, которое показано всем лицам с наличием клинических симптомов заболевания [9]. Своевременное хирургическое вмешательство в этом случае приводит не только к значительному уменьшению симптомов заболевания, но и к увеличению продолжительности жизни таких

пациентов [19]. Следовательно, появление клинических симптомов – ключевой момент в выборе оптимальной тактики ведения пациентов с аортальным стенозом. Исходя из этого большое значение придается тщательному клиническому наблюдению таких больных, их обучению и регулярному проведению эхокардиографических исследований в динамике. Пациенты должны знать течение и прогноз своего заболевания, проявления типичных клинических симптомов болезни для своевременного их выявления.

Таким образом, актуальность проблемы кальцинированного аортального стеноза в пожилом и старческом возрасте в настоящее время обусловлена: увеличением в структуре населения доли лиц пожилого и старческого возраста (старение населения), высоким уровнем распространения указанного заболевания у лиц этой возрастной категории, а также неблагоприятным прогнозом и высокой смертностью таких пациентов с наличием клинических симптомов заболевания, если не выполняется хирургическое вмешательство.

Причины развития и точные механизмы патогенеза кальцинированного аортального стеноза у лиц пожилого и старческого возраста до сих пор остаются до конца не выясненными. Долгое время считалось, что кальцинированный аортальный стеноз – это результат неспецифического, связанного с возрастом дегенеративного процесса, развивающегося в результате «возрастного изнашивания» створок клапана с пассивным отложением кальция на них. Однако кальцинированный аортальный стеноз развивается далеко не у всех пожилых людей, а лишь у относительно небольшого их числа. К тому же, приблизительно у 45–50 % населения старше 80 лет вообще отсутствуют характерные изменения аортального клапана [4, 5]. Более того, в настоящее время получены данные, которые указывают на то, что развитие кальцинированного аортального стеноза является активным процессом, при котором в створках клапана наблюдаются отложение липопротеинов, признаки активного воспалительного процесса с инфильтрацией макрофагов и активированных Т-лимфоцитов, активного процесса кальцификации уже на ранней стадии заболевания с формированием в дальнейшем в створках клапана зрелой костной ткани с функционирующим костным мозгом [20].

До сих пор нередко случаи диагностики «атеросклеротического стеноза устья аорты», что настраивает врачей скорее на назначение диеты и гиполипидемических средств, чем на направление таких пациентов на консультацию к кардиохирургу [21]. В то же время, вопрос о том, является ли развитие сенильного кальцинированного аортального стеноза проявлением атеросклеротического процесса, остается спорным. Существуют определенные черты сходства этих двух заболеваний. Это общие клинические факторы, связанные и с кальцинированным аортальным стенозом, и с атеросклерозом (возраст, артериальная гипертензия, курение) [5], а также схожие морфоло-

гические особенности (инфильтрация макрофагов и Т-лимфоцитов, отложение липопротеинов, очаги кальцификации). Данные о связи кальцинированного аортального стеноза и гиперлипидемии в литературе противоречивые.

Необходимо учитывать, что у пациентов с кальцинированным аортальным стенозом нередко выявляется сопутствующая ИБС, что отчасти объясняет ассоциацию факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний с аортальным стенозом. В исследовании J.R. Ortlepp и соавт. [15] сравнивалось наличие факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний (мужской пол, артериальная гипертензия, гиперхолестеринемия, курение, сахарный диабет, семейный анамнез ИБС) у пациентов с тяжелым аортальным стенозом и у пациентов без аортального стеноза. При этом учитывалось наличие сопутствующей ИБС, которое подтверждалось с помощью коронарной ангиографии. Исследование показало, что ни один из факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний не был преобладающим у пациентов с тяжелым аортальным стенозом в сравнении с контрольной группой, которую составляли пациенты того же пола и возраста с неизменными аортальными клапанами, а рассматриваемые факторы риска говорили о наличии сопутствующей ИБС у пациентов с тяжелым аортальным стенозом. Авторы исследования делают вывод, что одной только оценки факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний не достаточно для выявления механизмов развития кальцинированного аортального стеноза, необходим поиск других факторов, принимающих участие в патогенезе этого заболевания.

Существует немало различий между атеросклерозом и сенильным кальцинированным аортальным стенозом:

1. В отличие от атеросклеротической бляшки, при развитии кальцинированного аортального стеноза выявляется намного более ранняя и массивная кальцификация.

2. Гладкомышечные клетки, очень характерные для развития атеросклеротического процесса, практически отсутствуют в пораженных аортальных клапанах.

3. Один из главных факторов, способствующих прогрессированию кальцинированного аортального стеноза, – массивная кальцификация створок с повышением их жесткости, ограничением подвижности створок клапана и развитием обструкции аортального отверстия; в противоположность этому у пациентов с коронарным атеросклерозом ключевым моментом является нестабильность атеросклеротической бляшки.

4. Убедительным доказательством того, что атеросклероз и кальцинированный аортальный стеноз – это два разных заболевания, является несоответствие между тяжестью поражения аортального клапана и изменениями коронарных артерий у таких пациентов (рисунок); лишь около 40 % пациентов с аортальным стенозом имеют выраженную ишемическую болезнь сердца [22], и наоборот, у большинства пациентов с ИБС отсутствует аортальный стеноз.

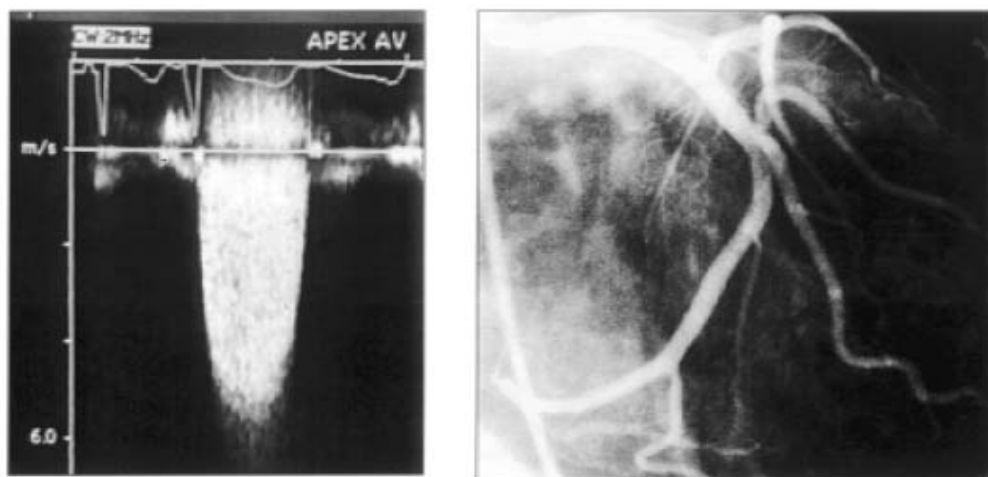

Рисунок. Данные эхокардиографического и коронароангиографического исследований у пациентки с аортальным стенозом [23]

На рисунке представлены результаты обследования 84-летней пациентки с одышкой при физической нагрузке. При эхокардиографическом исследовании выявлен тяжелый аортальный стеноз (скорость потока крови на аортальном клапане достигает 5,6 м/с, площадь отверстия аортального клапана 0,6 см²), однако при проведении коронарной ангиографии у этой же пациентки не выявлено существенных изменений коронарных артерий.

До недавнего времени существовала еще одна точка зрения на причины развития кальцинированного аортального стеноза в пожилом возрасте. Ее сторонники предполагали, что причиной кальцификации аортального клапана у таких пациентов является ревматический вальвулит, перенесенный латентно в более молодом возрасте. Однако проведенные исследования по иммуногенетическому тестированию лиц с сенильным аортальным стенозом с помощью иммуногенетического маркера ревматической лихорадки – аллоантигена В-лимфоцитов D 8/17 – показали отсутствие носительства этого маркера у 98 % пациентов с сенильным кальцинированным аортальным стенозом, что исключает ревматический анамнез этого порока [24].

В последние годы появились данные исследований о роли соединительно-тканной дисплазии в формировании «склеродегенеративных» поражений аортального клапана [25]. Сформировалось мнение, что наличие у пациента системной дисплазии соединительной ткани является прогностически неблагоприятным

признаком, указывающим на высокую вероятность развития в будущем сенильного аортального стеноза.

Опираясь на вышеизложенное, можно с уверенностью сказать, что кальцинированный аортальный стеноз у лиц пожилого и старческого возраста – одна из важнейших и актуальнейших проблем современной медицины. Широкое распространение этой патологии, неблагоприятный прогноз и высокая смертность пациентов с наличием клинических симптомов заболевания и в то же время неясность причин развития аортального стеноза в пожилом и старческом возрасте указывают на необходимость продолжения исследований, связанных с выявлением механизмов и факторов, ведущих к развитию этого заболевания.

Кальцинированный аортальный стеноз у лиц пожилого и старческого возраста в силу своих особенностей (кальцификация створок изначально нормального трехстворчатого аортального клапана с отсутствием сращения его комиссур) – один из приобретенных пороков, при котором разработка методов консервативного лечения является весьма перспективной: уточнение причин и механизмов развития этого заболевания может способствовать раннему и активному воздействию на них в целях замедления процесса прогрессирования патологических изменений в створках аортального клапана и предупреждения развития кальцинированного аортального стеноза у пациентов этой возрастной категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Baumgartner H. Aortic stenosis: medical and surgical management // *Heart*. 2005; 91: 1483–1488.
2. Recommendations on the management of the asymptomatic patient with valvular heart disease / B. Iung [et al.] // *Eur. Heart J.* 2002; 23: 1253–1266.
3. A prospective survey of patients with valvular heart disease in Europe: The Euro Heart Survey on Valvular Heart Disease / B. Iung [et al.] // *Eur. Heart J.* 2003; 24: 1231–1243.
4. Prevalence of aortic valve abnormalities in the elderly: an echocardiographic study of a random population sample / M. Lindroos [et al.] // *J. Am. Coll. Cardiol.* 1993; 21: 1220–1225.
5. Clinical factors associated with calcific aortic valve disease: Cardiovascular Health Study / B.F. Stewart [et al.] // *J. Am. Coll. Cardiol.* 1997; 29: 630–634.

6. Association of aortic-valve sclerosis with cardiovascular mortality and morbidity in the elderly / C.M. Otto [et al.] // N. Engl. J. Med. 1999; 341: 142–147.
7. Comparison of frequency of new coronary events in older subjects with and without valvular aortic sclerosis / W.S. Aronow [et al.] // Am. J. Cardiol. 1999; 83: 599–600.
8. Aortic valve sclerosis relates to cardiovascular events in patients with hypertension (a LIFE substudy) / M.H. Olsen [et al.] // Am. J. Cardiol. 2005; 95: 132–136.
9. Guidelines on the management of valvular heart disease (version 2012): The Joint Task Force on the Management of Valvular Heart Disease of the European Society of Cardiology (ESC) and the European Association for Cardio-Thoracic Surgery (EACTS) / A. Vahanian [et al.] // Eur. Heart J. 2012; 33: 2451–2496.
10. Aronow W.S., Ahn C., Kronzon I. Comparison of echocardiographic abnormalities in African-American, Hispanic, and white men and women aged > 60 years // Am. J. Cardiol. 2001; 87: 1131–1133, A10.
11. Кардиохирургические операции у восьмидесятилетних больных: достижения и проблемы / С.Р. Гуляревский [и др.] // Рос. кардиол. журн. 2003; 2: 77–86.
12. Rajamannan N.M. Calcific aortic stenosis: a disease ready for prime time // Circulation. 2006; 114: 2007–2009.
13. Cardiac operations in patients 80 years old and older / C.W. Akins [et al.] // Ann. Thorac. Surg. 1997; 64 (3): 606–614.
14. Roldan C.A., Crawford M.H. Value of the cardiovascular examination for detecting valvular heart disease in asymptomatic subjects // Am. J. Cardiol. 1996; 77: 1327–1331.
15. Cardiovascular risk factors in patients with aortic stenosis predict prevalence of coronary artery disease but not of aortic stenosis: an angiographic pair matched case-control study / J.R. Ortlepp [et al.] // Heart. 2003; 89: 1019–1022.
16. Mild and moderate aortic stenosis: natural history and risk stratification by echocardiography / R. Rosenhek [et al.] // Eur. Heart J. 2004; 25: 199–205.
17. Spontaneous course of aortic valve disease / J. Turina [et al.] // Eur. Heart J. 1987; 8: 471–483.
18. Horstkotte D., Loogen F. The natural history of aortic valve stenosis // Eur. Heart J. 1988; 9 (Suppl. E): 57–64.
19. Rosenhek R., Maurer G., Baumgartner H. Should early elective surgery be performed in patients with severe but asymptomatic aortic stenosis // Eur. Heart J. 2002; 23: 1417–1421.
20. Bone formation and inflammation in cardiac valves / E.R. Mohler [et al.] // Circulation. 2001; 103: 1522–1528.
21. Романенко В.В., Романенко З.В. Проблема сенильного кальцинированного стеноза устья аорты на рубеже XX и XXI веков // Мед. новости. 2005; 8: 12–19.
22. Prevalence of coronary artery disease in patients with aortic stenosis with and without angina pectoris / A.H. Rapp [et al.] // Am. J. Cardiol. 2001; 87: 1216–1217.
23. Otto C.M., O'Brien K.D. The natural history of aortic sclerosis // Proc. R. Coll. Physicians Edinb. 2001; 31: 208–215.
24. Егоров И.В. Сенильный кальцинированный стеноз устья аорты: клинко-инструментальная характеристика: дис. ... канд. мед. наук. М., 2001.
25. Хасанова С.И. Роль соединительно-тканной дисплазии в формировании склеро-дегенеративных поражений аортального клапана: дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2010.

Поступила 20.04.2015

О ДИАГНОСТИКЕ И ЛЕЧЕНИИ ВНЕБОЛЬНИЧНЫХ ПНЕВМОНИЙ

С.А. Петров¹, Е.М. Банькова¹, И.Н. Волянец², Г.П. Мороз², О.В. Однобочко²

¹Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

²2-я клиническая больница, Минск

Проанализированы ошибки в диагностике пневмоний на амбулаторном этапе у пациентов, госпитализированных в пульмонологическое отделение.

KEYWORDS

community-acquired pneumonia, treatment, diagnosis

It's analyzed pneumonia diagnostic pitfall on outpatient stage in the patients referred to pulmonology department.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

внебольничная пневмония, лечение, диагностика

По мнению экспертов, пневмонию следует предполагать при наличии остро возникшего кашля и по крайней мере одного из следующих признаков:

- одышка;
- тахипноэ;
- лихорадка > 4 дней;

физические признаки (фокус крепитации и/или мелкопузырчатые хрипы, бронхиальное дыхание, укорочение перкуторного звука).

Диагноз становится определенным при наличии рентгенологически подтвержденной очаговой инфильтрации легочной ткани [1].

Тем не менее диагноз внебольничной пневмонии (ВП) часто вызывает затруднения, поэтому иногда устанавливается достаточно поздно.

Принято считать, что в каждом конкретном случае целесообразно уточнение этиологического диагноза. С этой целью используются микроскопическое

исследование мазка мокроты, окрашенного по Граму (до начала антибактериальной терапии), и посев мокроты с определением чувствительности к антибиотикам. Для диагностики хламидии, микоплазмы, легионеллы применяются методы серотипирования, при легионеллезе экспресс-методом определяется антиген легионеллы в моче.

Ориентировочно об этиологии внебольничной пневмонии можно судить по клинической картине дебюта заболевания с учетом эпидемиологической обстановки. Так, если имеется вспышка нетяжелой пневмонии в относительно изолированных коллективах (солдатская казарма, детский дом и т. д.), можно думать о микоплазменной или хламидийной инфекции. Клинически при этом чаще отмечается поражение верхних дыхательных путей (фарингит, ларингит, сухой кашель), субфебрилитет.

Для классической пневмонии, наиболее часто ассоциирующейся с пневмококком, характерны острое начало, высокая лихорадка, интоксикация, болевые ощущения в грудной клетке, кашель с трудноотделяемой мокротой, часто отсутствие поражения верхних дыхательных путей в дебюте заболевания.

Поскольку за последние годы антибактериальная терапия внебольничной пневмонии несколько изменилась, было целесообразно изучить некоторые параметры госпитализированных в пульмонологическое отделение многопрофильной больницы пациентов, которые поступали в течение года с направительным диагнозом ВП.

За год в пульмонологическом отделении 2-й клинической больницы г. Минска было пролечено 422 пациента с диагнозом ВП, из них 167 женщин и 255 мужчин. Распределение по возрастным группам представлено в табл. 1.

Таким образом, по нашим данным, в наибольшей степени ВП болеют лица в возрасте от 51 до 60 лет.

Из 422 пациентов у 174 (41,2 %) в процессе обследования диагноз был изменен.

Чаще всего диагностировались другие заболевания органов дыхания: обострение хронического простого бронхита – 45 случаев, острый бронхит – 29,

грипп – 27, ОРВИ – 11, обострение ХОБЛ – 10, гайморит – 7, метастазы в легких – 6, туберкулез – 2, бронхиальная астма – 2, ТЭЛА – 3, саркоидоз – 1. В 1 случае имела место фолликулярная ангина. В 9 случаях был установлен и подтвержден гистологически рак легких.

Хотелось бы остановиться на диагнозе ишемической болезни сердца (ИБС – 13 пациентов). Больные ИБС чаще всего идут с диагнозом «застойная пневмония». Однако для выставления данного диагноза необходимо, чтобы у пациента клинически была диагностирована сердечная недостаточность (ХСН ФК 2–3). Рентгенологи часто злоупотребляют диагнозом «застойная пневмония», выставляя его там, где никакой патологии сердца вообще нет. Врач-клиницист также не всегда может подтвердить диагноз застойной пневмонии только на основании анамнеза, физикального исследования и рентгенологической картины.

Для достоверного диагноза необходима динамика лабораторных данных, клиники (под влиянием мочегонной терапии). В некоторых случаях диагностике помогает и назначение антибиотиков *exjvantibus*.

Другая патология представлена ГЭРБ – 1 случай, аневризмой грудного отдела аорты – 1, лимфомой – 1, пиелонефритом – 1, ХПН – 2, подкожным абсцессом области грудной клетки – 1.

10 лет назад на долю хронического и острого бронхитов пришлось 51 % от всех ошибок, в нашей работе – 46,5 %, что вполне сопоставимо. Интересно, что в исследовании 10-летней давности в числе ошибочных диагнозов вообще не фигурировала ХОБЛ.

115 пациентов были доставлены скорой помощью, 282 – направлены участковым врачом и 26 обратились в приемное отделение самостоятельно. При этом у пациентов скорой помощи ошибок оказалось 41 %, у поликлиник – 34,5 %, среди обратившихся самостоятельно – 36 %. Таким образом, можно заключить, что количество ошибочных заключений у рентгенологов поликлиник и стационара приблизительно одинаково.

Попытаемся представить логику мышления участкового терапевта или врача скорой помощи. Что заставляет доктора заподозрить пневмонию и направить пациента на рентгенологическое исследование? На наш взгляд, три главные причины:

- 1) выслушивание очаговых хрипов;
- 2) отсутствие снижения температуры в течение 3–4 суток от начала заболевания;
- 3) вторая волна подъема температуры на фоне ОРВИ.

Ориентировочно оптимальные сроки рентгенологического исследования для всех 3 вариантов совокупно не должны превышать 6 суток. Сравнивая данные, полученные в нашей работе, и результаты десятилетней давности (табл. 2), видно, что если рентгенологическое обследование в сроки до 6 суток от начала заболевания было сделано в 58,9 % случаев, то сейчас – в 79,3 %. Таким образом, можно заключить, что диагностика ВП в ранние сроки заболевания несомненно улучшилась.

Таблица 1

Возрастной состав пациентов	
Возраст, годы	Количество
18–20	5
21–30	37
31–40	37
41–50	29
51–60	65
61–70	29
71–80	24
81–90	20

Как изменились предпочтения врачей при назначении стартовой антибактериальной терапии амбулаторно?

В 2002–2003 гг. на первом месте оказался ампициллин – 53,8 % случаев, затем следует доксициклин – 11,5 %, сумамед и линкомицин – по 9,6 %, гентамицин и бисептол – по 5,8 %, в единичных случаях – рифампицин, цефаклор, пенициллин [2].

В 2012–2013 гг. картина значительно изменилась: так, чаще всего назначались макролиды: азитромицин – в 23,6 % случаев, кларитромицин – 11,8 %, суммарно 35,4 %, на втором месте амоксициллин – 30 %, в 17,2 % случаев назначались защищенные аминопенициллины (аугментин и амоксиклав), в 4,5 % случаев внутримышечно вводился цефтриаксон (курсовое лечение). Одна инъекция цефтриаксона перед госпитализацией была сделана в 28,2% случаев. В еди-

ничных случаях назначались ампициллин, ампиокс, цефаклор, левофлоксацин, ципрофлоксацин, доксициклин.

Таким образом, можно констатировать, что врачи практически перестали назначать амбулаторно сульфаниламиды, аминогликозиды, ампициллин. С удовлетворением можно отметить, что «пристрастия» участковых терапевтов соответствуют протоколам МЗ РБ.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. За 10-летний период произошли положительные изменения в диагностике и лечении ВП.

2. По-прежнему улучшение диагностики ВП связано с повышением профессиональных навыков рентгенологов. При этом следует отметить, что рентгенологические «ошибки» в итоге приводят к распознаванию других, зачастую более серьезных заболеваний.

Таблица 2

Сроки рентгенологического исследования от начала заболевания

День болезни	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й	9-й	10-й
Кол-во больных в 2003 г., %	2,4	7,2	7,2	19,6	10,5	12	7,7	11	2,8	19,6
Кол-во больных в 2013 г., %	1,9	5,2	7,3	39,3	12,3	13,3	7	9,5	3,1	1,1

ЛИТЕРАТУРА

1. Синопальников А.И., Романовских А.Г. Внебольничные инфекции нижних дыхательных путей у взрослых: рекомендации для практикующих врачей // Дыхание. 2012; 2–14.

2. Петров С.А., Савицкая С.Е., Саевич Н.И. О диагностике и лечении внебольничных пневмоний // Медицина. 2003; 2: 38–40.

Поступила 28.04.2015

НЕСТЕРОИДНЫЕ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНЫЕ ЛЕКАРСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА В ПРАКТИКЕ ВРАЧА-ТЕРАПЕВТА

Ж.Л. Сухих, М.В. Штонда, Е.М. Банькова

Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

Нестероидные противовоспалительные лекарственные средства занимают одно из первых мест по частоте клинического использования. Однако нестероидные противовоспалительные средства могут вызвать серьезные осложнения со стороны желудочно-кишечного тракта. В статье описан клинический случай НПВП-гастропатии, содержатся рекомендации для врача-терапевта по назначению нестероидных противовоспалительных лекарственных средств.

KEYWORDS

nonsteroidal anti-inflammatory drugs, gastropathy, clinical case, recommendations

The application of nonsteroidal anti-inflammatory drugs take one of the first places on the frequency of clinical use. However, nonsteroidal anti-inflammatory drugs can cause serious gastrointestinal complications. The article describes a clinical case of NSAID-gastropathy, contains recommendations for therapist by appointment nonsteroidal anti-inflammatory drugs.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

нестероидные противовоспалительные препараты, гастропатия, клинический случай, рекомендации

Нестероидные противовоспалительные лекарственные средства (НПВС) занимают одно из первых мест по частоте клинического использования. Это объясняется их действием против боли, воспаления

и повышенной температуры тела, симптомов, сопровождающих многие заболевания. За последние годы арсенал НПВС пополнился значительным числом новых лекарств, причем поиск ведется в направлении

создания препаратов, сочетающих высокую эффективность с улучшенной переносимостью [1, 4]. Несмотря на большое число преимуществ от приема НПВС, всегда нужно помнить об их пагубном влиянии на слизистую оболочку верхних отделов желудочно-кишечного тракта (ЖКТ), и в первую очередь желудка, что привело даже к выделению отдельной нозологии – НПВС-индуцированной гастропатии. Об осложнениях со стороны ЖКТ при использовании НПВС было хорошо известно терапевтам еще в 1896 г. В Реальной энциклопедии медицинских наук (Санкт-Петербург, 1896) раздел, посвященный салициловой кислоте, содержит описание гастродуоденальных побочных эффектов, включающих гастралгии и диспепсические явления [2]. Под термином НПВС-индуцированная гастропатия понимают эрозивно-язвенные поражения гастродуоденальной области, которые возникают при применении НПВС и имеют характерную клинко-эндоскопическую картину. Виды повреждений слизистой верхних отделов ЖКТ при НПВС-гастропатиях могут быть следующими: подслизистые кровоизлияния, эрозии и язвы. По данным эндоскопии, эрозии обычно бывают маленькими, линейными и поверхностными, затрагивают только пределы слизистой оболочки, в то время как язвы больше по размерам, глубже и затрагивают мышечный слой [8]. Даже при кратковременном применении НПВС развиваются изменения слизистой, которые носят дозозависимый характер [7]. После однократного приема 650–1300 мг ацетилсалициловой кислоты практически в 100 % случаев возникает нарушение слизистой [9, 10]. Поражения слизистой носят множественный характер, обычно имеют малосимптомное течение (или проявляются такими неспецифическими симптомами, как умеренная диспепсия, тошнота и дискомфорт в эпигастриальной области), но при этом высок риск манифестации желудочно-кишечными кровотечениями. Механизмы развития НПВС-гастропатий следующие. НПВС ингибируют активность фермента циклооксигеназы (ЦОГ), имеющего два изомера – ЦОГ-1 и ЦОГ-2. Угнетение активности ЦОГ-1 вызывает нарушение синтеза простагландинов в слизистой оболочке желудка, в то время как подавление активности изомера ЦОГ-2 определяет противовоспалительный эффект данных препаратов. Кроме того, ингибирование ЦОГ-1 тромбоцитов ведет к нарушению их функции, что служит одним из факторов, способствующих высокой частоте желудочно-кишечных кровотечений. Прием НПВС приводит также к снижению кровотока в слизистой оболочке желудка, уменьшению выработки желудочной слизи и бикарбонатов, стимуляции секреции соляной кислоты и продукции пепсиногена, усилению апоптоза и десквамации эпителиальных клеток, изменениям гастродуоденальной моторики, повышению образования свободных радикалов, фактора некроза опухолей, увеличению хемотаксиса нейтрофилов.

К факторам, увеличивающим риск развития НПВС-гастропатий и более значимых осложнений (эрозий и язв желудка, кровотечений), относятся:

возраст старше 65 лет;
язва желудка и 12-перстной кишки в анамнезе;
большие дозы и/или одновременный прием нескольких НПВС;
одновременный прием антикоагулянтов;
сопутствующая терапия глюкокортикоидами;
продолжительность терапии НПВС;
наличие заболевания, требующего длительного приема НПВС;
женский пол;
курение;
прием алкоголя;
наличие хеликобактерной инфекции.
Приведем клинический случай.

Пациентка П., 1953 г. р., пенсионерка, поступила в отделение экстренной хирургии 2-й ГКБ 16.09.2013 г. При поступлении предъявляла жалобы на слабость, выраженную одышку, учащенное сердцебиение, тошноту, утром при чистке зубов однократную рвоту темно-коричневого цвета.

Анамнез заболевания. Около 6 лет назад, когда после физической перегрузки на даче появились боль и отечность коленного сустава, пациентка обратилась к участковому терапевту, который назначил внутримышечно инъекции диклофенака (№ 10). В течение последующих лет пациентка дважды в год (весной, осенью) проводила 2-недельные профилактические курсы нестероидных противовоспалительных препаратов (диклофенак). Последний курс закончила 14.09.2013 г. С мая 2013 г. у пациентки стало повышаться артериальное давление (АД) – максимальные цифры АД 160–170/90–95 мм рт. ст. Участковым терапевтом была назначена гипотензивная терапия: индапамид 1,5 мг, лизиноприл 10 мг утром, ацетилсалициловая кислота (АСК) 75 мг после обеда.

В приемном покое 2-й ГКБ 16.09.2013 г. пациентка была осмотрена терапевтом, кардиологом, хирургом. На ЭКГ: синусовая тахикардия, ЧСС 106 уд/мин, гипертрофия левого желудочка. Общий анализ крови: лейкоциты $14,4 \times 10^9$ /л, эритроциты $2,26 \times 10^{12}$ /л, гемоглобин 70 г/л, тромбоциты 391×10^9 /л. Биохимический анализ крови: общий билирубин 13,1 ммоль/л, мочевины 6,3 ммоль/л, креатинин 70 ммоль/л, глюкоза 6,1 ммоль/л, амилаза 67 Е/л. Электролиты в норме. Заключение эзофагогастродуоденоскопии (ЭГДС): слизистая оболочка желудка в антральном отделе отечна, гиперемирована. Луковица 12-перстной кишки деформирована, слизистая отечна, гиперемирована, по передней стенке глубокий язвенный дефект, диаметр 3 см, под фибрином и гематином, края подрытые. Состоявшееся кровотечение (Forrest 2c). Деформация луковицы 12-перстной кишки. Эритематозная дуоденопатия. Эритематозная гастропатия. УЗИ органов брюшной полости: умеренные диффузные изменения печени, поджелудочной железы и почек.

Назначено лечение: ингибитор протонной помпы (ИПП) в/в капельно 20 мг 2 раза в день 2 дня, затем per os 40 мг × 2 раза в день, метронидазол 0,5 × 3 раза в день, висмута трикалия дицитрат 240 мг × 2 раза

в день. 17.09.2013 г. перелито 2 дозы эритроцитарной массы (300,0 и 200,0 мл – одноклассовая, резус-совместимая). При выписке отмечено повышение уровня гемоглобина до 100 г/л. Пациентке рекомендовано: продолжить в течение 14 дней противоязвенную антихеликобактерную терапию. Через 2 месяца проведен контроль ЭГДС.

Заключение. Эритематозная гастропатия. Незначительная рубцовая деформация луковицы ДПК. Дуоденогастральный рефлюкс.

Данный клинический пример заставляет еще раз обратить внимание врача-терапевта на рекомендации по назначению НПВС. Уменьшение боли относится к основным направлениям противоревматической терапии, поэтому использование НПВС показано всем пациентам с ревматическими заболеваниями, испытывающим боль, связанную с воспалительным или дегенеративным поражением органов опорно-двигательной системы. НПВС не должны применяться с профилактической целью. Парентеральные формы НПВС следует использовать только для кратковременного (не более 1–2 дней) купирования интенсивной острой боли и лихорадки. Важнейшим показанием к их применению служат невозможность перорального приема или настоятельная необходимость достижения терапевтического эффекта в течение менее 1 ч. Альтернативой парентеральному введению при невозможности перорального приема может быть использование ректальных суппозиторий. Пациентам, не имеющим основных факторов риска НПВС-гастропатии, прием АСК в низких дозах, антикоагулянтов и глюкокортикоидов при клинически выраженной патологии сердечно-сосудистой системы (в том числе неконтролируемой артериальной гипертензии, сердечной недостаточности) целесообразно назначать совместно с неселективными НПВС. Последние не следует назначать

пациентам, у которых ранее отмечались опасные осложнения со стороны ЖКТ (кровотечение и перфорация язвы), а также тем, кто страдает хроническими воспалительными заболеваниями кишечника и тяжелой патологией сердечно-сосудистой системы. При наличии факторов риска развития НПВС-гастропатии (включая прием аспирина в низких дозах) использование неселективных НПВС допустимо только в сочетании с препаратами ИПП. Риск возникновения НПВС-гастропатии зависит также от дозы лекарственного средства и продолжительности лечения. Так, у пациентов в возрасте старше 60 лет при назначении доз, превышающих стандартные в 1,5 раза, риск развития НПВС-гастропатии возрастает в 2,8 раза, а при тройном превышении стандартных доз – увеличивается уже в 8 раз. В то же время было показано, что эрозивно-язвенные поражения желудка и 12-перстной кишки могут возникать даже при лечении небольшими дозами АСК (150–300 мг в сутки), назначаемыми в целях профилактики тромбозов при ишемической болезни сердца [5]. Наибольший риск возникновения рассматриваемой патологии отмечается в период с 30-го по 50-й день приема лекарственного средства, что требует эндоскопического осмотра [11].

Несмотря на существенный прогресс в разработке эффективных и более безопасных лекарственных средств, проблема гастропатии, индуцированной НПВС, остается актуальной для медицинской практики. Во всех клинических ситуациях, даже если планируется кратковременное применение лекарства в низких дозах, выбор НПВС следует осуществлять индивидуально, исходя из фармакологических особенностей лекарственного средства, клинической ситуации и наличия факторов риска появления нежелательных эффектов. Пациенту должна быть предоставлена необходимая информация о возможных нежелательных эффектах и методах самоконтроля в процессе лечения [3].

ЛИТЕРАТУРА

- Максимов М.Л. Актуальные вопросы эффективности и безопасности современных нестероидных противовоспалительных препаратов // РМЖ. 2014; 28: 2015–2021.
- Насонов Е.Л., Каратеев А.Е. Применение нестероидных противовоспалительных препаратов. Клинические рекомендации // РМЖ. 2006; 25: 1769–1777.
- Ливзан М.А., Осипенко М.Ф., Лялюкова Е.А. Поражение органов пищеварения у пациентов, принимающих нестероидные противовоспалительные препараты: факторы риска, тактика ведения // Лечащий врач. 2013; 7.
- Применение нестероидных противовоспалительных препаратов. Клинические рекомендации / А.Е. Каратеев [и др.]. М.: ИМА-Пресс, 2009. 167 с.
- ACCF/ACG/AHA 2008 Expert Consensus Document on reducing the gastrointestinal risks of antiplatelet therapy and NSAID use / L.B. Deepak [et al.] // Circulation. 2008; 118: 1894–1909.
- Borenstein D. The role of the rheumatologist in managing pain therapy // Nat. Rev. Rheumatol. 2010; 6: 227–231.
- Double blind controlled study on the effect of sucralfate on gastric prostaglandin formation and microbleeding in normal and aspirin treated men / S.J. Konturec [et al.] // Gut. 1986; 27: 1450–1456.
- Lanza F.L. Endoscopic studies of gastric and duodenal injury after the use of ibuprofen, aspirin, and other nonsteroidal anti-inflammatory agents // Am. J. Med. 1984; 77: 19–24.
- Nonsteroidal anti-inflammatory drug use and death from peptic ulcer in elderly persons / M.R. Griffin [et al.] // Ann. Intern. Med. 1988; 109: 359–363.
- Ranitidine protects against gastroduodenal mucosal damage associated with chronic aspirin therapy / J.M. Berkowitz [et al.] // Arch. Intern. Med. 1987; 147: 2137–2139.
- Time dependent risk of gastrointestinal complications induced by non-steroidal anti-inflammatory drug use: a consensus statement using a meta-analytic approach / F. Richy [et al.] // Ann. Rheum. Dis. 2004; 63: 759–766.

Поступила 18.04.2015

КОНТРОЛЬ СНИЖЕНИЯ АРТЕРИАЛЬНОГО ДАВЛЕНИЯ И УРОВНЯ ГЛИКЕМИИ У ПАЦИЕНТОВ С САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ 2 ТИПА (РЕЗУЛЬТАТЫ ПОСТПРОТОКОЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ADVANCE-ON)

Т.А. Нечесова

Республиканский научно-практический центр «Кардиология», Минск

Предотвращение сердечно-сосудистых осложнений у пациентов с сахарным диабетом 2 типа (СД) – одна из важнейших задач современной медицины. Артериальная гипертензия (АГ) рассматривается в качестве основного фактора риска сердечно-сосудистых осложнений у этой категории лиц. Профилактическая роль гипотензивной терапии подтверждена во многих исследованиях [1, 2]. В метаанализе, опубликованном в 2015 г., приводятся данные 40 исследований (100 354 пациента), доказывающих, что снижение артериального давления (АД) на 10 мм рт. ст. ассоциировано со значительно более низким уровнем смертности (относительный риск 0,87; 95 % доверительный интервал (ДИ) 0,78–0,96) [3].

Подчеркнуто, что у большинства пациентов СД эффективный контроль АД достигается чаще всего с помощью комбинированной терапии. В связи с этим особенно актуальным становится адекватный выбор комбинированной антигипертензивной терапии.

В исследовании ADVANCE (Action in Diabetes and Vascular disease – PreterAx and DiamicroN MR Controlled Evaluation) показано, что комбинация периндоприла и индапамида снизила смертность у пациентов СД 2 типа, а также макро- и микрососудистые осложнения [4].

В 2014 г. опубликованы результаты постпротокольной фазы исследования (ADVANCE-ON), проведенного, проанализированного и интерпретированного независимо от спонсоров, в том числе Server International (коммерческий спонсор).

В постпротокольное исследование были включены 8494 пациента из групп, где ранее проводилось сравнение снижения АД и контроля за уровнем глюкозы. Средний период наблюдения составил 5,9 года среди пациентов, у которых оценивали снижение АД, и 5,4 – в группе контроля за гликемией [5].

Первичные конечные точки – смертность от всех причин и основные макрососудистые осложнения. Первый постпротокольный визит показал, что в группе снижения АД приверженность к лечению снизилась, и хотя при последующем наблюдении она повышалась, к концу 5,9 года наблюдения 20 % пациентов не получали никакой терапии.

В течение постпротокольного наблюдения 1386 пациентов умерли и у 1166 развились серьезные макрососудистые осложнения. Среди пациентов, получавших индапамид и периндоприл, отношение рисков смертности от любой причины составило 0,91 (95 % ДИ 0,84–0,99, $p = 0,03$).

Число пациентов, умерших от кардиоваскулярных причин, составило 520: у 393 был диагностирован инфаркт миокарда, у 538 – инсульт. Относительный риск снижения риска смерти от любой кардиоваскулярной причины составил 0,88 (95 % ДИ 0,77–0,99, $p = 0,04$) [5].

Следует напомнить, что в основном периоде исследования ADVANCE относительный риск снижения смертности от кардиоваскулярной патологии был ниже – 0,82 (95 % ДИ 0,68–0,98) [4].

Таким образом, преимущества в отношении снижения смертности при использовании комбинированной терапии индапамидом и периндоприлом, которые были доказаны в первоначальном исследовании ADVANCE, ослабли, но все еще сохранились по окончании 6-летнего постпротокольного периода наблюдения.

В рандомизированной группе контроля за гликемией 1234 пациента умерли и у 1019 были диагностированы макрососудистые осложнения в течение постпротокольного периода наблюдения. В группах стандартной и интенсивной сахароснижающей терапии не обнаружено различий в риске смерти от всех причин или основных макрососудистых осложнений: отношения рисков были 1,00 (95 % ДИ 0,92–1,08) и 1,00 (95 % ДИ 0,92–1,08).

В заключение исследования ADVANCE-ON авторы делают выводы, что у пациентов, страдающих сахарным диабетом, антигипертензивная терапия периндоприлом в сочетании с индапамидом в течение 4,5 лет продемонстрировала ослабевающие, но значимые долгосрочные преимущества в отношении общей и сердечно-сосудистой смертности. Однако интенсивный контроль уровня глюкозы по сравнению со стандартным подходом не выявил явных преимуществ в снижении риска смертности и макрососудистых осложнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Association of systolic blood pressure with macrovascular and microvascular complications of type 2 diabetes (UKPDS 36): prospective observation study / A.I. Adler [et al.] // *BMI*. 2000; 321: 412–419.
2. American Diabetes Association. Standards of medical care in diabetes 2006 // *Diabetes Care*. 2006; 26 (1): 41–42.
3. Emdin C., Rahim K., Neal B. Blood pressure lowering in type 2 diabetes: a systematic review and meta-analysis // *JAMA*. 2015; 313 (6): 603–615.
4. Pafel A. ADVANCE Collaborative Group. Effect of fixed combination of perindopril and indapamide on macrovascular and microvascular outcomes in patients with type 2 diabetes mellitus (the ADVANCE trial): a randomized trial // *Lancet*. 2007; 370: 829–840.
5. Follow-up of blood-pressure lowering and glucose control in type 2 diabetes / S. Zoungas [et al.] // *New Engl. J. Med*. 2014; 371: 1392–1406.

Поступила 03.04.2015

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Журнал «Лечебное дело» публикует обзоры, посвященные актуальным проблемам диагностики и лечения заболеваний внутренних органов, включая дискуссионные вопросы, лекции для практикующих врачей, оригинальные клинические исследования, посвященные эпидемиологии, патогенезу, диагностике и лечению отдельных заболеваний внутренних органов, краткие сообщения о новейших достижениях фундаментальной и клинической медицины, актуальные вопросы клинической фармакологии и фармакотерапии, клинические разборы и описания необычных клинических наблюдений.

Журнал «Лечебное дело» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по медицинской отрасли науки (научное направление – терапия).

Статьи аспирантов последнего года обучения публикуются вне очереди.

Для публикации статьи автору необходимо представить рукопись, отпечатанную на белой бумаге формата А4 с одной стороны (перенос слов не делать), а также электронный вариант текста. Оригинальные статьи должны быть построены по традиционному для мировой научной периодики плану. Объем оригинальной статьи, включая таблицы, рисунки, литературу, резюме, не должен превышать 15 страниц печатного текста (12 пунктов, одинарный интервал, поля: слева, сверху и снизу – 25 мм, справа – 10 мм). Обзорные статьи и лекции не должны занимать более 25 страниц. Другие материалы (актуальные вопросы фармакотерапии, клинические разборы, описания необычных клинических наблюдений и т. п.) не должны превышать 10 страниц.

Оригинальные статьи должны иметь следующие рубрики: введение, материал и методы, результаты и обсуждение, резюме, в том числе на английском языке.

В выходных данных к статье указываются название работы, инициалы и фамилии авторов, название учреждения, в котором выполнена работа, город. Необходимо сообщить фамилию, имя и отчество, адрес, телефон, e-mail автора, с которым редакция может при необходимости связаться.

Статья должна быть тщательно выверена автором, так как редакция не высылает корректуру.

Математические и химические формулы должны быть написаны очень четко.

Таблицы должны иметь заголовок, быть компактными. Ссылка на таблицу в тексте обязательна.

Количество рисунков в статье должно быть минимальным. Иллюстрации требуется представлять в формате TIFF или cdr, графики и диаграммы – MS Excel и в распечатанном виде. Рисунки не должны содержать пояснительных надписей и обозначений, которые можно поместить в текст или подрисовочные подписи. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок.

К статье необходимо приложить список всей цитируемой литературы, который должен включать не более 20 источников в оригинальных статьях и 50 – в обзорных и лекциях. Библиографические ссылки в тексте даются в квадратных скобках цифрами. Литературная ссылка должна включать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год, том, номер, страницы. Сокращенные названия журналов должны соответствовать нормам, принятым в Index Medicus. Для книг и сборников указываются заглавия по титульному листу, место и год издания. В списке литературы все работы могут перечисляться как в алфавитном порядке, так и в порядке цитирования.

За достоверность данных, представленных в статье, ответственность несут авторы.

Редколлегия журнала «Лечебное дело» просит авторов оформлять направляемые в редакцию статьи в строгом соответствии с вышеперечисленными правилами. *Статьи, не соответствующие правилам оформления, к публикации не принимаются.*

Редакция журнала оставляет за собой право вносить стилистические правки, изменять названия статей, термины, определения, сокращать тексты статей, а также не публиковать перечень использованной литературы, с которым всегда можно будет ознакомиться в редакции.

Рукописи, не принятые к печати, авторам не возвращаются.

Статьи следует направлять по адресу:
220049, г. Минск, ул. Черняховского, д. 3, к. 28
E-mail: akhapa@tut.by, lechebnoe.delo@yandex.ru

Врачи доверяют продукции компании KRKA
более чем в 70 странах мира

Фромилид уно®
таблетки с пролонгированным
высвобождением 500 мг

Фромилид®
таблетки 250, 500 мг
суспензия 125мг/5мл

Фромилид – единство силы и ума

- ✧ Отличная переносимость и отсутствие дисбактериоза
- ✧ **Фромилид Уно** – 1 раз в день для всех инфекций дыхательных путей
- ✧ **Фромилид** – высокая эффективность при проведении эрадикационной терапии

РУ МЗ РБ № 8129/07/2012 до 05.03.2017

Представительство в Беларуси: 220012, г. Минск, ул. Сурганова, 29, оф. 28
Тел. (017) 290 05 11. Факс (017) 290 05 10. E-mail: info.by@krka.biz, www.krka.by

 НОЛЬПАЗА®
таблетки 20 мг, 40 мг пантопразол

Выбери свободу

Нольпаза – 1 таблетка в сутки при изжоге и боли в желудке

- 🔥 Действует 46 часов
- 🔥 Защита желудка при приеме кардиоаспирина и других НПВС
- 🔥 Маленькая таблетка – удобный прием

РУ МЗ РБ № 8730/08 до 29.08.2013

Наши инновации и опыт посвящены заботе о здоровье. Стремления, последовательность и накопленные знания компании подчинены единой цели – созданию эффективных и безопасных препаратов высочайшего качества.

лерканидипин

Леркамен®

**ПОВЫШАЯ
ПРИВЕРЖЕННОСТЬ К
ЛЕЧЕНИЮ ПАЦИЕНТОВ
с АГ^{1,5}**

**Защита сосудов головного мозга
от повреждения при АГ²**

**Дополнительные
кардиопротективные
эффекты при АГ^{4,6}**

**Доказанное
нефропротективное
действие лерканидипина^{6,7}**

**Минимизация риска
побочных эффектов^{*8}**

Главная цель – снижение смертности у пациентов с АГ!^{9,3}

Адаптировано по

1. Simons L.A. et al.; MJA 2008; 188: 224–227

2. Sabbatini M et al.; Mech Aging Dev 2001; 122(8):795–809**

3. Сиренко Ю.Н., Новости медицины и фармации 2010; 1

4. Amenta F et al.; Hypertension 2003;41(6):1330–5**

5. Ortiz M, Calcino G.; Hypertension 2009; 53; 1115

6. Borghi C. Vasc Health Risk Manag. 2005;1(3)

7. Robles N.R. et al.; Renal Failure 2005; 1: 73–80

8. Barrios V et al.; Cardiovasc Therapeut 2008; 26:2–9

9. Ortiz M, Calcino G.; Hypertension 2009; 53; 1116

† среди исследованных антагонистов кальция (АК)

* среди исследованных дигидропиридиновых АК

** экспериментальные данные на животных

Леркамен® 10, 60 таблеток, покрытых оболочкой. МНН лерканидипин. Терапевтические показания: для лечения эссенциальной гипертензии слабой и средней степени тяжести. Дозировка и способ применения: доза при приеме внутрь составляет 10 мг один раз в день, по меньшей мере за 15 минут до еды; доза может быть увеличена до 20 мг в зависимости от индивидуальной восприимчивости пациента. **Противопоказания:** повышенная чувствительность к действующему веществу лерканидипину, к любому дигидропиридиновому или к любому компоненту препарата. Беременность и период кормления грудью. Женщины детородного возраста, если они не используют эффективную контрацепцию. Обструкция сосудов, исходящих из левого желудочка сердца (например, аортальный стеноз). Нелеченная или декомпенсированная застойная сердечная недостаточность. Нестабильная стенокардия. Тяжелая степень дисфункции почек или печени. Период, составляющий 1 месяц после инфаркта миокарда. Совместный прием препарата и сильных ингибиторов CYP 3A4, циклоспорина, сока грейпфрута. **Противопоказан во время беременности и кормления грудью.**

Р/у. 5383/01/06/10/11 Дата регистрации 24.11.2011 до 24.11.2016. Отпускается по рецепту. Информация для специалистов здравоохранения. На правах рекламы. Перед назначением препарата ознакомьтесь с полной инструкцией по применению.

ISSN 2219-6404

9 772219 640001

**BERLIN-CHEMIE
MENARINI**

АО "Berlin-Chemie AG", представительство в Беларуси:
г. Минск, ул. Замковая, 27, пом. 9, тел. (017) 3060508,
bcinfo@gin.by

По лицензии RECORDATI

лерканидипин
Леркамен®